

Возлюби ближнего твоего...

(Читайте стр. 20—21)

Фото Александра КОВАЛЯ
и Альберта ЛЕХМУСА

ISSN 0131—6656

СИДИЧИ
23

- Без вести павшие. Фотоочерк ■ Рассказ Ивана Бунина «Товарищ дозорный»
- «Принимаются заказы на колокола». Фоторепортаж
- По ухабам на пулантах. Очертк нравов ■ Почему наглеют преступники? Мнение следователя

Нина ЧУГУНОВА

сколько чудных историй предлагает нам жизнь — историй, где человеческая судьба совершает головокружительный взлет, столкнувшись с высоким искусством, точнее, поддав под его магию и власть!

Девочка из «простой» семьи и мама, мечтающая видеть дочь на сцене, настойчиво толкающая ее в мир тягот, tragedии и блесток. Могла быть сломанная судьба, могла выйти посредственная актриса, могла получиться неплохая работница балета. Но случилось чудо, и девочка стала народной артисткой СССР — не работницей, а повелительницей. Что произошло с ней, когда? Я говорю вам, чудо: над жизнью дитяти, заполненной одним недетским, изнурительным трудом, пролетел божественный гений, и судьба свершилась. Скажу о подозрении: магия должна быть непрерывна, как и труд, — душа им откроется постепенно, но огонь пусть горит ровно и ярко; кто-то сильный пусть поддерживает его в стенах, где собираются ученики.

И вдруг я слышу:

— Балет научил меня предельной честности.

Это сказала мне наутро после «Щелкунчика», оттанцевав двадцатый сезон, народная артистка СССР Татьяна Тайкина (да-да, та девочка!).

Мальчик, любитель пения, не мальчик, а уже подросток, ничего не знающий о балете, видит объявление о приеме в хореографическое училище и, живо уловив корневую связь слов «хор» и «хореография», входит.

— Веня, — говорит ему годы спустя (уже артисту с чувствительной и доброй душой настоящего артиста и музыканта) его преподаватель музыки в училище, — а почему вы понапачу все пытались петь на моих занятиях?

Вениамин Кузьмичев сегодня преподает в родном училище классический танец. Он вдруг сказал о своих учениках: «Им нельзя лгать, и я им не лгу».

— И в особенности, — сказал он, — нельзя отворачиваться при виде грязи.

Или вот еще история. Мальчик послевоенного времени, почти беспризорник, продавец папирос пачками и броссыль в туалете Русской драмы. Однажды мать дает ему поручение, значение которого для всей его жизни он смог оценить десятилетия спустя: отправиться на поиски пианино «Шредер», брошенного дома, в Могилеве, в день панического бегства матери с малыми детьми от немцев.

Он стал музыкантом, окончил консерваторию (у меня записано: «ринулся в консерваторию»)... Магия вмешалась и в характер: от природы был честен (не воровал, «не мог научиться»), он, захваченный музыкой, качество честности в себе укрепил, как укрепляется от постоянных упражнений, полагаю, даже и абсолютный музыкальный слух. Вспоминаю, как Игорь

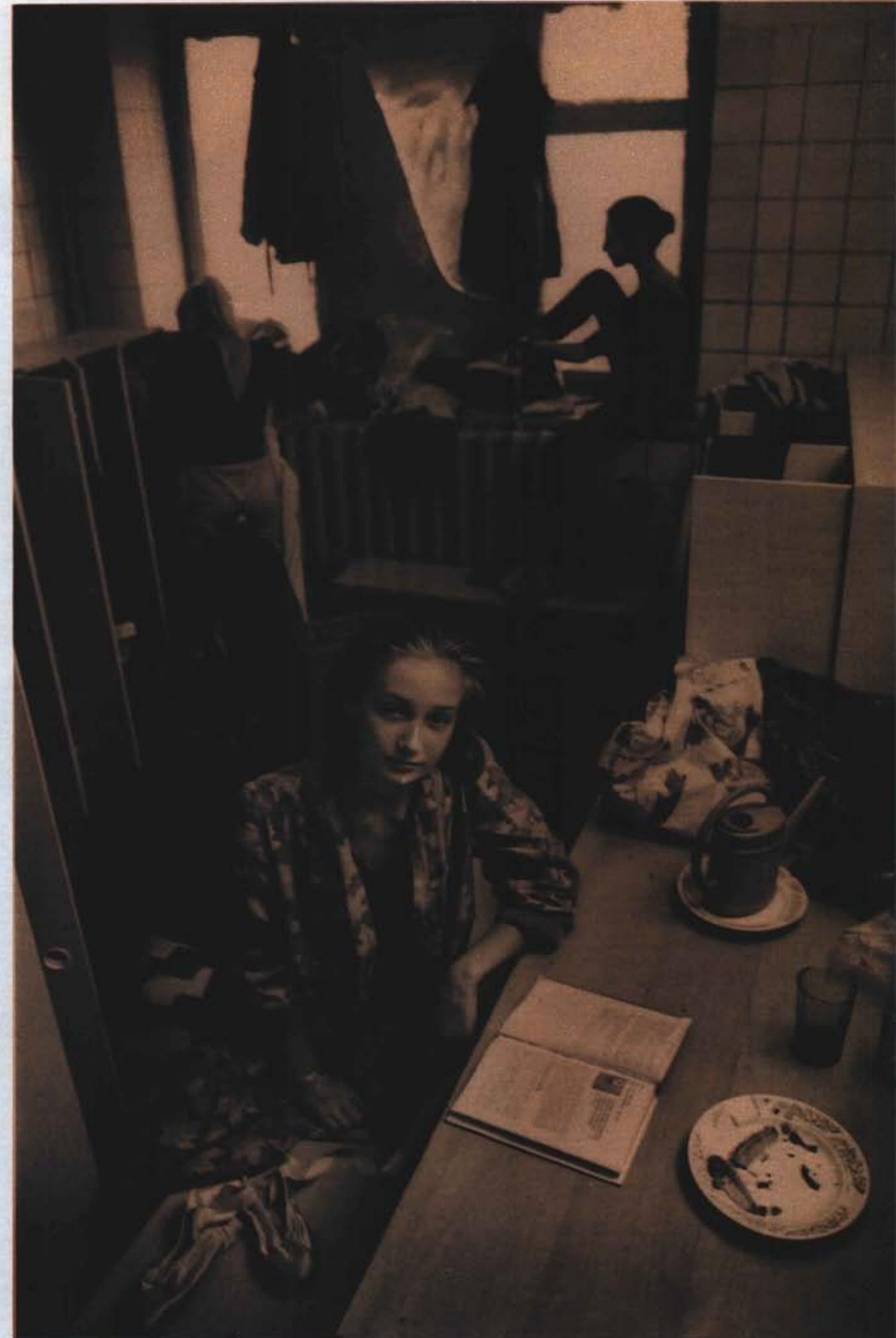

Фото Анвара ГАЛЕЕВА

Андреевич Энгстрем смотрел и слушал «Щелкунчика»: подавшись вперед с кресла в партере, нервничая, задеваемый промахами дирижера и тяготами кордебалета, в муках, неведомых расслабленному зрителю, пусть даже и «тонкому ценителю», в муках, но и в ожидании любой темы... Потом мы прошли на сцену при спущенном занавесе, и вновь пал флер, явив изнурение праздника, но не открыв загадок магии, рабочие сцены деловито ходили мимо Татьяны Таякиной, стоявшей с мокрым прекрасным лицом у самого края.

Этим летом директор Государственного симфонического оркестра Украины Игорь Андреевич Энгстрем получил в министерстве предложение возглавить Киевское государственное хореографическое училище. (Прежний директор в то время уже, кажется, был занят своим переводом в академический оперы и балета театра на должность чиновника по рекламе.)

В ближайшие же дни знакомый из театрально-музыкальных кругов, встретив Игоря Андреевича то ли на улице, то ли в концерте, прымком и не понизив голоса ему заявил:

— Вы попадаете в нравственное болото!

Но Игорь Андреевич согласился, узнав, что министерство просит Татьяну Таякину взять на себя художественное руководство училищем (должностьпустовала), разумеется, не оставляя сцены.

Татьяна Таякина дала согласие.

(Это не начало истории и не ее финал.)

...Было время, когда училище размещалось в старинном здании в центре Киева на Пушкинской улице, неподалеку от театра, так что учащиеся могли проникнуть на балетные и оперные спектакли, как бы пробежав из двери в дверь.

А потом училище перевели в отдаленный район, который называется Сырец (есть выражение «сырецкая шапана», не знаю, из каких времен оно), и поместили в новое и быстро и стремительно начавшее ветшать здание. Это здание было логично разделено на две симметрические части. В одной половине поселилось училище, в другой — детская музыкальная школа-интернат. Надвое разделился и интернат. И вот в одной половине звучала музыка и по коридорам проносили виолончели и скрипки, а в другой... тоже звучала музыка, но еще и слышались команды

на французском («гран батман», «деми плие», «па де баск» — волшебная музыка балета!) и от прыжков пружинили доски в репетиционных залах, а по коридорам стремительно проносили пышные и невесомые костюмы и малые дети бегали в трико и в бантаках, и наблюдалась роднящая детей и взрослых общность развернутых плеч, и прямых спин, и вскинутых подбородков, особенностей, безмятежных и каких-то соловийных глаз, всегда отмечаемых у «балетных»...

Так я сочиняю.

Долгие годы художественным руководителем училища была Галина Николаевна Кириллова. При директоре она не была вторым человеком. Сильная натура, она умела взять власть и пользоваться ею. Ее авторитет, ее опыт, звание народной артистки УССР позволяли ей успешно... тут я начинаю цитировать мои записи... «противостоять директору».

Кириллова не всегда побеждала. «Я тогда был классным руководителем», — рассказал Евгений Босый, — и у меня в классе были две девочки, профнеприводные, такие у нас в училище есть. Они были протеже Мамченко, и Кириллова была не согласна с тем, чтобы они учились, и на экзамене предложила поставить две двойки. Но мать одной из девочек говорила: все равно моя дочь окончит училище. Так и оказалось».

И ангелом Галина Николаевна не была. Знаете, пожилому человеку приятно, когда зарплату в конверте прямо в кабинет...

Галина Николаевна Кириллова отошла в мир иной, и о ней стали вспоминать преимущественно очень хорошо. Вместо художественного руководителя в училище появился художественный совет, образование из директора, представителя райкома партии, представителя министерства, так что на двух специалистов-хореографов полагалось шесть представителей.

На приемных экзаменах сидели: директор и его зам... И они «назначали», кого взять, а кого нет. И слышалось директорское: «Очень надо». Вениамин Кузьмичев, услышав такое мнение по поводу «явно профнеприводного материала», из приемной комиссии вышел, ну и что? На его глазах мальчик, принятый потому, что «очень надо», вырос, и с ним уже два года мучается коллега, а сделать уже «ничего нельзя»...

Кроме худсовета и приемных экзаменов, новая власть ознаменовалась так-

же разделением учебного процесса на «хореографический цикл» и «общеобразовательный цикл», в чем хореографам, а тем более и постороннему невозможно разобраться, я имею в виду необходимость такого новшества.

Стали очень много говорить о необходимости более тщательной общеобразовательной подготовки учащихся...

— В конце концов давайте временно забудем, кого выпускает училище: балерин, сталеваров! Мы должны воспитывать достойного советского человека!

Эти слова я своими ушами слышала в кабинете заместителя директора по информационно-пропагандистской и воспитательной (если я правильно называю замысловатую должность) работе А. А. Шевель, и, признаюсь, тогда отмахнулась от них, как от демагогической фигуры в ораторском искусстве, но то было грозное эхо недавнего времени, о котором сейчас говорю.

Два года не было во главе художественного руководства училища ни одного специалиста балета.

Я узнаю, что зам. директора по учебной работе училища О. В. Назаров — историк, в прошлом завуч в школе. Что третье лицо, заместитель директора по идеологии... и так далее. А. А. Шевель тоже историк, недавний выпускник заочного обучения.

Но бывший директор — музыкант. Он даже дирижирует оркестром во время училищных концертов. Правда, его образование — «дирижер-хоровик», а специализировался он, обучаясь, по классу баяна, «я знаю что это такое, я фортепиано преподаю», как мягко выражался один педагог. Правда, «когда он уткнется в партитуру и начинает дирижировать, стоишь за кулисами и дрожишь, не знаешь, в каком темпе он начнет», как сказала гордость училища, в будущем великолепная, как надеются, характерная танцовщица Татьяна Братушка. Но... во-первых, цитируемые высказывания уже относятся ко времени, когда заговорили «все», а во-вторых, не обязательно быть специалистом в области балета, а надо лишь сильно любить балет, чтобы смиренно от балета отойти на приличное расстояние, оставив себе почетное место за кулисами и в зрительских рядах, а повезет — иметь счастье починять и протирать, вызывать настройщика фортепиано и лечь о врачах, вправляющих колено...

Не было художественного руководителя — не было, говорят, и конфликтов в коллективе. Но именно за эти два года в училище сделалась, цитирую мои записи, особенная «грязь дичайшая» и «дикая вонь в коридорах», и «туалет постоянно не было воды», и в раздевалки бегали «курить» и там же «зевались», само училище стало «больше, но безобразней», на занятиях по хореографии «зачастую прыжок карамбль показывали на пальцах», за фортепиано в отсутствие концертмейстера сидел «кто-то из бухгалтерии», в училище стали набирать «детей, чьи родители работали в комиссии», были гинекологами, могли достатьстройматериалы», был полностью «разрушен учебный процесс» и «все было построено на интригах»... Нобухиро Тэрада?

Погодите, кто такой Нобухиро Тэрада? В училище, кроме ребят, приехавших «изо всех уголков Украины» и из других городов страны, учатся дети из Вьетнама, Югославии... Училище давно и «плодотворно» сотрудничает с частной балетной школой семейства Тэрада в Киото, городом-побратимом Киева.

Время от времени делегации из Киото отправляются в неблизкий путь в Киев (часто, замечу, с подарками). Так, в бытность Кирилловой, был привезен и вручен училищу видеомагнитофон. А теперь среди учащихся появился и юный наследник Тэрада — Нобухиро. Злые языки утверждают, что общение с Нобухиро, стремление видеть его сытым и здоровым не у всех вызывает бескорыстными мотивами — иначе бы и вьетнамские учащиеся ходили сытыми, а не варили себе кашу на плитке в коридоре интерната, — но как верить злым языкам! Говорят, мама Митико так волновалась, вручая Нобухиро в наши руки... А мне это видится как бы въявлением.

Многое копилось под сенью полного «отсутствия» конфликтов.

Вдруг — в августе 87-го пришел новый художественный руководитель.

Петрин. Здесь помнят танцовщика московской школы, как-то давно приглашенного в училище для участия в показательном номере. Что о нем было известно? Он окончил Московское хореографическое одновременно с Фадеевым и Касаткиной, был в Минске ведущим солистом, попутно окончил филфак университета, оставаясь «крепким ведущим солистом», с возрастом перешел на игровые роли, всего отработал двадцать пять лет и, наконец, в качестве педагога-репетитора был направлен в Мексику для подготовки национальных кадров мексиканского балета. ...Вернулся. Был приглашен директором студии при ансамбле Вирского. Оттуда его и привел в училище сам директор Мамченко. Сказал и про «непростое наследство», которое достается новичку.

Владимир Сергеевич начал «простодушно и прямолинейно». Он обошел все классы, увидел «грязьку, смрад и грибы на стенах» (то, что шутливо именовалось уже давно в Венеции, и, должно быть, Вениамин Кузьмичев, бывавший в Венеции, особенно мог оценить шутку, да не он один, наверное). В интернате увидел «грязь и холод» и узнал, что «воруют, белье не меняют».

Это-то ладно бы. Но он прежде классы и репетиционные залы обошел не мимоходом и каждой сестре роздал по серье. Одному педагогу заметил:

— У ваших детей спины проваливаются...

— Я ученица Костровицкой, — здорово парировала педагог.

Другой сказал что-то обидное... Педагог-хореограф Лорита Ростиславовна Зихлинская, вспоминая обиду, смеется сквозь слезы (а это слезы жалости к Петрину):

— Прав был, прав, конечно!

Так, переходя из зала в зал, Петрин добрался и до руководства. Петрин был деликатен:

— Олег Николаевич, хореография — дело сложное, тут и Петипа еще не все раскрыли, что же вы дирижируете невпопад...

Впрочем, этот вариант принадлежит самому Владимиру Сергеевичу. Согласно другим сведениям, он просто сказал:

— Вы не понимаете хореографии, не надо вам дирижировать.

А директор, как заявляют злые языки, не только любил дирижировать, но почитал себя Карайном. Да и неспециалистом в хореографии называть его не следовало бы. Как-то, еще до Петрина, он обратился к Тамаре Генриховне Марьяновской, концертмейстеру и знатоку балета и истории училища, с просьбой показать ее собственные критические

Закулисная история

Окончание на 18-й стр.

По данным Центрального архива
Министерства обороны,
в Великой Отечественной войне
без вести пропало
без малого
шесть миллионов наших солдат.
Смею утверждать,
что большинство из них
никуда не пропадали...

ФОТО
Александра ГРАЩЕНКОВА

СОЛДАТСКОЕ ИМЯ

Александр ОРЛОВ,
корреспондент
Новгородского радио

Троекратный залп ружейного салюта разорвал тишину, и эхо метнулось к темнющему на западе лесу. Показалось, что там все еще продолжается бой и нам теперь предстоит дойти, доползти, дотянуться до рубежа, к которому шли те, кого мы сейчас хороним.

Комья рыхлой глины падают на красные крышки гробов. Яма вместила в себя останки почти тысячи человек. Небо расплакалось холодным дождем, а мне кажется: это солдатские матери, жены да невесты плачут над своими родными, единственными...

Только на территории Новгородской области до сих пор лежат непокороненными около четырехсот тысяч советских воинов. И таких мест много: Смоленская, Калининская, Мурманская, Псковская области, Карелия, многие области Украины и Белоруссии. Наверное, каждому известен разъезд Дубосеково, где в сорок первом на смерть стояли героя-панфиловцы. А знаете ли вы, что в окрестностях разъезда многие могилы советских солдат заброшены, причем не в глухих лесах и перелесках. В не покинутых еще деревнях.

В октябре прошлого года там и проходил очередной слет Всеобщего координационного совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ. Участники слета перезахоронили из за-

брошенных могил останки нескольких сотен неизвестных защитников Москвы. Меня потрясло увиденное в деревне Хворостинино. Жители подвели нас к невысокому пригорку на окопице и показали бетонную плиту, едва видневшуюся из земли: «Здесь братская могила наших солдат. В пятидесятых годах с нее бульдозером срыли памятник. А вон там — вторая. На ней вообще памятника не было...»

В родной моей Новгородской области захоронением павших воинов занимаются следопыты поисковой экспедиции «Долина» Новгородского обкома комсомола. Экспедицию поддерживают местные советские и партийные органы. За два года работы «Долина» предала земле останки почти десяти тысяч солдат и офицеров. Но остались непогребенными еще сотни тысяч. Уже почти полвека ждут своей очереди (как ни кощунственно это звучит!), но, видно, не скоро она подойдет... Создается впечатление, что давно списаны они со всех счетов: пропали без вести — какой теперь спрос?

...Звучит клятвенное: «Никто не забыт, ничто не забыто!» — и за этим шумом неслышным становится плач матерей и жен солдатских, так и не дождавшихся иной, чем казенная бумага, весточки: «Пропал без вести».

Шли весенние, летние, осенние дожди, выпадал и таял снег, мокли в солдатских медальонах бумажные вкладыши, стирались одно за другим тысячи солдатских имен. И теперь их уже никто не установит. Когда вырастает очередной холмик над братской могилой, появляется на нем табличка с десятком имен. Ниже — надпись: «Здесь покоятся останки тысячи ста неизвестных...». Или: «трех тысяч семидесяти семи неизвестных...».

Сегодня удается установить примерно каждое сотое солдатское имя. всякая публикация о находках «Долины» вызывает поток писем, в которых только один вопрос: помогите найти, помогите узнать хоть что-нибудь... Большинство вопросов остается без ответа...

Найденный медальон — это всегда событие. В наших руках оказывается тонкая ниточка человеческой жизни. Доведет ли она до конца, эта ниточка? Расплывшиеся чернила, стертый карандаш, раскисшая от многосторонней сырости бумага... Во многих случаях не способна помочь никакая криминалистическая экспертиза. Время безжалостно. Каждое установленное сегодня имя — ценность, которую невозможно измерить.

Работа эта невозможна без энтузиазма, как невозможна она и без серьезной поддержки — материальной и технической. Но те, от кого она

Давно пора понять, что многие болезни нашего общества «проросли» на костях брошенных и забытых солдат.
Отряхивая с ног их святой прах, мы шагали в светлое будущее, но по такой дороге к свету не придешь.
Забвение мстит обнищанием духа, неверием...
Надо искать, надо лезть в воронки, в болота, в грязь, засыпанные траншеи.
Откапывая их, мы спасаем самих себя.
Ибо живем мы на земле, озаренной солдатским полвигом.

зависит, похоже, не очень-то торопятся оторваться от полированного кабинетного стола.

Постановления ЦК КПСС, документы ЦК ВЛКСМ, Министерства обороны о помощи следопытам носят скорее рекомендательный характер. Местные власти их часто просто игнорируют. Имел возможность убедиться в этом, участвуя в работе комиссии, проверяющей выполнение постановлений ЦК КПСС. В нескольких райкомах партии Новгородской области, где мы побывали, его не только не торопились выполнять, но и с трудом нашли...

В прошлом году появилась директива Министерства обороны о передаче поисковым отрядам и военно-патриотическим клубам списанной, но пригодной к использованию военной техники, оборудования и снаряжения. И что же? Нашей экспедиции дали несколько радиостанций и миноискателей, но из них только единицы способны работать, а остальное просто ненужный армии железный хлам. Впрочем, нам еще грех жаловаться, ведь мы получили четыре гусеничных вездехода, машины высокой проходимости на колесном ходу. Кроме этого, нам выделяют армейскую технику, прикомандировывают саперов, водителей. Подавляющее большинство поисковых отрядов не имеет и малой доли того, что «перепало» нам. Но рискну сказать, что и этого недостаточно. Ведь захоронить надо по меньшей мере полтора миллиона (!) погибших воинов.

Под силу ли это следопытам? Давно исчезла из местного бюджета статья расходов, предусматривающая погребение останков погибших солдат. (Кстати, была ли она вообще?) А похороны — даже такие — дело (простите меня, погибшие), требующее денег. Десятков тысяч руб-

лей. Найти их в тощем бюджете исполнка очень и очень сложно, и каждый председатель может «отбрить» следопытов, что часто и делается.

Например, в Новгородской области в Парфинском районе полегли многие тысячи бойцов и командиров Северо-Западного фронта. По инициативе райкома комсомола здесь создали военно-патриотический отряд «Долг». Ребята нашли останки нескольких десятков погибших бойцов, но предрика не дает (?) участка земли для солдатской могилы: и без того, мол, кладбищ много...

Сейчас на помощь следопытам наконец-то начинает приходить армия. Правда, не совсем понятно, почему не наоборот — разве не святой долг армии предать погребению тех, кто встал на защиту Родины?! Следопыты могут и должны выступать в роли проводников, а армия с ее вполне достаточным для такой работы оснащением, по-моему, могла бы делать все остальное. Не хочется походить обижать армию, но, по моим наблюдениям, она явно тяготеет к асфальту и не хочет лезть в болота, где воевали деды сегодняшних солдат.

Впрочем, бывают и исключения. Вспоминаю капитана Валерия Аксенко. Первый раз он оказался с нами, следопытами, почти случайно. А второй раз сделал все, чтобы его отпустили с нами в поиск. Он готов был пройти десятки километров, чтобы только найти еще одного, забытого на сорок семь лет, солдата. Валера был в Афганистане, подорвался на мине, чудом выжил — путь по болотам давался ему ценой непроходящей боли, но где-то здесь пропал без вести его дед, и, кто знает, может, своими руками вынес его — его внук, капитан Аксенко, вместе со многими безымянными солдатами...

В ПРАВОСУДИИ ОТКАЗАНО?

Со старшим следователем по особо важным делам
при прокуроре РСФСР Евгением МЫСЛОВСКИМ
беседует специальный корреспондент «Смены» Юрий РАГОЗИН

— Евгений Николаевич, вначале о вашем последнем расследовании. Я имею в виду дело об убийстве журналиста из Чувашии Николая Никифорова. Полгода назад в нескольких центральных газетах появилась версия о причастности к этому местной «мафии», которая отомстила репортеру за его критические выступления. Более того, речь в публикациях шла о том, что идейным вдохновителем преступления был партийный работник. Думаю, не случайно в Чувашию направили именно вас, специалиста по делам, связанным с организованной преступностью. К каким же выводам вы пришли, закончив следствие?

— Судя по всему, Николай Никифоров был действительно хорошим парнем и смелым журналистом. Он действительно критиковал, невзирая на лица. И поэтому легко объяснимо то, что его коллеги из Москвы, загипнотизированные слухами, не разобравшись в деле, заподозрили заговор. Ни в коей мере не желая признать достоинства Николая Никифорова, должен заявить, однако, что никакой мафии в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, в поселке, где он жил, нет, и погиб журналист отнюдь не в результате мести.

А дело было так. Никифоров пришел в гости к своему товарищу. Тот вернулся из отпуска; наверное, было о чем поговорить. Друзья выпили. По дороге домой Николай подсели в машину к знакомому шоферу, в которой находился еще один человек. Шофер был сильно пьян. Между ним и журналистом возникла перепалка. Когда все трое во время остановки вышли из машины, простите за подробность, справить нужду, между Никифоровым и шофером завязалась драка. Шофер схватил Никифорова за концы шарфа и сильно потянул. Когда же он отпустил шарф, журналист был мертв. Второй пассажир находился в это время за машиной и ничего не видел.

Вот такая нелепая смерть. С самого начала эта история была окутана ложными слухами. Усугубляло положение то, что в районе не любили своего первого секретаря райкома. Люди знали, что Никифоров критиковал в своих статьях руководителей, а тем, конечно, это не нравилось. Какой напрашивается вывод? Мафия отомстила! Публикации в центральной прессе накалили обстановку. Дело доходило чуть ли не до демонстраций. Кстати, разговоры о таинственной смерти одного из товарищей Никифорова, о чём сообщалось в печати, тоже беспочвенны: тот скончался задолго до описываемых событий, и мафия тут тоже ни при чём...

— Мафия стала притчей во языцах, на нее пытаются многое сва-

лить. Так получилось и в деле о гибели Никифорова. Но давайте поговорим о реально существующей организованной преступности. Общаюсь со следователями, я не однажды слышал от них о том, что мафия предприняла мощные контрмеры против правоохранительных органов.

— ...Замешательство длилось недолго. Вскоре после того, как в 1983 году было возбуждено несколько уголовных дел против мафиозных группировок, все коррумпированные слои начали объединяться.

— Чем это было вызвано?

— Почувствовали реальную опасность. А лучшая защита — нападение. И мафия нанесла удар по следственно му аппарату и принципам предварительного следствия. Орудием для этого удара она сделала суд.

— Вы хотите сказать, что мафия может оказывать влияние на суд? Но как?

— Нет худа без добра. Помните, несколько лет назад начались разговоры о гуманизации правосудия? Идея-то сама по себе правильная. Гуманизация — это прежде всего дифференциация наказания, а отнюдь не «иди и граби дальше». Так вот, этой благодойной идеей воспользовались «белые перчатки мафии». И через суды стали проповедовать, а главное, проводить под этим лозунгом политику бездействия. В духе гуманизации и взятку можно рассматривать как подарок, да и вообще ее трудно доказать... Конечно, прямо никто не говорил: не трогайте расхитителей и взяточников! Но ведь эту же мысль можно преподнести и более изящно: получите проверяйте факты, проводите побольше дополнительных расследований, с максимальным вниманием относитесь к показаниям подозреваемых: мало ли что там следователи накопают... Если не хотите прослыть противниками идей о гуманизации и, соответственно, если вам дорого ваше место, — поменьше судите, а значит, и взяточников и расхитителей в том числе.

Те, кто вел борьбу с организованной преступностью, вдруг ощущали мощное сопротивление со стороны судей. В кулуарах судебных инстанций пошли разговоры о каком-то указании руководства Верховного Суда СССР о гуманизации судебной политики и изменении критериев доказательств... Роль добывших следствием доказательств принесла порой до полного их отрицания. Под любым предлогом стали возвращать дела на дополнительное расследование. Приговоры начали выносить с какими-то опасениями... Тенденция эта определилась, на мой взгляд, к началу 1986 года.

Пример? Пожалуйста. Один из рядовых расхитителей обвинялся в совер-

шении хищения государственного имущества на сумму более 600 тысяч рублей и неоднократной даче взяток. Во время следствия он давал подробные показания о способах хищения и перераспределении похищенных сумм между разными этажами власти. Однако в судебном заседании неожиданно отказался от своих показаний. Дело направили на доследование. Преступник цинично заявил: мы, мол, читаем газеты, знаем нынешнюю практику судов. Стоит только сказать, что показания добыты следователем незаконным путем, — суд тут же направит дело на доследование, а нам будет послабление...

Так под маской укрепления социального началась борьба с отработанными методами сбора и оценки доказательств. Делалось все возможное, чтобы вообще не дать разоблачить крупных взяточников и расхитителей.

...Бывший ректор института К. оказался молодым людям содействие не только в приеме в институт, но и в их дальнейшей учебе. Небескорыстро, конечно. Однако, по мнению Верховного суда РСФСР, подарки, которые он получал, взятками не являются! Ибо не ясно, за какое конкретное действие он их получал. Именно поэтому судебная коллегия исключила из обвинения К. несколько эпизодов, а зам. председателя Верховного суда СССР С. И. Гусев поручил члену военной коллегии Верховного Суда СССР М. Марову подготовить протест по делу.

— Странно, почему протест по делу штатского человека готовят военный судья?

— Я не знаю ответа на этот вопрос. Напомню только, что именно Маров через полтора года после этого суда вынес совершенно необъяснимый, на мой взгляд, с юридической точки зрения приговор по делу Чурбанова.

Итак, протест, естественно, удовлетворили. Дело по обвинению К. во взяточничестве прекратили за недоказанностью! Получение подарков не рассматривалось даже как злоупотребление служебным положением. Курс судебных инстанций был показан... Ну, а рекомендации давались на самом высоком уровне. Так, например, в 1987 году в одиннадцатом номере журнала «Человек и закон» вышла статья «И по закону и по совести». Написал ее бывший тогда председателем Верховного Суда СССР В. И. Теребилов. Приведу цитату из нее: «...все материалы предварительного расследования должны быть тщательно проверены в суде, и только те из них, которые найдут в суде свое подтверждение, могут быть положены в основу приговора...»

— Но вроде все логично. Суд и должен проверять. Хотя фразу

о «подтверждении в суде» можно, наверное, толковать двояко.

— В том-то и дело! А суды почему-то предпочитали истолковывать ее именно в прямом смысле!

— То есть, если подсудимый или свидетель подтвердили данные ими на следствии показания, значит, они нашли свое подтверждение в суде. А если...

— не подтвердили, — не нашли.

— Как все просто!.. Но если истиной является только то, что сказано в суде, тогда зачем вообще нужно предварительное следствие?

— Я тоже задаю себе этот вопрос...

Извращался и принцип презумпции невиновности. Прокурор и суд требуют именно признания обвиняемого! Нет признания — нет вины. Только признание гарантирует от судебных ошибок!..

— Но ведь признание может быть и самооговором.

— Таких случаев сколько угодно! Получилось, что правосудие повернулось своим острием против случайных преступников, которые, веря в справедливость, рассказывают правду о совершенном ими деянии. Зато матерые преступники стали легко уходить от ответственности.

Двадцать седьмого мая 1988 года «Правда» опубликовала отчет о деятельности Верховного Суда СССР, с которым на сессии Верховного Совета СССР выступил Теребилов. Он преподнес политику бездействия как огромное достижение гуманизации правосудия.

«Перестройка» работы Верховного Суда СССР, — цитирую, — шла в направлении более тщательного изучения дел, более требовательного подхода к оценке материалов предварительного и судебного следствия... В 1987 году в стране было осуждено на 380 тысяч человек меньше, чем, например, в 1984-м. Конечно, это не только результат снижения преступности, здесь сказалось и более широкое применение административных мер и амнистии, и некоторые другие причины... В 1987 году примерно на одну треть сократилось число лиц, осужденных за тяжкие преступления. Это тоже можно отнести в актив перестройки...»

— Извините, перебью. Данные МВД, публикуемые в этом году, говорят о сильном росте преступлений, в частности, тяжких. Какое-то странное противоречие: преступность растет, а судимости сокращаются! И это записывается в актив перестройки?..

— Так и я о том же! Идем дальше. «Несомненно, что за последние годы суды стали более требовательно относиться к оценке материалов предварительного следствия... Уровень назначения наказания в виде лишения свободы

снизился в 1987 году по сравнению с 1984 годом с 49 до 34 процентов. По нашему мнению, это тоже правильная тенденция..."

Обратите внимание на последний тезис. Ориентируясь на такую практику суда, прокуроры стали отказывать в санкциях на арест даже при совершении тяжких преступлений, ибо арест на предварительном следствии без последующего осуждения к лишению свободы начали расценивать как грубое нарушение законности.

— Но ведь изоляция подозреваемого в опасном преступлении на период расследования — мера, предусмотренная законом и проверенная на практике! Мера пресечения не только преступной деятельности, как я понимаю, но и возможного противодействия расследованию.

— Все верно. Но вот, прекрасно сознавая, что неприменение ареста может привести к отрицательным последствиям, прокуроры, напуганные «гуманистами» от суда (зачислят в лагерь антипреступников!), стали защищать исключительно личную безопасность и перестали давать санкции не только на арест, но и на продление сроков содержания под стражей преступников. Теребилов же утверждал, что следователь облегчает арестом себе работу.

— А разве это в общем-то не так?

— Но делает-то следователь это не для личного удовольствия! Получается, расследуя тяжкое преступление, сначала я должен создать себе трудности — дать возможность мешать, обращаться к свидетелям и потерпевшим, скрываться или совершить новое преступление — и только тогда могу активно работать по преодолению созданных мной же самим трудностей? Так?..

Только в РСФСР за 1988 год 28 тысяч обвиняемых, дав подпись на невыезде, скрылись от следствия...

Но как же избавиться от «патологического» желания следователей арестовывать обвиняемых?.. И в 1987 году был издан соответствующий приказ, а к нему устное приложение. Дело дошло до трагикомических случаев. Осенью 1987 года пьяный хулиган напал на работника отдела милиции по охране метро. Преступник проломил ему череп, забрал его оружие, но вскоре, слава богу, был задержан. А прокурор Московского метрополитена И. Михеев, проявив «гуманизм», взять под стражу преступника не считал нужным! Через два дня после того, как об этом рассказал «Труд», зам. московского транспортного прокурора Г. Попов сообщил газете, что после выступления «Труда» в 13 часов 13 минут он санкционировал арест преступника. Выходит, если бы не газета, то бандит так и остался бы на свободе? Кто же надзирает за законностью — прокурор или газета?

...Как правило же, до суда человек должен оставаться на свободе, — разъяснял Теребилов в интервью «Литературке» весной 1988 года. — А как действуют некоторые следователи? Сперва арестовывают человека, а уже потом начинают активное расследование...

— В судах, наверное, должны были воспринять эту фразу как практическое указание к действию?

— А так и было!

Безарестной технологии более трех лет. Результаты ее хорошо известны. Но, пожалуй, самое страшное то, что за это время воспитался новый вид следователей. Они не желают думать и принимать решения. А зачем? Если дела стали потоком возвращать на доследование и это ставят в вину следователям, то, понятно, чтобы избежать неприятностей, они стали превращаться в обычных оформителей бумаг — что кто скажет, то и запишут, а решения принимать не буду.

— Но следователей упрекают в том, что они, бывает, арестовывают и невинных людей. Конечно, никому не хочется оказаться в изоляторе. Поэтому вполне понятно возмущение невинно задержанных...

— Давайте разберемся. Представьте себе такую ситуацию. К вам подходит хорошо знакомый человек и просит поддержать его «дипломат», пока он купит газеты в киоске. Вы соглашаетесь. И тут неожиданно появляются сотрудники милиции и надевают вам наручники. Спрашивают: чей «дипломат»? Вы отвечаете. А вам предлагают пройти... В «дипломате» — крупная сумма денег. Оказывается, за вашим знакомым следили. Но вы-то ничего не знаете! И, естественно, негодуете. Это один вариант. А вот второй. Где гарантии, что вы не договорились с приятелем-соучастником о встрече заранее и членом-членом попал в ваши руки не случайно?

Следователь постоянно работает с информацией на грани риска! Если вы действительно ничего не знали о содержании «дипломата», можно сказать, что вас взяли незаконно. И если вы проведете под арестом какое-то время, то это тоже незаконно. Но ведь до проверки обе версии равнозначны!

Не забывайте и того, что вопрос об аресте решает не следователь, а прокурор.

Когда пошла волна обвинений в адрес следствия, то количество арестов резко снизилось. Это что, гуманизм? По отношению к преступнику — да. Иные журналисты упрекают следователей в том, что, дескать, работают они с обвинительным уклоном. Так ведь наше дело — рас-сле-до-вать, искать улики. С защитительным уклоном работают адвокаты!

— Есть такая поговорка: лучше оставить, без наказания десять виновных, чем наказать одного невиновного...

— Я считаю ее в принципе неправильной! Займемся арифметикой. Допустим, пять тысяч следователей в соответствии с этой «формулой» не задержат по десять виновных каждого. Получается: пятьдесят тысяч преступников на свободе. Каждый из нераскрытых преступников, по статистике, успевает совершить десяток преступлений до того, как его поймают. В итоге — полмиллиона преступлений. Вы хотите попасть в число потерпевших?.. Поговорка эта — чистая демагогия. Да, красиво звучит. Но нельзя сопоставлять несопоставимое — преступника и невиновного. Однако, конечно, и невиновные не должны подвергаться наказанию.

— Что ж, убедительно. Но следователей упрекают не только в том, что под арест попадают иногда невиновные, но и в том, что следствие, бывает, ведется очень долго.

— А вы не обратили внимания, каких следователей упрекают в этом? Не тех, кто расследует дела об убийствах или кражах. А тех, кто занимается расхитителями, взяточниками, организованной преступностью.

А есть ли вообще критерии — что такое «быстро» и «долго»? Думаю, срок два месяца взят с потолка. Экономических, научных расчетов у нас нет. Есть практика. Скажем, если следователь занимается одним уголовным делом о хулиганстве, то может завершить его за три дня. А закон дает на это десять. Потому, что у следователя не одно дело в работе.

Во Франции под следствием люди могут находиться до двух лет. В Италии, где срок содержания сейчас сокращен, — до шести.

В хозяйственных делах, например, чтобы проверить только две-три позиции документации предприятия за год, нужно минимум три месяца. Плюс на судебно-бухгалтерскую экспертизу — еще три. А если учесть то, что у нас теперь все отказываются от своих же показаний и это всем сходит с рук...

— Но если человек обвиняет другого в тяжком преступлении или, например, в том, что давал ему взятки, а потом на суде отказывается от этого, то ведь это...

— ...клевета! Уголовно наказуемая.

— Почему же суды не возбуждают дела, видя, что свидетель или обвиняемый лгал на предварительном следствии?

— Так надо же тогда принимать ре-

шение. А вдруг потом обвинят в негуманности? А клевета отнесена к разряду мелких преступлений. Но, уверен, посади такого свидетеля за клевету, он расскажет, под чьим наложением поменял показания...

Адвокаты охотно поддержали идею «гуманизации» и принятия в качестве доказательств только показаний, данных в судебном заседании. Этую идею подхватила пресса под лозунгом «Создать для судей независимость!». Так порочная идея превратилась в политику, которую стали осуществлять «независимые» суды, любое, даже абсурдное указание своего руководства ставящие выше закона.

Правда, высокие авторы этой идеи не предусмотрели того, что суды воспримут все указания очень буквально и будут применять «новые методы» не только по отношению к взяточникам, но и вообще ко всем преступникам. Суды наперегонки стали выносить оправдательные приговоры, а пресса — восхвалять именно таких судей.

Конечно, не все суды переступили через свою совесть. Те дела, по которым подсудимые изменяли свои показания слишком очевидно, честные судьи не могли завершить оправданием. Но и осуждать с учетом данных предварительного следствия не хватало мужества. Ведь вышестоящие суды бдительно следили за выполнением указания Верховного Суда СССР!

«Белые перчатки мафии» очень точно рассчитали удар. Когда началась пропагандистская кампания, призывающая судей расценивать все изменения показаний в суде как злодеяния следователей, на этом основании стали требовать увольнения следователей, если суды разошлись с ними в оценке доказательств. Пошли призызы не рассматривать дорогие подарки как взятки, запустили термин «бескорыстный преступник», стали рассматривать взятки как злоупотребление служебным положением. Бывший Генеральный Прокурор СССР А. Рекунов, поддававший этому наложению, уволил около тысячи следователей. Стоит ли удивляться тому, что те, кто выжил, больше думали о сохранности собственной головы, чем о борьбе с преступностью?

Сейчас все вдруг заговорили о незащищенности милиции. Твердят про инструкции, по которым надо сначала стрелять вверх, если даже твоей жизни угрожает смертельная опасность. Но при чем тут инструкции? У нас есть Уголовный кодекс — закон. Сопротивление милиционеру — статья! Посыгательство на жизнь — статья, еще более строгая. Почему же не исполняют закон и не возбуждают уголовных дел?

Вот в Закавказье, где происходят волнения, требуют чрезвычайных мер, а закон бездействует! Массовые убийства, взорванные мосты, разрушенные железные дороги, призывы к военным действиям... Разве законом не предусмотрено наказание за это? Много ли возбуждено уголовных дел? Единицы!

— Что же мешает применять закон?

— Как сказал Михаил Задорнов, непредсказуемость нашего прошлого. К примеру, судья судил раньше по 70-й статье, а сейчас его за это грязью поливают. Но ведь он-то закон исполняет! Вот нынешний судья и думает: а вдруг потом опять будут ругать?.. «Белые перчатки мафии» — тонкие психологи, они на этом и сыграли, но, повторяю, наверняка не ожидали такого исполнения указания — полного бездействия судов. Ведь получилась цепочка: милиция не забирает, следователь не расследует, суды не судят... А это — одна из причин разгула уличной преступности.

Незащищенными оказались не только милиционеры, но и свидетели, и следователи. Безопасность свидетеля, обеспечение объективности его показаний — одно из самых слабых мест правосудия. Причем открытый шантаж не прекращается даже после осуждения, поскольку, если свидетель или потерпевший изменят показания в период надзорного рассмотрения дела, суд мо-

жет изменить или отменить приговор. И рождаются «внезапные прозрения» свидетелей и потерпевших, которые после суда начинают рассыпать слезные заявления с просьбой изменить меру наказания.

Наглые акции применяются и против следователей. В последнее время увеличился поток грязных домыслов, оскорблений в их адрес. Обличителей просто подмывает встать в скорбный ряд с жертвами тридцать седьмого года... И это — не отдельные нападки, а хорошо спланированная акция. Задача — дискредитация следствия как системы, которая мешает мафии контролировать проходящие в стране изменения.

...В правосудии было отказано не только рядовым гражданам, потерпевшим от преступления, не только государству, но и тем, кто по долгам службы охранял их интересы, попираемые преступником.

Достигнет ли удар «белых перчаток мафии» своей цели — покажет будущее. А пока он вызвал совершенно обратную реакцию. Ретроспективный анализ деятельности бывшего Председателя Верховного Суда СССР, так удачно направлявшего судебную перестройку в нужном для взяточников направлении, заставил поинтересоваться его личностью. Внезапно открылось то, что, в сущности, и не скрывалось, но и не афишировалось. Теребилов на протяжении четырех созывов бессменно избирался депутатом Верховного Совета СССР от Ферганской области, одной из наиболее коррумпированных областей Узбекистана.

Может быть, я ошибаюсь, когда пытаюсь связать воедино разрозненные ниточки: возбуждение в 1983 году уголовного дела против начальника ОБХСС Бухарского УВД Музафарова, переросшее затем в дело о взяточничестве в партийных органах; назначение в 1984 году Председателем Верховного Суда СССР В. И. Теребилова и последовавший через год «революционный» пленум Верховного Суда СССР, разваливший правосудие, и закулисные судейские махинации вокруг дела Музафарова, и общее сокращение дел о взяточничестве, и тенденция работы судов во спасение дельцов теневой экономики, и недоверие следствию, и фальсификация приговора по делу Чурбанова, и внезапное прозрение членов Верховного суда по делу Хinta...

Мафия не сложила оружия и оказывает сильное и эффективное сопротивление.

— И что же делать?

— Бороться с этой политикой! И первая ласточка — надежда на перемены — уже есть. Верховный Суд СССР осудил Худайбердыева, бывшего Председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана, за взяточничество к 9 годам лишения свободы. Несмотря на то, что он отказался от данных ранее показаний, а Чурбанов отказался от того, что получил от него крупную сумму денег, хотя прежде в этом признался. Суд оценил все доказательства, в том числе и следствия, а не только показания преступников.

— Значит, закончить беседу мы можем на оптимистической ноте?

— По крайней мере для этого появились некоторые основания.

И в качестве заключительного аккорда. Критика сейчас справедливо переключается на работу судов. Но как не получилось так, что маятник в эту сторону качается очень сильно, то есть как бы суды не впали в другую крайность — не стали бы осуждать всех по-ряду...

ОТ РЕДАКЦИИ. Картина, которую нарисовал Евгений Мысловский, тревожна. Его высокий профессионализм не вызывает у нас сомнений. Но, наверное, не все аргументы и выводы Евгения Николаевича бесспорны. Мы готовы предоставить возможность высказать свое мнение на страницах «Смены» и другим работникам правоохранительных органов.

Наталья НИКОЛЕНКОВА,
25 лет, журналист,
Барнаул.

■
Я от ненужных дружб,
как от больниц, устала.
Смотри на мир, дурак,
оттаяло окно,
Смеются зеркала, летают одеяла,
Все лица королей
сливаются в одно.
Друзья — колода карт,
разбитая колода.
Опять одна? Не плачь,
до свадьбы заживет.
И только пошлики шепнут:
«Чего угодно?...»
И только дама пик,
оскалься, подмигнет.

Владимир МЕЛЬНИКОВ,
29 лет, инженер-наладчик,
Уфа

ПИКНИК

Конечно, сморщилась немножко,
И все же в предвкушенье пира
В углы печенная картошка
Не запятнала честь мундира.

Уже чуть раньше прибыл вечер,
Торжественный, как на банкетах,
Запыхали чьи-то речи,
Что напечатаны в газетах...

Но быстро прогорит газета.
И я рукой царя и мота
Слова швыряю в ночь и лето
Роскошно, трезво и без счета.

Татьяна ШОРОХОВА,
33 года, преподаватель истории,
Симферополь

■
Поговорим о чем-нибудь другом —
Общедоступном и лицеприятном,
Где каждый штрих заранее знаком,
И сердцу все равно, и слову складно.
А ты опять былое ворошил
Пытаешься — и сразу, и не к месту!
Угомонись и не бросай гроши
В сухой бассейн
раскаявшимся жестом.
Мой день не собирается в сюжет —
Обломки жгут и непосильны крохи.
Фальшивый смех
и подлинные вздохи.
Нам достаются от щемящих лет,
Где есть вина, а виноватых нет.
Поговорим о чем-нибудь другом,
Обсудим нашумевшие романы,
Погоду, цену и чужие страны,
Лишь о себе — так лучше! —
не рискнем.
Поговорим о чем-нибудь другом...

Тамара РУБЦОВА,
воспитатель детского сада,
г. Юрга Кемеровской обл.

РУСЬ

Вижу я тебя не пьяной,
Не распятой на кресте,
Не матрешкой румяной,
Не цветами на холсте.
Высока, простоволоса,
Ты проходишь сквозь туман —
Руки голы, ноги босы,
Тесен легкий сарафан.
Что ж ты встала у откоса,
Птицей белою паря,
Иль не веришь в зрячий посох
Своего поводыря?

Борис АРХИПЦЕВ,
39 лет, переводчик,
Коломна

■
И Тициан, прожив сто лет почти,
И Галуа, погибший на рассвете,
Все старики, все юноши, все дети
В конце разновеликого пути;

И мотылек у огненной черты,
И голубь робкий, угодивший в сети,
И нежный ландыш
в скомканном букете,—
В свинцовый час
последнего «прости»

Любай из нас,
бессчетных чад природы,
Окинув мыслью прожитые годы,
Восхлиknет горестно и горячо:

«Как это горяко! Как несправедливо!
Я мало знал, хоть жил я торопливо.
Я мало жил...
еще чуть-чуть, еще...»

Анна ПАРЧИНСКАЯ,
библиотекарь,
г. Пионерский Калининградской обл.

В МУЗЕЕ

В океане времен пенятся волны,
плещут, выносят на берег вещицы:
обломок этрусской вазы наполовину,
шпильку китайской императрицы,
медный ларец, сестерциев полный, —
надпись на крышке: «Луций Домиций».

А между тем океанский прибой
волнами акрэдиво
плещет все ближе,
время нам ноги усталые лижет,
миг — и смыкается над головой.

Годы над нами — зеленою водой.
Пухом нам будут ушедшие даты.
Судьбы, разъятые на экспонаты,
будут выплескивать новый прибой.

Анатолий КУЗНЕЦОВ,
33 года,
служитель церкви,
г. Талица Свердловской обл.

■
...С неловкостью теперь
читаем их —
Как неживы, скучны, совсем чужие.
Они — скелет, примеривший парик
На мертвых полуширьях плешины.
Наверно, дьявол крепко искушал.
Ах, как хотелось
выйти в Златоусты...
И не стихов, конечно, этих жаль,
А жаль несостоявшегося чувства.

Александр ФЕСЬКОВ,
28 лет, учитель физкультуры,
Ташкент

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Есть в природе сила
Божья неспроста —
«Поздравляю с сыном!» —
На клочке листа.

«Солнце, вашу ярость!
Ну-ка мне — бегом!»
Буквы сикось-накось,
Ку-
выр-
ком!

Мир ты мой мажорный!
Стоп! На час хотя б,—
Костей или Жорой
Мне назвать дитя?

Как запеленали?
Спи да не крутись!
Слыши, Апполинарий
Или Феоктист?

Aх, душа клокочет:
Во втором окне
Вечности кулечек
Улыбнулся мне.

Эдуард СУЕТИН,
44 года,
врач,
Новосибирск

■
Пол мыться любит,
как ребенок.
Лиши капли первые блеснут —
и слышен смех Наташ, Аленок,
которые играли тут.

И если вдруг
взметнутся брызги,
как будто сочных ягод гроздь,
квартира тонет
в детском визге
и высвечивается насквозь.

Александр ОРЛОВ,
25 лет, актер,
Мытищи

■
На зеленой горе
в домике
из грецкого ореха,
что у самого берега
большой дождевой капли,
тихо живет
маленький страж
собственного эха,
обладатель
коллекции
уникальных закатов.

Елена ГОРЯЧЕВА,
экономист,
Москва

РАЗВОД

Мой муж нелепый, как и все мужья,
С которыми я в загсе отмечалась,
Стоял, облокотившись на ограду
Нелепую, как будто бы из труб,
Могилы, расположенной нелепо.
Она была завалена цветами.
Был поздний вечер.

Дождь, темно и тихо.

Мой муж — обыкновенный человек,
Он даже не технарь —
он физкультурник.
Случайно познакомились мы где-то.
Мальчишка глупый,
вроде не поэт,
Но так бывает — инструмент поэта:
Заденешь ненароком в суете —
И стонут струны.

Колокол ударили,
Потом те, что поменьше, зазвонили.
Был поздний вечер.

Дождь, темно и тихо.

Наутро мы с ним в загс пошли,
и нас,
Как мы того желали, разлучили,
Все по закону:

чиркнули в тетрадь,

И в паспорта поставили печать,
И даже о причинах не спросили.

А вечером мы вновь пошли
к могиле,
И я сказала, что люблю поэта,
Который под цветами и который
Талантливей тебя, красивей,
старше.
(Чуть-чуть постарше и чуть-чуть
красивей.)
Но гений, гений,
как тянаться с ним?)
Еще я говорила: «Стихи! Россия!
А ты — ты просто верный
семьянин».

Он вдруг заплакал. Я не утешала,
Лиши ветер слов бессмысленных
сдержала
Да дождь молила,
чтоб не перестал,
И думала: «Как все же я нелепа».

Наутро чуть не в десять встали мы,
И опоздали оба на работу.

Сергей ВЕСЕЛОВ,
электромонтер,
Воронеж

■
Туман окутал рыхий лес,
и луг задумчивый,
и поле.
Туман собою все наполнил
от озера и до небес.

И вот не угадать полян,...
хотя и пахнет свежей хвоей...
Но все загадочнее вдвое,
когда рассеется туман.

Данила ПЕТРОВ,
17 лет, студент, Барнаул

СТРОЙКА

На ветреный город с крыши
смотрю,
где экскаватор засыпал зарю,
где об отбое поет молоток,
и на восток дрейфует песок,
дым сигарет застилает дома...
Скоро настройку наступит зима.

ДРЕМЫ

Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем, дорогие друзья.

Признанный классик русской литературы и ее первый Нобелевский лауреат (1933), прозаик, поэт, переводчик, почетный академик по разряду изящной словесности Иван Алексеевич Бунин раньше других писателей-эмигрантов получил безусловное признание на Родине, в СССР.

«Классиком рубежа двух столетий» назвал Бунина К. А. Федин еще в 1954 году на II Всесоюзном съезде советских писателей. С той поры вышло уже три собрания сочинений Бунина. Бессчетно публиковались книги его стихов и прозы. Целая библиотека создана усилиями отечественных и зарубежных исследователей, где Бунин поставлен в один ряд с Тургеневым и Чеховым.

И тем не менее существует целый пласт бунинских произведений, никогда на Родине не печатавшихся или же печатавшихся с купюрами, существенно искажавшими общий смысл и содержание.

К числу рассказов, никогда у нас не публиковавшихся, относится и рассказ о гражданской войне «Товарищ Дозорный».

Он был очень высок и моловиден, слегка заикался и, как многие заикались, цвет лица имел девичий и поминутно вспыхивал румянцем. Робок и застенчив он был вообще на редкость, больше секунды глядеть в глаза собеседнику никак не мог. Сразу было видно, что он живет в каком-то своем собственном мире, что он втайне съедает необыкновенным самолюбием, страшной обидчивостью и мучительной завистью совершенно ко всему на свете, из которой проистекало его другое удивительное свойство: ненасытное, чисто идиотское любопытство и обезьянство.

Видеться и говорить с ним было, в сущности, томительно. Он не говорил, а только все спрашивал. Вся его речь состояла из одних настойчивых и подробных расспрашиваний, выпытываний: что, как и почему? Он с наслаждением повторял всякий ответ и тотчас же ставил следующий вопрос. Держит какую-нибудь вещь, взятую для работы, для поправки или уже сработанную и принесенную, внимательно оглядывает ее, ощупывает, гладит своими большими руками — и мучит вас: расспрашивает буквально обо всем, чего бы случайно ни коснулся разговор, повторяет с удивительной и довольной улыбкой ответы и, видимо, даже на мгновение не сомневается, нужно это ему знать или

говори товарищ дозорный

Рисунок Владислава ГУЗНЕРА

Иван БУНИН

Мне было тогда двадцать лет, я жил у сестры в ее орловском имении. Как сейчас помню, понадобилась мне лишняя полка для книг. Сестра сказала:

— Да позови Костина...

Вечером Костин пришел, взял заказ. Мы разговорились, заинтересовались друг другом и вскоре стали как бы приятелями.

Он был мой ровесник. Помимо наследственного ремесла — его покойный отец тоже столярничал — он имел еще и другое: самоучкой одолев грамоту, он добился того, что попал помощником учителя в школу, построенную возле церкви моим шурином, и даже переселился в нее, оставив мать, старшего брата и сестру в избе на деревне, так как уже стыдился мужицкой жизни, а кроме того, еще и потому, что старший брат, человек хозяйственный, спокойный и здравый, считал его круглым дураком. И точно, был он довольно странен.

не нужно. Притом он свято верил положительно всему, что ни скажи. Я раз пошутил, — в Америке все вниз головами ходят, даже волосы у всех висят: он с удовольствием изумился, повторил и поверили. Вообще шуток он не понимал и не чувствовал совершенно.

И с утра до вечера, каждую свободную минуту, он чему-нибудь учился, неустанно обезьянничал: что ни увидит, что ни узнает, всему учится, всему подражает и всегда бесталанно, хотя и довольно точно. Чего только не умел он! Поправлял часы и гармонии, мой велосипед и лавочников аристон, переплетал книги и налаживал перепелиные дудки, на жилейках тайком учился играть и стихи писал... Всего и не упомнишь...

Конечно, он не пил, не курил, — тут его безъянство уступало той женственности, которая отличала его натуру и, кстати сказать, производила впечатление довольно-таки неприятное; одевался со скромной нарядностью, — тонкие сапоги, пиджачок, вышитая косоворотка, новенький картуз, — и даже носовой платок носил с собой. В руках неизменно железный костылик.

Школа стояла рядом с церковной караулкой. В большие праздники мужики, приходившие к обедне, дожидались службы, курили и вели оживленные беседы всегда в караулке. Костиин являлся туда раньше всех и внимательно слушал все, что говорилось, сам, однако, в разговор не вступал, сидя в сторонке, внимательно что-нибудь разглядывал — скалка, утюг, зазубренный топор, — и тая на губах чуть заметную довольную усмешку над мужицкой глупостью и болтливостью.

Я часто заходил к нему по вечерам: всегда дома и всегда что-нибудь прилежно работает. Горит тусклая лампочка на столе, а он сидит, глянет возле нее. Косоворотка навыпуск, подложенная шелковым жгутом с махрами. Лицо чистое, худощавое, но круглое, глаза с белесой зеленью, светло-желтые волосы, примасленные и причесанные на косой ряд, падают прядью на лоб. Увидя меня, дружелюбно оживается и тотчас же, слегка заикаясь и избегая глядеть в глаза, пускается в расспросы. Иногда вынимает из стола тетрадку и подает мне:

— Иесть новенькие. Прочтите и обректикуйте.

Я развертываю и читаю:

Резвая струя в лугах бежит,
Есть у нее удачное название,
Как только пловца заманит,
А он погибнет без сознания...

— Это опять акrostих?

— Акrostих. Выходит: река. Только, конечно, ять нельзя вставить.

Хорошо помню, как я зашел к нему в последний раз.

Была поздняя осень, роковые дни для него и для меня — вот-вот надо было ехать в город, ставиться в солдаты. Наступила Казанская, оставалась всего неделя нашей свободы. Утром, чем свет, я, помню, пошел к обедне, зашел в караулку; еще горит лампочка, караулка полным-полна раскрашенными девками, бабами, мужиками и накурена, как овин; мужики галдят, а бабы и девки все поглядывают на пары под полатями, шепчутся и покатываются со смеху, валятся друг на друга; предмет смеха — обычный: Костиин: он же сидит, опустив глаза, и что-то разглядывает; на голове высокая шапка серого барашка, на сапогах новые глубокие калоши, одет в новую теплую поддевку черного сукна, лицо алое от обиды, но на губах улыбочка...

А вечером я побрел к нему в школу. Грязь была страшная, тьма хоть глаз выколи. Сверху сыпалась и сыпалась мельчайшая мгла. Я шел через сад, как слепой, чувствуя только одно — тьму, осеннее тепло, теплую, душистую гниль мокрых деревьев, их коры и щекочущую влажную пыль на лице. Наконец забелел туманный огонек впереди — знакомая лампочка на столе возле окна в школе — одинокий, единственный свет во всем селе, уже давно спящем мертвым сном. Костиин спокойно сидел за работой — с явным удовольствием оклеивал тонкими пластинками фанеры чью-то шашечную доску.

А на его работу тупо и странно-весело, блестящими кофейными глазами, смотрела сидевшая за партой возле стены небольшая бабочка с кудряшками на крутом лбу, молодая жена церковного сторожа, — совсем бы ничего себе бабочка, если бы не ничтожный носик с зяблыми маленькими ноздрями. Мне было не по себе, и я, притворяясь небрежным и шутливым, заговорил о том, что меня томило, — о поездке в город. Но, к крайнему моему удивлению, Костиин совершенно не разделил моих чувств: напротив, его эта поездка очень интересовала и потому радовалась.

— Ах, нет, — сказал он, с увлечением продолжая работать и от этого почти не заикаясь: — Я бы, кажется, проситься стал, если бы меня не взяли. Надеюсь непременно попасть в Царство Польское. Два шага до Парижа!

И вдруг прибавил, кивая головой на свою молчаливую и все только тупо улыбающуюся гостью:

— Вот она, по глупости, тоже оплакивает меня. Говорит — влюбилась. А с какой стороны она может быть мне интересна?

Гостья страшно покраснела, смущалась и трогательно-неловко ответила:

— Уж хоть бы не брехал-то! Дюже ты мне надобен!

Он только небрежно усмехнулся.

Через неделю мы поехали с ним ночью на станцию, к шестичасовому поезду. Я взял его к себе в тарантас. Он всю дорогу не спеша расспрашивал меня насчет военной службы в других странах, а тарантас качался в темноте и тумане, невидимые лошади шлепали по лужам, оступались в колдобины, полные воды и грязи. Перед станцией стало трудно и угрюмо светать, стали, приближаясь, обозначаться мутные холодные деревья в станционном дворе... Помню, долго ждали поезда, наконец показалась вдали, в мертвенно-бледном рассветном тумане, белый, тяжело и густо клубящийся дым, потом черный паровоз, медленно выплывающий из мглистого моря осенних полей... И еще почему-то помню: рядом с тем вагоном, в который мы сели, был арестантский вагон с железными решетками в квадратных окошечках, и возле одного окошечка стоял, держась за решетку руками в кандалах, худой старик в пенсне на горбатом носу, с красными веками; очень странно казалось это пенсне в соединении с каторжной фуражкой, с серым блином без козырька...

А в городе было великое множество деревенского народа, с громким и озабоченным говором идущего серединой улицы, возле же земской управы, где шел прием, весь день стояла густая толпа, и чего только в этой толпе не было! Плач, вой, притчания, крики родных, буйно и отчаянно дерущих свои гармонии, — вся эта дикая и жуткая балаганщина, в которую русский человек с наслаждением облекает свое горе, всячески разжигая его в себе. А в приемном зале, от самой входной двери, которая поминутно отворялась, в которую неслось ледяная сырость, и до самого присутственного стола, откуда раздавался необыкновенно звучный выкрикающий голос воинского начальника, тянулась страшная шеренга голых тел, — коротконогих, худых (но неизменно пузатых), меловых, с коричневой сыпью от укусов тараканов на kostрецах, там, где у каждого на теле была полоса от постоянно врезающейся оборки портока. Мы с Костиным пробрались вперед и тоже стали раздеваться. Воинский начальник, стоявший за столом, в кругу присутствия, перед серебряной пирамидой с Распятием, быстро взглянул на меня и что-то крикнул особенно звучно. Он был молод, красив, затянут в мундир, преисполнен энергии; короткие волосы его курчавились, длинные кудрявые усы торчали, светлые глаза зорким огнем освещали лицо. Костиин, сидя и стягивая с себя сапог, замер и, весь алый от натуги и волнения, радостным шепотом спросил меня:

— Он самый главный и есть?

Через час его забрали. А через полмесяца мы с ним расстались — и очень надолго, на целых двадцать лет: встретились же снова так.

Была осень девятнадцатого года. Наша армия только что оставила К. Я по некоторым причинам задержался на некоторое время, скрываясь всеми правдами и неправдами под видом самого дрянного мужичонка. А город уже наполнялся большевистскими властями и учреждениями, вступавшими войсками и обозами, и чекисты во главе с каким-то товарищем Дозорным, уже работали не покладая рук. В ледяной солнечный день я шел однажды на главную улицу. Прошел мимо собора, глядя на голый городской сад, черневший напротив него, потом пошел по тротуару вдоль бывших присутственных мест, увешанных красными флагами. Перед этими присутственными местами тянулся площадь и идет дорога под гору, к мосту через реку. И вот, в ту минуту, когда я только что поравнялся с подъездом бывшей судебной палаты, из-под горы прямо на меня понесся небольшой конный отряд, а за ним — длинный могучий серый автомобиль. Все это появилось так неожиданно и очутилось возле подъезда так мгновенно, что я невольно приостановился. Из машины же меж тем уже высаживал невысокий человек в белой папахе, в чудесной офицерской поддевке с белым барашковым воротником и необыкновенно щегольских офицерских сапогах. Бледное кошачье лицо его с желтыми усами было оживлено быстрой ездой, белесые глаза расширены. Он глянул — и бегом кинулся ко мне.

— Николай Иванович, ввы? — слегка задохнувшись, быстро спросил он меня и до глаз залился алым румянцем.

И, не дав ответить и мучительно заикнувшись, привавил:

— Ия Костиин-Дозорный... И ннаслышан про вас... Так что уж — простите!

И, обернувшись к двум башкирам, с винтовками в руках сидевшим на машине, крикнул, вбегая в подъезд:

— В ссад!

Меня скорым шагом, даже не обыскав, провели через площадь в сад, а через сад — к обрыву над речными обрывами и крикнули:

— Задом к речке!

Я стал и, мгновенно выхватив револьвер из кармана зипуна, в упор ударил в нагайскую рожу, стоявшую слева, и тотчас же ладонь упал с обрыва. Вторая рожа выстрелила по мне, потом сдуру кинулась назад за подмогой. Я сломал себе руку, а все-таки ушел.

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

- **Куда уплыла севрюга**
- **Жить станет лучше?**
- **«...Я вижу своего сына!»**
- **Как избежать конца света**

Прочитал в вашем журнале про «ничейное золото» («Смена» № 13).

А «золото» действительноничейное. Вся ценная рыбная продукция «уплывает» по ресторанам и за границу, где то подсчитывают миллионы долларов «барьшей». Эти деньги расходуются на какие-то, часто ненужные покупки. С какой стороны это касается населения? Откуда появится чувство хозяина, если «хозяин» десятки лет видит ценную рыбу только на картинках?

Во всем виноват, конечно, наш художественный рубль. По-моему, Минрыбпром и Минрыбвод надо объединить. Тогда у Минрыбпрома будет болеть голова и о рыбных запасах.

За последние 2—3 года резко сократилось количество рыбы в Цимлянском водохранилище и на Дону. Как ему не сократиться, если промысел не прекращается круглый год и даже во время нереста?

МАНУХОВ,
Цимлянск

Министерство социального обеспечения РСФСР рассмотрело статью С. Романкова «Непрожиточный минимум», опубликованную в журнале «Смена» (№ 15, 1989 г.).

Законом СССР от 1 августа 1989 года «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения» решены многие проблемы, затронутые в статье. С 1 октября 1989 года в РСФСР будут повышенны минимальные размеры пенсий по старости и инвалидности 2-й группы до 70 рублей 11 миллионов человек. Увеличиваются минимальные размеры пенсий по инвалидности 1-й группы до 85 рублей в месяц, а также пенсии по случаю потери кормильца родителям и женам военнослужащих, погибших на фронте, до 60 рублей в месяц.

С 1 октября 1989 года увеличен размер пенсии по старости при неполном стаже работы т. Порталимовой М. И. с 23 рублей 96 копеек до 33 рублей 54 копеек.

Законом предусмотрено также, что с 1 января 1990 года будут повышенены размеры пособий инвалидам с детства (инвалидам 1-й группы — до 70 руб.,

инвалидам 2-й группы — до 50 руб., детям-инвалидам в возрасте до 16 лет — до 70 руб.

С 1 января 1990 года размеры пособий будут увеличены 35,4 тысячи человек.

Размеры других видов пособий не были увеличены, в том числе и пособий на детей малообеспеченным семьям с доходом менее 50 рублей в месяц на одного человека.

...В 1989 году министерство внесло предложение в Совет Министров РСФСР об увеличении размера пособия, выплачиваемого инвалидам 1-й, 2-й групп, не получающим пенсии, не имеющим источников дохода и родственников, обязанных по закону их содержать (пособие назначается исполнителями местных Советов народных депутатов за счет средств местных бюджетов; размер его составляет 30 руб. в месяц). Однако это предложение не было поддержано из-за отсутствия необходимых средств.

Министерством также был поставлен вопрос о введении таких пособий для старелых граждан, не получающих пенсию, не имеющим источников дохода и родственников, обязанных по закону их содержать. Совет Министров СССР с 1.10.89 года принял такое решение. Пособия на детей многодетным матерям установлены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года и не пересматривались. Министерство неоднократно вносило предложение об увеличении размеров этих пособий, а также об унификации системы пособий на детей.

...Законом СССР от 1 августа 1989 года разрешен вопрос о выплате пенсий по старости рабочим и мастерам в полном размере, независимо от заработка (дохода). Также без учета получаемого заработка (дохода) и независимо от места работы будут выплачиваться пенсии по инвалидности всех групп.

Такой порядок выплаты установлен с 1 января 1990 года.

Министерство считает, что этот порядок должен быть установлен для всех пенсионеров, независимо от места работы и должности.

В соответствии с приказом № 93 Министерства социального обеспечения РСФСР от 13 августа 1981 года «О порядке выдачи единовременных денежных пособий пенсионерам» выдача их производится:

— районными и городскими отделами социального обеспечения в пределах до 30 рублей, а в большем размере по разрешению соответствующего районного полкома. При этом, согласно положению, материальная помощь оказывается только пенсионерам, получающим пенсию, а получатели пособий не предусмотрены в числе лиц, которые имеют право на получение единовременной материальной помощи.

В связи с этим министерство ставит вопрос перед финансовыми органами об увеличении ассигнований на выдачу единовременных денежных пособий с тем, чтобы предусмотреть на эти цели уже в 1990 году не менее 10 миллионов рублей, а также об изменении порядка оказания единовременной материальной помощи, дополнив круг лиц, имеющих право на получение материальной помощи, получателями пособий...

По инициативе министерства с 20.08.89 года по 18.02.90 года органами социального обеспечения проводится всероссийская «Акция милосердия», которая предусматривает создание во всех районах и городах Российской Федерации фондов социальной помощи, средства которых будут использованы для оказания натуральной и денежной помощи малообеспеченным пенсионерам и инвалидам.

...Министерство и в настоящее время не располагает точными сведениями о том, когда проект нового Закона о пенсионном обеспечении трудящихся будет опубликован в печати для всенародного обсуждения.

В заключение сообщаем, что обратившийся в приемную министерства

това. Жданов А. И., о котором упоминается в статье, бывший обучающийся Яранского дома-интерната Кировской области, с 14 июня 1989 года переведен по его просьбе в Рублевский дом-интернат.

Слепоглухонемой ребенок Мансур Рахимов, также упомянутый в статье, с 1 сентября 1989 года приступил к занятиям в Загорском детском доме-интернате для слепоглухонемых детей.

А. Н. ВИНОГРАДОВ,
зам. министра социального
обеспечения РСФСР

Уважаемая редакция!

Обращаюсь к вам мать офицера-интернационалиста, лейтенанта Бакаева Дмитрия Германовича. В ноябре 1985 года мы получили сообщение о том, что 28 октября наш сын погиб в провинции Герат.

Но с того времени, как я увидела № 7 «Смены» за этот год, я не могу оторвать глаз от фотографии на обложке, где изображен воин, вернувшийся из Афганистана. На снимке Владимира Чайшили я вижу своего сына! Я свою кровинку из тысяч узнаю, хотя лицо у него и закрыто руками. Голова, волосы, уши, руки — моего сына, который числится погибшим. Вы назовете меня безумной матерью: ведь мне прислали цинковый гроб. А я не верю в гибель своего сына, считаю его живым, и жду его возвращения, ищу его вот уже четыре года. Я чувствую всем сердцем, всей душой, что он жив. Ведь до сих пор находятся и возвращаются люди, которые в Великую Отечественную войну считались погибшими.

Вот потому и прошу вас, уважаемая редакция, помогите, пожалуйста, найти мне этого парня с фотографии на обложке журнала. Мне необходимо, просто жизненно необходимо твердо знать, кто на фотографии: мой сын или нет. Без этого я просто не смогу дальше жить.

Мой адрес: 603136, г. Горький, ул. Ванеева, д. 110/30, кв. 24.

С надеждой
Людмила Сергеевна БАКАЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Велико, безгранично горе матери, получившей прах сына, но также велика и святая ее вера в то, что сын чудом остался жив. Жив! — так говорит материнское сердце.

К сожалению, мы не знаем имени этого человека. Снимок был сделан во время возвращения наших войск из Афганистана на Родину. Просим воина, сфотографированного Владимиром Чайшили, отозваться. Просим также тех, кто может назвать его имя, знает его адрес, написать Людмиле Сергеевне. Мать ждет.

Нынешнюю экологическую ситуацию в стране — тяжкую, страшную — «ложинает» молодым. Поэтому я предлагаю образовать общественную организацию под эгидой ЦК ВЛКСМ, которая бы защищала молодое поколение от ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ. Ее условное название — «Человек разумный и мир». У меня разработан устав и принципы организации. О нескольких основных направлениях ее будущей деятельности хотел бы сообщить.

Первое. Ни один промышленный объект не должен вводиться в строй без одобрения молодежной комиссии. В роли экспертов: молодые ученые из СССР и зарубежных стран. В будущем и так придется многое расхлебывать из уже нагороженного! Зачем же множить число таких «узелков»?

Второе. На всех без исключения продуктах должны быть: ярлык с указанием места, где произведен продукт, степень химической и радиологической чистоты, а также номер brigady-изготовителя и фамилия руководителя. Чтобы в случае отравления или другой напасти можно было привлечь халатно относящихся к делу к РЕАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Почему на телевизор есть паспорт со своими реквизитами, на платье — ярлык, а здесь — вопиющая, доходящая до безответственности анонимность?

Третье. Необходимо продавать ГАРАНТИРОВАННЫЙ МИНИМУМ продуктов питания всем детям страны от рождения и до пяти лет. Ибо дисбаланс в питании способствует в будущем болезням, порой неизлечимым. И лишь оставшееся от ДЕТСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ пускать в свободную продажу для любых категорий населения. Даже при сегодняшнем дефиците — это вполне реальная и осуществимая мера. Да и перечень ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ для растущего ребенка невелик — до 15 наименований.

Четвертое. Во всех населенных пунктах страны должен быть обеспечен ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЗАПАС медикаментов и лечебно-процедурного оборудования для детей от момента рождения и до

пятнадцати лет. Этот запас должен храниться целевым назначением только для ДЕТЕЙ. Там, где взрослый может потерпеть или обойтись сходным по действию лекарством, а также пользоваться после стерилизации медоборудованием многократного пользования, для детей медикаменты должны быть строго специализированными, а медоборудование в основном ОДНОРАЗОВЫМ.

Пятое. В СССР начинает выводиться из эксплуатации ряд ядерных установок — срок давности подошел. Как конкретно будут захороняться объекты? Как будут вывозиться и по каким маршрутам остатки топлива? Население надо обязательно заранее уведомлять, ибо у нас аварий на транспорте предстоят! Также должна быть составлена четкая карта подобных «могильников» с доступной передачей информации через поколения. А то лет через двести — триста напорются наши потомки на бетонные скалы-скелепы, из-за любознательности вскроют... Вот уж они тогда «поблагодарят» предков за «подарочки».

...Всего в моей программе девятнадцать направлений как общесоюзного, так и локально-регионального характера. Ряд вопросов должен рассматриваться в Верховном Совете СССР, куда с законодательными депутатскими инициативами будут обращаться как депутаты от ЦК ВЛКСМ, так и присоединившиеся к ним депутаты от Советского Детского фонда, Комитета советских женщин и так далее, ибо интересы во многом совпадают и пересекаются. Проработку законов и обоснований давала бы наша организация, созданная для ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА.

Как противостоять всеохватывающей ведомственной лжи и безнаказанности? Выход один — объединяться! Правда, есть еще один — терпеливо ожидать конца света. Надо выбирать немедленно. Мы и так упустили слишком многое, но, к счастью, пока еще не все.

Игорь НЕХАМЕС,
журналист,
Магнитогорск

«ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ»

Дорогие друзья! Продолжаем социологический опрос любителей поп- и рок-музыки, начатый в пятом номере «Смены». Благодарим всех читателей, приславших письма в адрес передачи «50 на 50». Результаты телетерен и имена победителей (выпуск № 3) вы узнаете, посмотрев четвертый выпуск телешоу, который состоялся в Витебске. Предлагаем оценить выступления групп и исполнителей. Высший балл — 5!

Самобытность	Исполнительское мастерство	Репертуар	Артистичность
--------------	----------------------------	-----------	---------------

Саша Айвазов

Группа «Домино»

Группа «Мона Лиза»

Группа «Алло»

Группа «На-На»

Владимир Мальцев

2. Кого из перечисленных исполнителей вы хотели бы видеть в финале конкурса «50 на 50», который состоится в конце года?

А теперь несколько слов о себе (обведите соответствующие данные кружочком):

3. Ваш пол

001 — мужчина

002 — женщина

4. Ваш возраст

003 — до 20 лет

004 — от 21 до 30 лет

005 — от 31 до 40 лет

006 — от 41 до 50 лет

007 — старше 50 лет

Где вы живете?

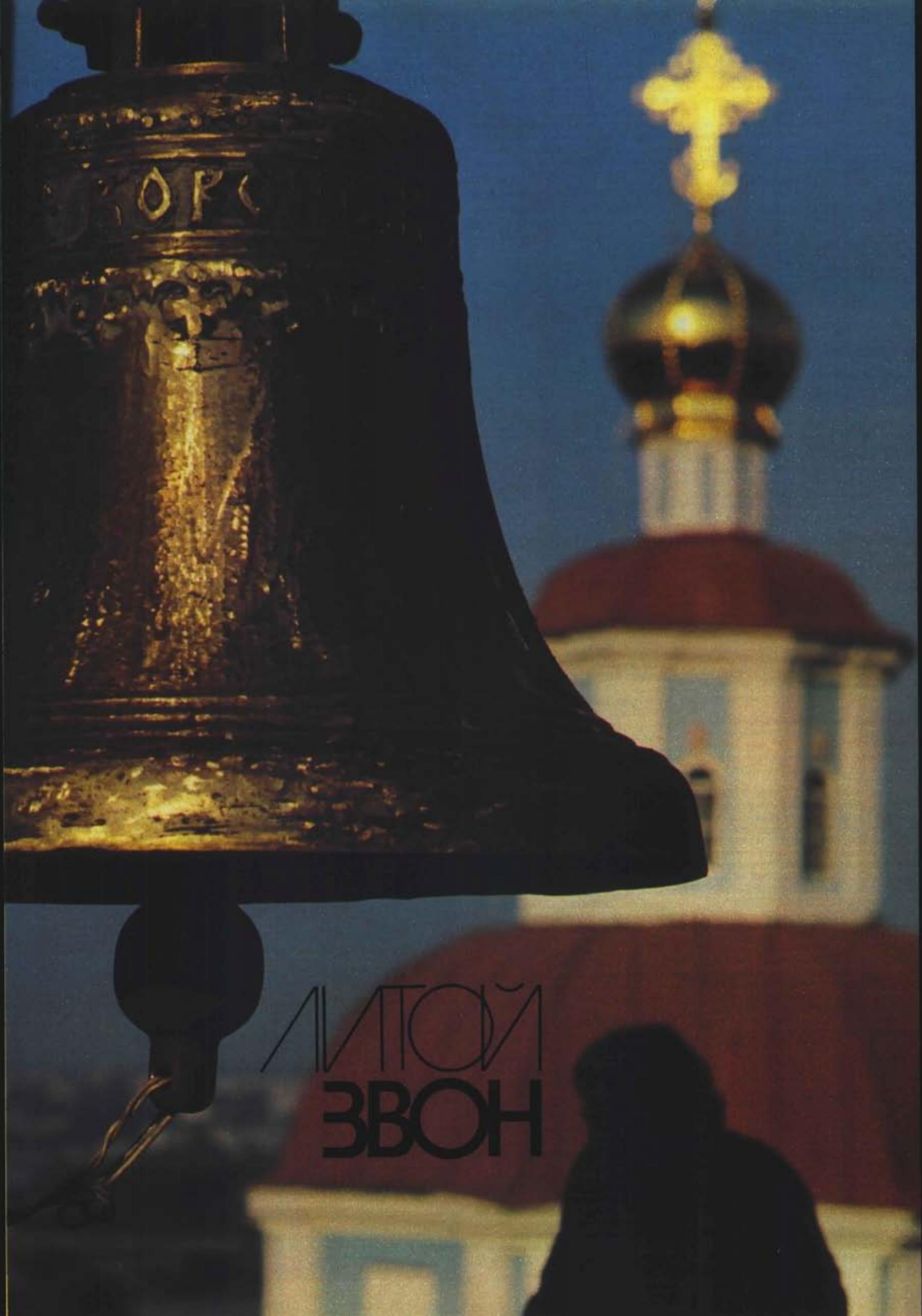
5. Ваша профессия?

6. Как давно выписываете «Смену»?

008 — до 1 года

009 — от 2 до 5 лет

010 — от 5 лет и выше

МОЙ
ЗВОН

Сергей РОМЕЙКОВ
Фото Евгения СТЕЦКО

то только говорится так, что колокол — «ударный, самозвучащий сигнальный музыкальный инструмент». На самом деле никакой он не «самозвучащий». Конечно, по любой железяке грюкни — она и зазвучит. Но не будет песни. Не будет перезвона малинового. Не получится колокольного плача — навзрыд, отчаянного, бесшабашного...

А бывает, и смеются колокола! Но опять же не сами, нет,— не обойтись тут без мастера.

Алексей Чернышов, начальник технологического бюро Воронежского завода тяжелых механических прессов, ведет нас по цехам: из модельного — на формовку, оттуда — в литейку.

...Легкие, почти неуловимые прикосновения стамески к влажной сосновой фактуре, невидимые глазу шероховатости снимаются мелкой наждачной шкуркой...

Многое зависит от модельщиков, да не все. За внешний вид они поручиться могут, а вот за звук поруки никто по отдельности дать не сможет. Здесь, как говорится, надо, чтобы сложилось. Чтоб труд многих людей обрел голос. Тут и формовщики ошибиться с формовочной смесью не должны, и сушильщики, запекающие для прочности готовую форму, должны не «передержать», и металлурги, и доброструйщики — все сработаны обязаны точно.

— Я, — рассказывает Чернышов, — долго колебался. Ну понимаете, колокола... церковь... А я — партийный, понимаете? Как же, думаю, совместить такое возможно? И не знаю, чем бы споры с самим собой закончились, если бы не засела заноза: кто-то сказал, что ни в жизнь нам этих самых колоколов не отлив, чтоб звучали.

Задетое профессиональное самолюбие расставило точки над «и».

А ведь дело и впрямь не шуточное. Отлив — привычно, ничего нового: модель, форма, сплав, а вот чтоб зазвенел, запел с прибрежной горки!..

Засели заводчане за книги. К тому немногому, что имелось в профкомовской библиотеке, добавлялись редкие, дореволюционные издания. Да не густо было литературы по части литья колоколов. Древнее это рукомесло, передававшееся главным образом изустно от мастера к ученикам, десятилетиями, веками копившимися навыки — все под корень было вырублено. За ненадобностью. Когда на орала перековывались не только мечи.

Разрабатывая технологию литья, помянул Чернышов добрым словом и уральских мастеров, где учили его в молодости знаменитому каслинскому литью. А когда с технологией было закончено, засел за чертежи инженер-конструктор Владимир Мязин.

С чего же все это началось? С какой, хотелось узнать, стати крупное промышленное предприятие (с планом, госзаказом, с нерешенными проблемами соцкультбыта и т. д.) взялось вдруг за колокола?

Был в Воронеже кооператив — «Пушок». Специализировался на мягкой мебели (отсюда и название). Не знаю, что тому причиной — то ли интуиция, то ли внимательное изучение конъюнктуры, но кооператоры — спасибо им за это! — решили помочь нашей православной церкви... колоколами. Так они на Воронежский прессовый, где самый крупный цех по литью бронзы, и вышли. И из «Пушки» переименовались в «Русь».

Предприниматели взялись за дело круто. Недостатка в заказах не было. Фондированная медь — пожалуйста. На «колокольный звон» живо отклинулись рабочие. Потому что к нему присоединился и другой, не менее благозвучный: форсируя сроки производства, кооператоры стали приплачивать наличными. Хорошее, казалось бы, дело — плата по труду,— да не всем по нраву пришло. Конечно, недовольными оказались прежде всего те, кто не был занят на изготовлении колоколов. Конфликт назревал стремительно и не замедлил разрешиться самым простым образом: кооператоры ушли на другое предприятие; заводчане, войдя во вкус, продолжают лить колокола самостоятельно...

В кабинете главного металлурга встретились с москвичами из фольклорного ансамбля «Карусель».

— Ребята, а как узнали воронежский адрес?

— Друзья были здесь на экскурсии, услышали, что на здешних церквях колокола местного производства...

Сегодня в Воронеж едут отовсюду, со всей страны. Кто бы мог подумать — и на колокола дефицит!

Заговорили об этом с отцом Александром Труновым, помощником настоятеля Покровского кафедрального собора.

— Еще пять лет тому назад такое было невозможно. Чтоб государственное предприятие выполняло заказы епархий... Слава богу, времена меняются.

От себя добавлю: меняемся и мы сами. Просветлев умом и медленно очищаясь душой, платим, платим по неоплатным счетам...

А народу-то, рассказывают, собралось на подъем новых колоколов видимо-невидимо! Детвора и старые горожане, верующие и атеисты, телевидение областное — на диво глянуть. А оно и впрямь диво: мощный японский кран, выстрелив в чистую синь свою руку-стрелу, медленно потянул вверх много-пудовое бронзовое солнце...

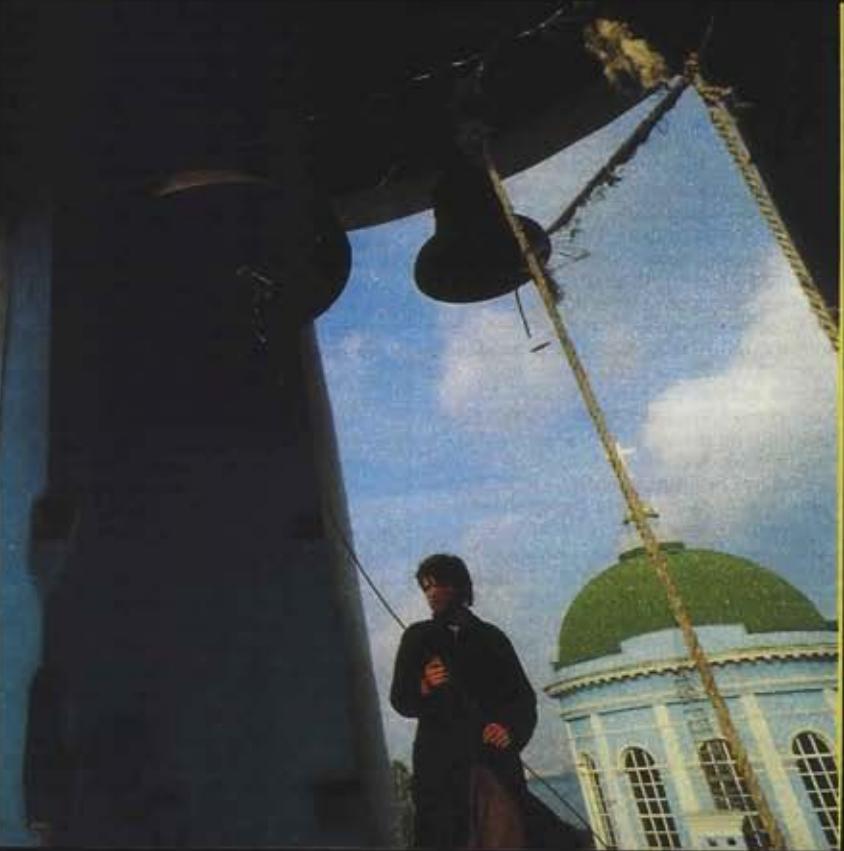
По шатким, скрипучим лесенкам XVII века взираемся на колокольню. Молодой звонарь Юрий Урядник управляет ловко, я едва за ним поспеваю.

Выпускник музучилища, Юрий перепробовал в своей жизни многое. Работал в музыкальной школе, на заводах художественной самодеятельностью руководил, играл в ресторане. И вот — на колокольне. Звонарь — профессия нынче редкая, реликтовая. Звонарь — высокое, едва ли не начисто утраченное нами искусство.

— Батюшка благословил меня: весной поеду в Ростов Великий, на курсы звонарей...

Хороший вид открывается с высоты. Привольно здесь и колоколам, и птицам. Но садящей царапиной напомнило о себе услышанное в курилке на заводе: «Ишь, коммунары, то скидывали кресты с колоколами, а тут — спохватились, снова фотоаппаратами защелкали...»

Обиженный народ не скоро прощает. Но ведь мы спохватились?

Перед нынешним боем прежние все разве что военными учениями и могли показаться. Хоть и с пристрелкой на будущее, а палили там все больше холостыми; главные же силы за «маневрами» поглядывали из укрытия, себя не обнаруживая. Да и так оно вышло, что когда 17 ноября 66-го на борту секции прозы обсуждался «Раковый корпус», союзников перевес выходил обильный, хотя и странным к тому времени мог показаться расклад: после хрущевской «оттепели» заметно похолодало и пал уже — дела не доделав, — главный благодетель, а все как бы оставался Солженицын под охранительным начальственным крылом. Не последним и то было, что в памятных еще днях сам Суслов (вместе с прежним шефом не павший) сухонькой ладошкой при всей честной компании изволил руку поклонять автору «Ивана Денисовича». На такие штуки глазок холуйский приметлив, так что и выходил тогда Солженицын главным кусателям не по зубам — час не пришел. А тут время к нему и повернуло.

Хотя календарных страничек не так много отлисталось, а уже отвечать надо было и на письмо съезду, и на послание Г. Владимирова, да и на последнее солженицынское — от 12 сентября 67-го — отмолчаться никак уже было нельзя... Пришел час спускать с цепи главные силы. Только не маневрами тут пахло, а готовилась кампания.

Союзник и сам боец испытанный, сквозь какие уж лихие годы с боями прорывавшийся, больше Солженицына чуял это Твардовский.

«Он-то знал, как вытягивают жилы на этих заседаниях, как ставят подножки, колют в задницу, кусают в пятку».

Зная же это, призвал Твардовский Лакшина.

«...и с ним вместе готовился меня уговорить и настроить, чтобы я был сдержан там, чтоб не высакивал, не сшибался репликами, не взрывался от гнева — ведь заключают, ведь тогда я пропал, они же все опытные петухи». <...>

«Открою вам тайну, — сказал я им. — Я никогда не выйду из себя, это просто невозможно, в этом же лагерная школа». <...>

«Готовиться к этой первой (но тридцать лет я к ней шел) скватке мне, собственно, не было трудно: и потому, что очень уж отчетливо я представлял свою точку зрения на все, что только могло шевельнуться под их теменами; и потому, что на самом деле предстоящий секретариат не был для меня решением судьбы моей повести: пропустят ли они «Раковый корпус» или не пропустят — они все равно проиграли. Равно не нужен мне был этот секретариат и как аудитория: бесполезно было пытаться воистину их переубедить. Всего только и нужно было мне: притянуть к врагам лицом к лицу, проявить непреклонность и составить протокол. <...> Я заготовил чистые листы, пронумеровал их, поля отчертил — и в назначенные 13.00 22 сентября вошел в тот самый полузал с кариатидами. А у них был густой, надышанный и накуренный воздух, дневное электричество, опорожненные чайные стаканы и пепел, насыпанный на полировку стола, — они уже два часа до меня заседали».

Полную стенограмму этого заседания, будем надеяться, издастут, ибо история отечественной литературы лишится без нее многих поистине судьбоносных своих страниц. Мы же даем — в коротких извлечениях — «ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР 22 сентября 1967 года».

ФЕДИН. <...> В сложном вопросе о печатании вещей Солженицына что происходит? Его таланта никто из нас не отрицают. Перекаивает его тон в непозволительную сторону. Читая письмо, ощущаешь его как оплеуху —

«Нет, не будем прятаться за фатум: главные направления своей жизни все-таки выбираем мы сами!»

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ПРОТИ

Декабрь 1971 года. Похороны Твардовского.

мы будто негодники, а не представители творческой интелигенции. В конце концов своими требованиями он сам тормозит рассмотрение вопроса. <...> мы должны будем сегодня говорить и о произведениях Солженицына, но мне кажется, что мало говорить в общем по письмам.

СОЛЖЕНИЦЫН просит разрешения сказать несколько слов о предмете обсуждения. Читает письменное заявление:

«Мне стало известно, что для суждения о повести «Раковый корпус» секретарям правления предложено было читать пьесу «Пир победителей», от которой я давно отказался сам, лет десять даже не перечитывал, уничтожил все экземпляры, кроме захваченного, а теперь размноженного. Я уже не раз объяснял, что пьеса эта написана не членом Союза писателей Солженицыным, а бесфамильным арестантом Щ-232 в те далекие годы, когда арестованным по политической статье не было возврата на свободу, и никто из общественности, в том числе и писательской, ни словом, ни делом не выступил против репрессий даже целых народов.

Я так же мало отвечаю сейчас за эту пьесу, как и многие литераторы не хотели бы повторить сейчас иных речей

и книг, написанных в 1949 году. Пьеса эта не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему творчеству. <...> Кроме того, недостойно писательской этики — обсуждать произведение, выранное из частной квартиры таким способом». <...>

КОРНЕЙЧУК. У меня вопрос к Солженицыну. Как он относится к той разнуданной буржуазной пропаганде, которая была поднята вокруг его письма? Почему он не отмежуэтся? Почему его письмо западное радио начало передавать еще до съезда? <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Хорошо, я отвечу на эти вопросы. Это неверно, что письмо стали передавать по западному радио до съезда: его стали передавать уже после закрытия съезда, и то не сразу. (Далее буквально): «Здесь употребляют слово «заграница» и с большим значением, с большой выразительностью, как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Может быть, это и понятно тем, кто много творческого времени проводит в заграничных поездках и наводняет нашу литературу летучими заметками о загранице. Но мне это странно. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграницей, а не со своей страной,

с ее живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу. <...>

ВОПРОС: Отвергнута ли редакцией «Нового мира» повесть «Раковый корпус» или принята?

АБДУМОУНОВ. Какое разрешение требуется «Новому миру» на печатание повести и от кого?

ТВАРДОВСКИЙ. Вообще решение печатать или не печатать ту или иную вещь — в компетенции редакции. Но в данной ситуации, сложившейся вокруг имени автора, решать должен секретариат Союза.

ВОРОНКОВ. <...> После письма Солженицына съезду у товарищей из секретариата было желание встретиться, ответить на вопросы — поговорить и помочь. Но после того как письмо появилось в грязной буржуазной прессе, а Солженицын никак не реагирует...

ТВАРДОВСКИЙ. Ну, точно как Союз писателей!

ВОРОНКОВ. ...это желание отпало. А тут вот появилось второе письмо. Оно ультимативно, оскорбительно, недостойно нашей писательской общественности. <...> Но меня сейчас больше всего интересует гражданское лицо Солженицына: почему он не реагирует на

ВОСТОЯНИЕ

гнусную, буржуазную пропаганду? И почему так обращается с нами?

МУСРЕПОВ. И у меня вопрос: как это он пишет в письме: более высоко стоящие товарищи выражают сожаление, что я не умер в лагере? Какое право он имеет так писать? <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Да то ли еще обменивались? Лицо, занимающее очень высокое положение и сегодня, заявило публично, что сожалеет: не он был в составе той тройки, которая вынесла приговор в 1945 году, он бы тогда же приговорил меня к расстрелу... Здесь мое второе письмо истолковывалось как ультиматум: или печатайте повесть, или ее на Западе напечатают. Но этот ультиматум не яставил секретариату, а вам и мне вместе ультиматум этот ставит жизнь. Я пишу, что меня беспокоит распространение повести в сотнях — эта цифра на глазок, я ее не подсчитывал, — в сотнях машинописных экземпляров. <...> Первую часть повести еще год назад перечитала московская секция прозы, удивляясь, почему т. Воронцов сказал — не знали, где достать, запрашивали КГБ. <...> Я не меньше могу удивляться, как мог секретариат, несколько не реагировать на мое письмо съезду — еще прежде Запада? И не реагировать на всю ту кле-

вету, которой меня окружили. <...> Давно известно, что клевета неистощима, изобретательна, быстра в росте, но когда столкнувшись с клеветой сам, да еще с невиданной новой формой ее — клеветою с трибуны, то диву даешься. Беспрепятственно проворнулся круг лжи о том, что я был в пленах и сотрудничал с немцами. Но этого уже кажется мало! Этим летом в сети политпросвещения, например в Большево, агитаторам было продиктовано, что я бежал в Арабскую Республику и сменил подданство. Ведь это же все записывается в блокноты и разносится дальше с коэффициентом сто. И это рядом со столицей! Есть и другой вариант. В Соликамске <...> майор Шестаков объявил, что я бежал по туристской путевке в Англию. <...> Другой раз он же объявил: Солженицын официально запрещено писать! Ну, тут он хоть близок к истине.

Еще так обо мне заявляют с трибун: «Его освободили досрочно, а зря». Зря или не зря освободили, это мы можем видеть из судебного решения военной коллегии Верховного суда по реабилитации, оно предложено секретариату...

ТВАРДОВСКИЙ. И там боевая характеристика офицера Солженицына.

СОЛЖЕНИЦЫН. А вот «досрочно» — это очень смачно употреблено! Сверх восемилетнего приговора я просидел месяц в пересыльных тюрьмах, да такую мелочь у нас и упоминать стыдно, затем без приговора получил вечную ссылку, с этой вечной обреченностью просидел три года в ссылке, только благодаря ХХ съезду освобожден — и это называется «досрочно»! Как это словечко выражает удобное мировосприятие 1949—1953 годов: если не умер в лагерной помойки, если хоть на коленях из лагеря выполз — значит, освобожден «досрочно»... Ведь срок — вечность, и что раньше — то все досрочно.

Бывший министр Семичастный, любивший выступать по вопросам литературы, не раз уделял внимание и мне. Одно из его удивительных, уже комичных обвинений, было такое: «Солженицын материально поддерживает капиталистический мир тем, что не берет гонорара» какого-то за вышедшую где-то книгу, очевидно «Ивана Денисовича», другой нет. <...> Ведь это уже комедийная путаница: кто берет гонорары с Запада — тот продался капиталистам, кто не берет — тот их материально поддерживает. <...> Семичастный уже не министр, но идея его не угасла: лекторы Всесоюзного общества по распространению научных знаний понесли ее дальше. Например, ее повторил 16 июля этого года лектор А. А. Фрейфельд в свердловском цирке. Сидели две тысячи человек и только удивлялись: какой же ловкач этот Солженицын! — умудрился, не выходя из Советского Союза, не имея в кармане вообще ни копейки, материально укрепить мировой капитализм. (Действительно, история для цирка.) <...>

САЛЫНСКИЙ. Я буду говорить о «Раковом корпусе». Я считаю, что эту вещь необходимо печатать — это яркая и сильная вещь. <...> Теперь о нравственном социализме. По-моему, здесь ничего страшного. Если бы Солженицын проповедовал безнравственный социализм — это было бы ужасно. (Далее призывают секретариат решительно вы-

ступить с опровержением клеветы против Солженицына.) <...>

ФЕДИН. Нет, это неверно. Секретариат не должен ничего печатать и опровергать. Неужели мы в чем-то виноваты? Неужели вы, Александр Трифонович, считаете себя виновным?

ТВАРДОВСКИЙ (быстро, выразительно). Я?? — нет.

ФЕДИН. Не нужно искать искусственного повода для выступления. <...> Другое дело, если Солженицын сам найдет повод развязать возникшую ситуацию. Тут должно быть публичное выступление самого Солженицына. Но вы подумайте, Александр Исаевич, в интересах чего мы станем печатать ваши протесты? Вы должны прежде всего протестовать против грязного использования вашего имени нашими врагами на Западе. <...>

(Одобрение среди членов секретариата)

КОРНЕЙЧУК. <...> Отдаете ли вы себе отчет: идет колоссальная мировая битва и в очень тяжелых условиях. Мы не можем быть в стороне. Своим творчеством мы защищаем свое правительство, свою партию, свой народ. Вы тут иронически высказались о заграничных поездках как о приятных прогулках, а мы ездим за границу вести борьбу. Мы возвращаемся оттуда измотанные, изнуренные, но с сознанием исполненного долга. <...> Ваши выступления — только прокурорские. «Пир победителей» — это злобно, грязно, оскорбительно! И эта гадкая вещь распространяется, народ ее читает! Вы сидели когда там? Не в 37-м году! А в 37-м нам приходилось переживать!! — но ничто не остановило нас! Правильно сказал вам Константин Александрович: вы должны выступить публично и ударить по западной пропаганде. Идите в бой против врагов нашей страны! Вы понимаете, что в мире существует термоядерное оружие, и, несмотря на все наши усилия, Соединенные Штаты могут его применить? Как же нам, советским писателям, не быть солдатами?

СОЛЖЕНИЦЫН. Я повторно заявляю, что обсуждение «Пира победителей» является недобросовестным, и настаиваю, чтобы это было исключено из рассмотрения!

СУРКОВ. На чужой роток не накинешь платок!

КОЖЕВНИКОВ. Большой промежуток времени от письма Солженицына до сегодняшнего обсуждения свидетельствует как раз о серьезности отношения секретариата к письму. Если бы обсуждали его тогда, по горячим следам, мы бы отнеслись острой и менее продуманной. Мы решили сами убедиться, что это за антисоветские рукописи. Я потратил много времени на их чтение. <...> Для меня отказ Солженицына от «Пира победителей» еще не совпал с моим восприятием этой пьесы. <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Несмотря на мои объяснения и возражения, несмотря на полную бессмыслицу обсуждать произведение, написанное 20 лет назад, в другую эпоху, в несравнимой обстановке и другим человеком, к тому же никогда не опубликованное, никем не читанное и выкраденное из ящика, — часть ораторов сосредотачивается именно на этом произведении. Это гораздо бессмыслицнее, чем, например, на 1-м съезде писателей поносить бы Максима Горького за «Несвоевременные мысли». <...>

СУРКОВ. Я тоже читал «Пир победителей». Ее настроение: «Да будьте вы все прокляты!» И в «Раковом корпусе» продолжает звучать то же. <...> Если «Раковый корпус» будет напечатан, эта вещь может быть поднята против нас и будет посильней мемуаров Светланы. <...>

Произведения Солженицына для нас опасны Пастернака: Пастернак был человек, оторванный от жизни, а Солженицын — с живым, боевым, идейным темпераментом, это — идейный человек. Мы — первая революция в истории человечества, не сменившая ни лозунгов, ни знамен! «Нравственный социализм» — это довольно обывательский социализм, старый, примитивный, и (в сторону Салынского) не знаю, как можно в этом не разобраться, что-то тут найти.

САЛЫНСКИЙ. Да я его и не защищаю вовсе. <...>

КЕРБАБАЕВ. Читал «Раковый корпус» с большим неудовольствием. Все — бывшие заключенные, всё — мрачно, ни одного теплого слова. Просто тошнит, когда читаешь. <...> Почему автор видит только черное? А почему я не пишу черное? Я всегда стараюсь писать только о радостном. Это мало, что он от «Пира победителей» отказался. Я считал бы мужеством, если бы он отказался от «Ракового корпуса» — вот тогда я бы обнял его как брата.

ШАРИПОВ. А я бы ему складку не дал, я бы его из Союза исключил! В пьесе у него все советское представлено отрицательно, и даже Суворов. Совершенно согласен: пусть откажется от «Ракового корпуса». Наша республика освоила целинные и залежные земли и идет от успеха к успеху.

НОВИЧЕНКО. <...> Не согласен с главным требованием письма: нельзя допускать все печатать. Это что ж тогда — и «Пир победителей» печатать? <...> Надо преодолеть всяческие кочешки, ведущие от этой пьесы. <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Уже несколько раз я выступал сегодня против обсуждения «Пира победителей», но приходится опять о том же. <...> Я сейчас буду говорить очень медленно, пусть каждое слово моё будет записано точно. Если «Пир победителей» пойдет широко по рукам или будет напечатан, я торжественно заявляю, что вся ответственность за это ляжет на ту организацию, которая использовала единственный сохранившийся, никем не читанный экземпляр этой пьесы. Организация делает это при моей жизни и против моей воли: это она распространяет пьесу! <...> Теперь относительно предложения Константина Александровича. Ну, конечно же, я его приветствую. Именно публичности я и добиваюсь все время! Довольно нам таиться, довольно нам скрывать наши речи и прятать наши стенограммы за семью замками. <...> Спросил К.А.: «В интересах чего печатать ваши повести?» По-моему, это ясно: в интересах отечественной литературы. Но странно говорит К.А., что развязать ситуацию должен я. У меня связаны руки и ноги, замкнут рот — и я должен развязать ситуацию? Мне кажется, это легче сделать могучему Союзу писателей. Мне каждую строчку вычеркивают, а у Союза в руках вся печать. Я все равно не понимаю и не вижу, почему мое письмо не было зачленено на съезде. Теперь К.А. предлагает

Уолта Уитмена, самая американская часть Америки.

Первые художники донесли до нас ценные этнографические документы. Вот, к примеру, портрет индейского вождя по имени «Припавший к земле Орел» Генри Инмана. Любуюсь портретом Орла, как-то невольно вспоми-

ДИКИЙ ЗАПАД В СИБИРИ

Александр
СПИРИН

От одного звучания слов — Фенимор Купер, мустанг, прерия... — начинает сосать под ложечкой, а от какой-нибудь араукарии, которую мы и в глаза не видели, холодают кровь. Нет, есть в российской душе заповедный уголок с табличкой «Дикий Запад». Недаром с XIX столетия не перестают читать в России Джеймса Ф. Купера, Брет Гарта, не зря здешний читатель совершил паломничества вместе с американскими переселенцами в поисках земли обетованной.

Выставка «Запад, Запад, Запад» (65 работ из коллекции мистера Аншуца) расталкивает подзатянувшееся ряской сознание человека, уставшего от борьбы с повседневностью, и выталкивает его в мир искателей приключений, благородных индивидуалистов, гордящихся своей независимостью. Ибо запад, по словам поэта

наешь, что на свое 70-летие Вождь Всех Народов получил из Америки, видимо, идентичный головной убор — «дар величайшему воину И. В. Сталину, избранному почетным вождем индейских племен», и мысленно выносишь благодарность нашим индейским товарищам за проявленную чуткость.

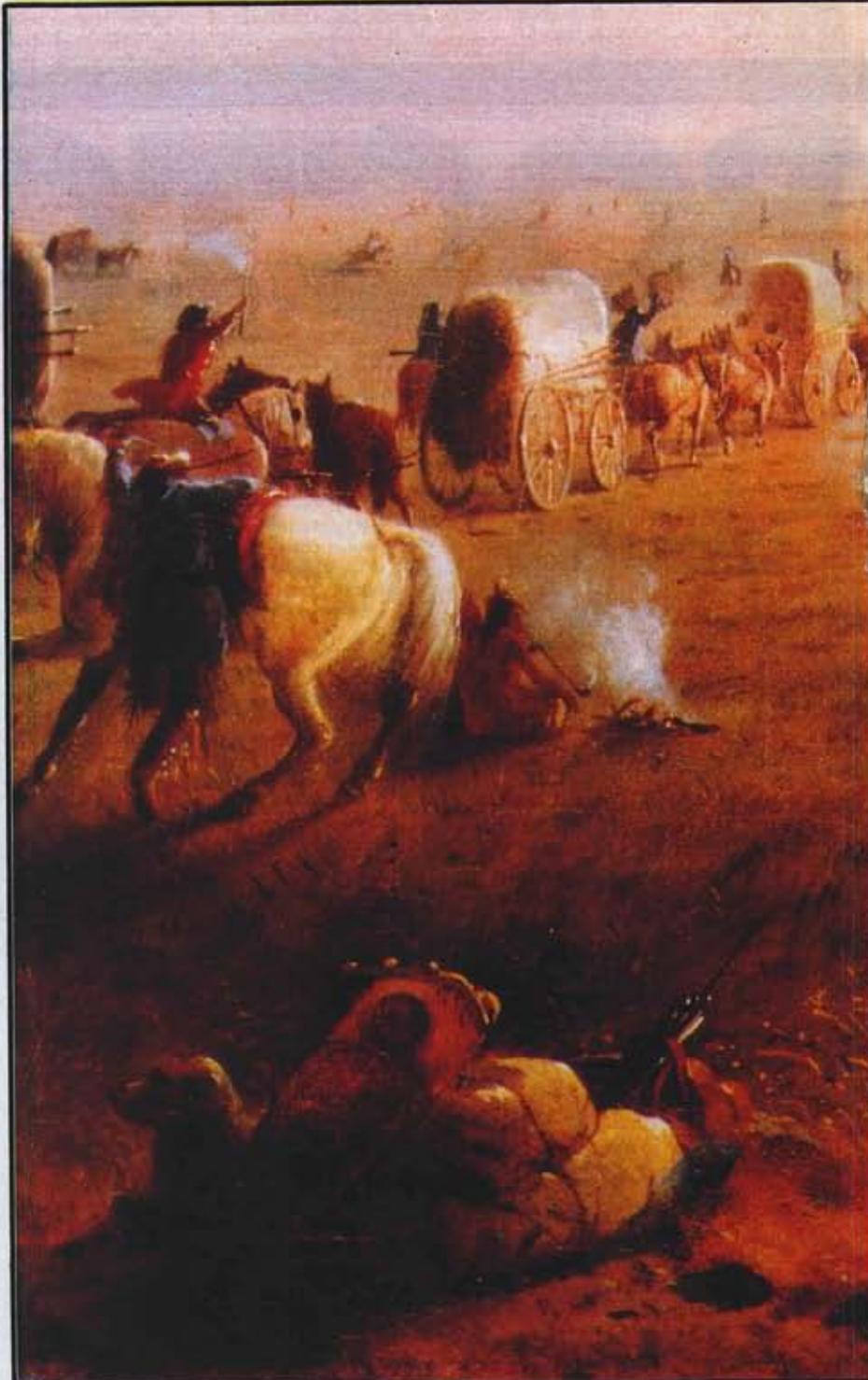
Но пойдем дальше. Художник «Гудзонской школы» Эшер Б. Дюранд свято верил, что, копируя природу, он изображает Бога. Природа блестательна и баснословна, и на фоне ее огромности человеческие беды просто пшик. (Любопытно, что сказал бы Эшер Б. Дюранд, посети он в 1989 году, ну, например, Арап?)

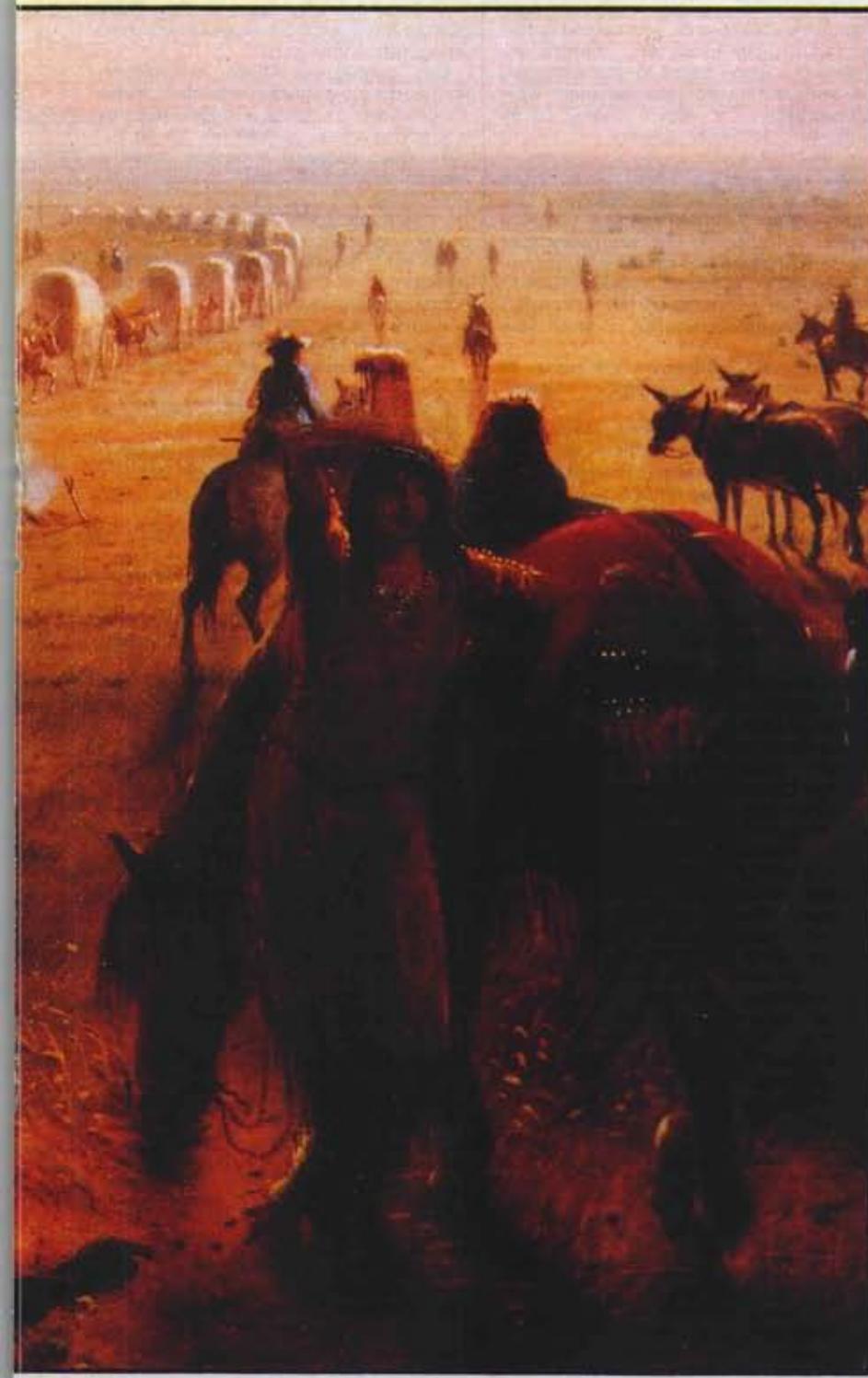
Десятилетия спустя руссоистские идеи Дюранда были подхвачены Альбертом Бирштадтом и Томасом Мораном. Природа на их полотнах

являла столь ослепительно-величественный лиц, что в пору было захватить. Пейзажи Морана поразили в самое сердце членов конгресса, и вскоре после их показа в Америке возник первый национальный парк.

(Какой Моран убедит наших «конгрессменов» не трогать Алтай и прочие места, ау, советский Моран!) Нельзя пройти мимо двух знаменитостей, Чарльза Рассела и Фредерика Ремингтона. Первый, будучи ковбоем, поэтизировал жизнь на ранче, а второй, держатель салуна, опакивал исчезающий под натиском цивилизации дикий запад. Если бы существовало звание «народный художник США», оба получили бы его по праву и без всякого бояла.

Ландшафты запада неисчерпаемы на выдумку. Но, по-видимому, к концу XIX века они подустали от романтических, а также суровых реалистов, и век XX протекает под знаком модернизма. Быть может, последним «чистым» академистом был уроженец Казани Николай Фечин, член Академии художеств, в 1923 году навсе-

гда покинувший Родину. Картина «Бабье лето» (по-английски «Индийское лето») — виртуозный натюрморт индейского быта, диковинная игра слов, красок и предметов.

Имя Джексона Поллока, demiурга «стекающих картин» — когда на холст выплескивается банка краски, чистый цвет, — в презентации не нуждается. В конце жизни этот безудержный экспериментатор вообще «заязал» с предметной живописью, предвосхитив появление многих нынешних направлений поставангарда. Ранняя работа Поллока, представленная на выставке «Человек, бык, птица», выглядела бы достаточно традиционно в контексте работ сюрреалистов-европейцев.

По мнению многих, жемчужиной выставки является полотно Джорджа О'Киффа «Красные холмы, серое небо». К огромному сожалению, состояние нашей полиграфии не в силах передать все магическое впечатление от картины, снимающей покров с древней мифологемы: горы — проекция ада на земле.

Давайте теперь внимательно послушаем куратора коллекции Элизабет Канингхэм:

— Наша выставка-передвижка, продолжающая традиции подобных выставок начала века, много путешествует по миру и внутри страны. Мы побывали в Китае, в странах Европы. Конечная остановка в СССР — Новосибирск. Ну, а на родине нашему появлению в любой точке страны предшествует тщательно спланированная рекламная кампания. Мы считаем, что чем раньше дети приобщаются к живописи, тем лучше. Дети загада готовятся к нашему визиту, учатся шить костюмы индейцев на уроках рукоделия. Служители выставки облачаются в ковбойскую экипировку. Мы располагаем спецавтобусами, подгоняем их к школам и коллежам, забираем детей и едем играть на природу. Да-да, именно играть, ведь дети быстро устают от сухой дидактики, пусть даже она поддается с самыми благородными целями. Дети строят вигвамы, жгут костры, как настоящие индейцы, поют и танцуют под народную музыку нашей рок-канти-группы.

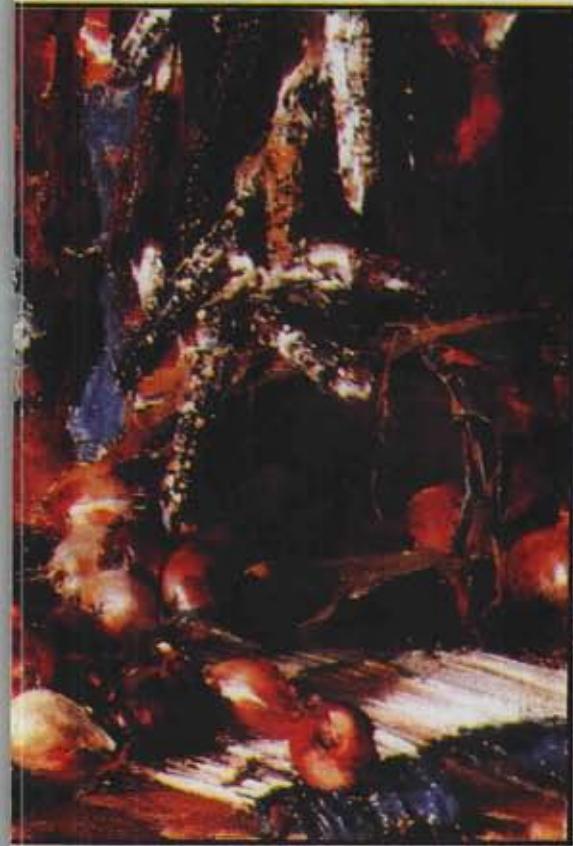
Слушая эту женщину с лицом и фигурой Джейн Фонды, я вспоми-

nil, что, учась в далеко не худшей московской школе, вместе с классом был в Третьяковке лишь однажды. Гид-экскурсовод на ходу подмазывала губки, явно торопясь на раневу, и мы пронеслись по залам бешеным галопом, которому позавидовали бы скакуны из труппы Буффало Билла («Слева — русская аристократия, справа — Иван Грозный убивает собственного ребенка, проходим в темпе!»). После чего на уроке перед нами вывесили блеклую репродукцию «Сватовства майора», и все принялись механически описывать изображенное на картине (если бы кто-нибудь хотя бы намекнул нам тогда, что живопись — это то, что не передается словами!); лучшие места из сочинений были зачитаны вслух, и весь класс почувствовал стойкое отвращение к жанровой живописи.

Жутковатый парадокс: страна, в первой четверти века подарившая миру чудо русского авангарда, изменившее не только взгляд на живопись, но, кажется, и само пространство, эта страна, прошедшая в 30—40-х через искушения кармельными сюжетами типа «Опять двойка», спустя полвека пускает на самотек воспитание художественного вкуса у молодых людей. Этот губительный процесс в недрах общества можно определить новым термином — «соц-дофензизм».

А в итоге еще одно полупотерянное для культуры поколение разбирается в живописи так, как великий одинокач Кожаный Чулок — в женских истериках.

Джексон Поллок. Человек, бык, птица.

Николай Федин. Бабье лето.
Фредерик Сэкрайдер Ремингтон. Отпусти его на свободу, Билл.

ШКОЛА БАЛЕТА

Окончание.
Начало на 2-й стр.

заметки, в разные годы опубликованные в печати, другие публикации по балету. С удивлением Тамара Генриховна прочла вскоре не только свои мысли, но и собственные фразы в газетной публикации за подписью О. Мамченко. Интеллигентка, она не учинила скандала, но ограничила высокомерным и маловстречающимся клеймом.

— Они все опачкались, — сказала она о директоре, который, к сожалению, никогда не был одинок в училище.

А еще на одном из первых своих педагогов Петрин, заметно волнуясь, заявил, не выбирая выражений, не чувствуя криминального образа собственных мыслей:

— Да если бы мы выпускали хотя бы хороших артистов балета! Ну, пусть они не знают физики...

Грубо сказал, резко. Неосторожно. Самоубийственно неосторожно. Тут, можно сказать, вся история и совершилась, хотя до ее завершения, до увольнения Владимира Сергеевича Петрина, заместителя секретаря партийной организации по идеологии, художественного руководителя, до увольнения — по статье! — за аморальный поступок! — до его увольнения еще остается время, по сути, уж ничего не решавшее в глазах тех, кто со знанием своего дела выслушивал оскорблении.

А он еще продолжал в прямолинейном простодушии. Были увеличены часы производственной практики. После юбилейного концерта он уехал в Донецк на конкурс, где был членом жюри. Вернувшись с победой — Ира Дворовенко, «честная, работоспособная, с блестящими данными, добрая, обширительная, уникальная девочка, очень апологированная» (характеристика Петрина) воспитанница педагога Сыкаловой, получила гран-при «Надежда...». Концерты теперь шли за концертами, ежемесячно, всюду, от воинской части до академической сцены, шли спектакли в театре с участием детей из училища: «Тщетная предосторожность», «Сияющая красавица», «Баядерка!..». Петрин задумал ставить и «Шопенину», то есть отказаться от годами идущего на сцене училища и, по мнению некоторых авторитетов балета, вредного для юных ног и спин спектакля «Копелия»...

Воздух кулис прорвался в училище. Театр как мираж.

...А он еще водил мальчишек из своего класса в зоопарк, такой простодушный. Судьба-подхалимка делала ему намеки. В феврале на открытом партсобрании люди впервые открыто выступили против директора. «Что ж, вы меня не защищали», — сказал директор Петрину. «Не мог, слишком много грязи выплыло», — отрезал Петрин, не чуя от судьбы угрозы.

Далее события были стремительны. В феврале «...мы подали в министерство заявление об уходе, заявив, что у нас на первом месте дело» — запись сделана в беседе с А. А. Шевелем. «Потом меня вызвали к инструктору ЦК по поводу конфликта Петрина с директором, и я, на вопрос, в чем причина конфликта, ответил, что бывают люди с хорошей моралью, бывают с плохой, а Петрин — без всякой морали»... «Так и сказали?» — ахнула я, записывая слова молодого человека в синем костюме, ведающего в училище идеологией и нравственностью, и как я по-

няла, почему-то преимущественно иностранцев. «Да, — улыбнулся он, щелкая фирменной шикарной зажигалкой, — признаюсь, для него это мое заявление было катастрофическое». «Да, если бы он ушел, может быть, дело до статьи и не дошло», — поразительно заметил тут зам. директора О. Н. Назаров.)

То в феврале, а в апреле, так кстати, приехали японцы, подарили училищу деку, Петрин прилюдно обрадовался, сказав, что вот, мол, сможем лучше вести наши уроки, записывать, и унес деку домой, поскольку сейфа для хранения не было. Вместе с декой был подарен эстамп, вывешенный в кабинете директора. Деку Петрин наутро — есть свидетели — принес, а эстамп бесследно исчез из директорского кабинета. Петрину винили обвинение в попытке присвоить деку, а тот, кто действительно присвоил эстамп, так и не был найден. Петрина уволили за поступок, не совместимый с педагогической деятельностью. На суде, где разбиралось после дела Петрина, дека не была предъявлена «потерпевшей» стороной, поскольку она, дека, уж находилась то ли в райкоме партии на предмет съемки волнивших недостатков, кое-где еще встречающихся в районе, то ли в министерстве... А что ж с пропавшим эстампом?

Через полтора года мне сказали в кабинете зам. директора по идеологии:

— Сами подумайте, сколько мог стоить тот дешевенький эстамп!

Суд отказал Петрину в иске, оставив на Петрине пятно, происхождение которого ни у кого в училище не оставляло сомнений. Коллектив взорвался письмами в инстанции...

Что же он такого страшного совершил, Петрин?

Совершил, совершил! Я сижу в кабинете молодого заместителя директора по идеологии и, слушая, что собой представлял Петрин в подаче хозяев училища («Тянул на себя одеяло, — записываю, спеша за речью, — завистливый, амбициозный, жестокий, оскорбительно разговаривал с лауреатами известных премий, разделил коллектив, пытался унижать гордость училища балет «Копелия»...»), слушая и записывая, я пытаюсь понять и начинать догадываться.

Он сказал тем, кто захватил власть над культурой, что они культуры в такой должности не нужны.

Он «ничтожеством и непрофессионализмом дал понять, что они такое» (слова педагога Босого, долго пытавшегося остаться вне борьбы и с грустью и отчаянием интеллигента ввязавшегося в драку, в ущерб своему душевному равновесию, да и в ущерб работе, конечно). Он, Петрин, увидел старую отвратительную и привычную ситуацию, когда культурой с ревностью заведуют люди, не знающие ее по определению. Он возмутился тому, что «нарабатывалось» несколько десятилетий, именно нашей покорности, когда во главе какого-то дела ставился отнюдь не деятель, но сильно революционный знаток дальнейших негоций, как писал Гоголь, России.

...Не знают дети физики! Не знают информатики. Французский по шесть лет учат, а кроме «Меня зовут Ира Дворовенко», ничего сказать не могут (слова самой Иры)...

Это плохо. Но это и «идеологически неверно». Что означает: когда дети, которых плохо учат балету, рано или поздно выйдут из стен прославившегося в прошлом своими учениками училища, не нужные ни одному театру (правда это! Остерегаются брать киевских в театрах Украины. Что говорить о всей стране) — когда они выйдут... уродцами, тайно проклинающими день, когда их родители в сей храм ввели, тогда им понадобится хотя бы суррогат образования, чтобы сидеть в кабинете, чтобы пойти в самый захудалый институт и чтоб так убогие смогли себя прокормить.

Впрочем, убогие часто устраиваются в театр, на них смотрят зритель. Он

думает, что так и надо, что таков должен быть кордебалет, что таково должно быть дирижирование... зритель испытывает некое подобие наслаждения, не зная истинного наслаждения. Круг замыкается. Он ведет своих детей в «храм», не ведая другого.

Мне не удалось сразу встретиться с первым замминистра культуры тов. Колтуником. Потребовались звонки в Киев из Москвы. Тов. Колтунок убеждал, что процесс нормализуется, необходимости приезда корреспондентов (и особенно публикации!) нет никакой.

Наконец он согласился со мной увидеться.

Я вошла в кабинет. Положила на стол маленький диктофон «Сони», включила.

Не могу не описать испуганного движения замминистра, как если бы я вытащила из сумки «калашников».

— Снимать-то вы не будете? — спросил замминистра.

Он громко сообщил мне, что училище приходит в норму, что не забыты добрые традиции... В этот момент вошел начальник управления учебными заведениями тов. В. М. Бабиенко. Разговор тотчас приобрел предметность. Замминистр отвлекся к телефону.

— Я прекрасно понимаю сложнейшую ситуацию, — сказал В. М. Бабиенко. — Я здесь недавний работник, пришел из ЦК Компартии Украины, но балет люблю, знаю, часто бывал в училище. Я абсолютно убежден: Назаров и Шевель должны уйти из училища. Но это лишь начало.

— Что, что, о чём вы говорите? — вскричал от телефона замминистр, и его волнение не укрылось от диктофона...

Из министерства я отправилась в училище.

В кабинете Игоря Андреевича Энгстрема стояла педагог со списком учащихся, предлагаемых к отчислению. Игорь Андреевич, читая, не мог не удивляться во всеуслышание. К отчислению предлагались учащиеся, уже давно переходящие из класса в класс, между тем как у них была «короткая шея, профессиональные данные средние, большая голова, широкие плечи, общая полнота, несценическая внешность, мало выразительности, нет эмоциональности». Или: «систематически пропускают занятия, не посещают занятия по производственной практике, ограниченные профессиональные данные». Я встретила в этом чудовищном списке и такое: «чрезмерная полнота».

Девяносто процентов учащихся — дети со средними профессиональными данными.

О чём мне спрашивать Игоря Андреевича? Я вспомнила чьи-то слова: «После ухода Петрина мы покатились в бездну». О чём мне спрашивать человека, которому поручено над бездной удержать все это ветхое, разваливающееся сооружение?

«Мы слабая страна...» — листала я записи нервных монологов.

— Какой-то кошмар, — сказал Игорь Андреевич, по своей природе и воспитанию не позволяющий себе, видимо, чрезмерного пессимизма. — Я зашел в интернат, сказал вьетнамской девочке: «Я новый директор. Почему не едите в столовой, а готовите в коридоре?». Знаете, что сказала девочка? «Невкусно. Грязная посуда». Я такого не ожидал. Педиатра, ортопеда нет, при приеме дети не проходят ЭКГ, на питание выделяется полтора рубля, тогда как в спортивной школе — два с полтиной. Грязь, крыша течет.

Где-то я уже слышала, у меня уже записано: грязюка, вонь в коридорах. Круг замкнулся, в который раз, который круг...

Вечером мы увидели Татьяну Таякину на «Щелкунчике». Наутро увиделись снова. Твердость духа, светящаяся во всем хрупком и милом облике народной артистки, меня поразила столь же сильно, как и ее танец накануне. Она сказала:

— Мне бы хотелось, чтобы общий разлад в государстве не сказывался на искусстве. Силы есть.

Она, вчерашняя Клара, стремительно, на что одна душа и способна, вывела разговор от грязи, которой мы, так и чувствовалось, дышим, на такую вы соту. Она говорила о голоде совести, голоде образованности, голоде чести и чистоты.

— Нам предстоит борьба с министерством. Не хочу, чтобы иронизировали по поводу балета. Но уровень балета снижается, его убивают некомпетентность, некультурность. Иногда я смотрю на сцену и вижу, что балерина прочитала лишь «Всадника без головы»...

— Мне страшно за вас, — вдруг сказала я.

Она слегка засмеялась, ничуть не удивившись.

— Я не считаю это испытанием, — сказала она, прекрасно поняв меня, — я ведь долго не соглашалась. Но я уже увидела своего нового директора! О, если бы когда-нибудь озлобилась, я бы погибла.

Она взглянула на директора, и я взглянула на директора. Музыкант, поклонник балета, ценитель и покровитель — и она в белом платьице, мило украшенном вышивкой.

...Но телефонный дух витал над нами. В этот день одному из моих собеседников позвонили из министерства и продиктовали ответы на мои еще не заданные вопросы. Опираясь на традиции, коллектив училища стремится к новым достижениям в деле подготовки... и т. д. И тот человек, уважаемый мной, махнув рукой, сказал мне:

— Вы пишите обо всем, как видите и как понимаете, пишите остро! Но не сорвите меня с министерством.

Но я и не скрою никого. Что за министерство у меня числится, кроме восклициания: «Что, что, о чём вы?» — едва были произнесены роковые и, возможно, самоубийственные слова о том, что тов. Шевель и тов. Назаров должны уйти из училища.

Что в том, что должны уйти? Уйти, и все, как правители, на которых пала тень недоверия.

Раньше вообще стрелялись.

— Мы не пропускали ни одного спектакля, — засветилась Татьяна Таякина, — тогда, учась на Пушкинской... Всем училищем снимались и шли.

...Есть, есть пока что восстанавливать. Видны подлежащие восстановлению объекты.

С Владимиром Михайловичем Бабиенко мы трижды обошли министерство, захватив частично и Крешатик, и все говорили, все говорили о том, как на уроке химии в будущем училище прежде всего надо просветить ученика на тот счет, кем был Бородин, а на уроке, ну, хоть географии, втолковать, какие морские офицеры бывали прежде, и в пример привести Римского-Корсакова! Ведь сколько историй стремительного взлета нам предлагала жизнь... и сколько поучительных падений!

На улице меня остановил старший воспитатель интерната Богданов.

— Вы будете корреспондент? — сказал он. — Знаете, что все, с кем вы говорили, не правы.

— Мне рассказывали, что в общежитии неуютно, — осторожно начала я.

— А вы собирали общее собрание воспитателей? — живо откликнулся он. — Вы знаете общее мнение? Вы суммировали высказывания?

— Так? — сказала я. — Ну, идемте.

Мы спускались по лестнице, обойдя все этажи, выслушав рассказ грустных девочек (вши, волосы в комлоте, камни в оконное стекло), увидели уныло свернутые ковровые дорожки, полуумрак и спустились в подвал. Здесь были душевые. Мокрицы смотрели на нас.

— Пройдемте, — предложила я, закатав штаны.

— Нет уж, — сказал он, посмотрев на воду.

Но я обошла все кабинки и после шла в мокрых туфлях дол...

Муза по утрянке была настроена, как всегда, по-боевому. Литсотрудник же, как всегда, пребывал в творческом столбняке. Как всегда, косяком шли читательские письма. За окном парили пресловутые объекты. Под окном стадно прогуливались, взявшись за руки, лесные и снежные люди. Пресса шагала в ногу с новыми веяниями.

— На поэтическом фронте без перемен? — хмыкнул утренним голосом освещавшийся лист.

— По-прежнему в ходу стихи-передвицы, — отрапортовала Муза. Телепатическим взором она вобрала в себя гору писем, мысленно разложила их по полочкам, настроила лиру и, бряцая по струнам, заголосила:

С дерева спадает красный лист.

Песню запевает коммунист.

Литсотрудник нахмурился:

— Эй, довольно политических виршей. Что новенькового в экономике?

Муза по-абалкински прищурилась и изрекла:

— Все больше о деньгах пописывают. Вечный дефицит — вечная тема.

— Захватывающие ракурсы есть?

— «Душа и деньги». — Муза прокашлялась и затянула:

*А дашь ей денег — помрет со скуки
Под грузом жалкого пятака.*

Литсотрудник хлопнул себя по лбу, намереваясь шлепнуть последнего в этом сезоне комара, но промахнулся. Голова загудела. Муза ударилась в слезы — уж очень жалостливой показалась ей песня: «Я наверно скажу с ума»:

Мне дед не оставил наследства.

Отец был беднее, чем он.

На свои я живу только средства.

Оттого мне противен

и так чужд миллион.

Рыдания душили чувствительного литсотрудника. Этакая приключилась с ним, понимаете ли, поэтическая асфиксия. Задыхаясь, он показал жестом — назад, мол, к классикам!

Муза угрюмо процитировала:

И Пушкину не поклоняться,

И Блока не боготворить.

Самим собою оставаться,

Чтоб стих самобытный творить!

— «Своебычный» тоже неплохо... Знаешь, Муза, почитай мне что-нибудь хорошее, а?

— «Случайно на ноже карманном...»

— Дальше! дальше! дальше!..

— Эпиграф из Александра Блока. А дальше — больше, больше, больше, и, наконец, развязка:

Чем же руководствующий все же?

Счастье — блеф, ну где ж его

возьмешь?

Почему же нас всегда тревожит

Шурка Блока портативный нож?

— Шурка, Шурка, где твоя улыбка? — раздумчиво сказал литсотрудник и запросил сильную дозу чего-нибудь философического. Муза пошарила по сусекам памяти и промелодекламировала:

*Когда тебя со мною нет,
Меня с тобою нету!*

Литсотрудник воспрял духом. Есть, есть в русских селениях нестандартно мыслящие любомудры!

Александр МАРКЕВИЧ

ИЗБИЕНИЕ

(записки литсотрудника, найденные в корзине для бумаг)

А между тем Муза выдала важную информацию:

*С каждой новой бутылкой вина
Начинается новый стакан.*

Литсотрудник чуть не лопнул от зависти: как же ему самому-то не приходила в голову мысль о столь очевидной диалектической взаимосвязи между содержимым (бутылки) и формой (стакана). Муза предупредила, как Минздрав:

*Любой загул кончается похмельем.
К тому же очень голова болит.*

Впечатлительный литсотрудник с трудом нащупал свою голову и, поняв, что она наотрез отказывается варить, прошептал:

— Душа моя, Муза, дай глоточек чистой лирики...

Тут дверь отворилась, и розовощекая письмоношка вручила литсотруднику телеграмму с пометкой «на «Конкурс одного стихотворения». Знаменитое одностороннее произведение В. Брюсова «О закрой свои бледные ноги» в подметки не годилось этому, «телеграммному»: РЕДАКЦИЯ МНЕ ПЛОХО ЧТО Я ЖЕНАТ ЦЕЛУЮ ВСЕХ.

— Сильная вещица, — сообщил литсотрудник 10 минут спустя. А Муза уже вовсю наяривала на лире нечто рок-н-роллистическое:

*Я не могу забыть
Ночной звонок тревожный.
Мелькнула мысль:
жена пришла домой.*

— Ой! — вздохнул литсотрудник.

За дверью тихий шорох осторожный. Открыв ее, я увидел конвой.

— Ой! — выдохнул литсотрудник, пошатнулся, но в кресле усидел. — Эй, — завопил он благим матом, — что ты там в сторонку откладывашь?!

— Это слишком интимно-личное, — потупив глазки, сказала Муза. Литсотрудник аж побагровел.

— В эпоху гласности запретных тем — нет!!

Муза обреченно застегнула 10 верхних пуговиц на сорочке и пролепетала:

*Руки ласкают нежное тело.
Она побледнела и хочет любви.*

— Ну и что здесь кое-где у нас порой из ряда вон? — возмутился он. — Очень даже мило — «Она побледнела и хочет любви...»

Но парень прошептал через силу: «Я не могу...»

(Далее неразборчиво. — Прим. ред.)

— Товарищ Муза, встань! Ты присутствовала при рождении (в муках) нового жанра — патологической лирики. Впрочем, почему бы и нет? Есть же в конце концов люди, которые...

— Десятки подобных текстов еще при жизни авторов просятся в антологию, — попыталась пошутить Муза, но — мимо денег.

— Нет, нам нужны здоровые, пышущие оптимизмом тексты, что строить и жить помогают! — изрек литсотрудник. — Муза, заряжай!

И Она забасила:

*Две мысли скакут в голове,
Как блохи в стареньком чулане:
Все хорошо у нас с тобой
И на словах, и на диване!*

— Про это я больше не желаю, читайте сами, — «напряглась» Муза, сделав отсутствующее лицо. Охочий — хлебом не корми! — до любовной лирики литсотрудник бросился читать...

*Влюблен в твои плечи покатые
И в белоснежную грудь твою,
На которой, соски
слегка темноватые*

И которые кровь
слегка волнуют мою.

«Слава Богу, что слегка...» — подумал литсотрудник, погружаясь в воспоминания. Покамест он погружался, Муза подложила ему под нос как бы библейский вариант происходящего:

*От потрясенья пошатнулась дева,
Прижал Адама к трепетным соскам.*

Литсотрудник перепугался за дальнейшую судьбу своего отдаленного родственника и мысленно пожелал ему выпутаться из объятий «потрясенной» с наименьшими потерями. Муза принялась ворчать наподобие карги:

— ... и каждый норовит «закрыть тему» проституции. Мужики строчат «Отповедь проституткам», а поэтески — «Исповедь...»

— Как? Зачем?! — ужаснулся он.

— Чтоб заклеймить! Мужики пишут по большей части таким макаром: И под глазами темные круги — Твоя зарплата

инвалидными рублями!

— Поделом ей! Ежели бы наши, родными брали — круги были бы светлыми! Ну, а что слабый пол?

Кто он? Не знаю. Кто-то из МИД. Господи! Господи! Только б не СПИД!

— Такая тема-проблема актуальная, а ты издевку наводишь, не одобряю! — осудил Музу литсотрудник. За непрофессионализм меня не судите. Своими стихами борьбу начинаю! — оправдалась Муза.

— В прозе боритесь! В прозе! — засорал вдруг литсотрудник. — Штыком и гранатой!..

И, словно заразившись от него внезапным помешательством, а скорее всего бешенством, Муза пошла в пляс, припеваючи:

Не смею никому
желать я тех мучений,
Испытаны что мной
при виде женских ног.

Я мру от сексуальных потрясений.
Бывало, что я просто жить не мог.

Литсотрудника, естественно, скоро постигло хватил кондратий, и он, литсотрудник, рухнул на пол. Не переставая плясать, Муза отвинтила его голову и проветрила посредством форточки. Под окном снежные бабы (в бикини) соревновались с инопланетянками (в чем мать родила) в соревнованиях на вселенский приз «Мисс Нематериальность». Из его головы посыпались обрывки строк: «...я лежу, рожаю, для чего — не знаю», «и в каждой деве — полный сока ствол», «дева телесная будет ласкать», «я в юности была зениной пушкой и ни один не пропускала самолет»... Муза вытащила из района мозжечка индивидуальное средство защиты от стихоплетства, прочистила засорившийся фильтр и вставила на место, как пробку. Голову привинтила.

— Что новенького пишут? — вяло спросил литсотрудник, потирая шею.

— По-прежнему в ходу стихи-передвицы, — отрапортовала на все готовая Муза.

— А что это ты за спиной прячешь? — поинтересовалася дотошный и неблагодарный тип.

— А это про меня лично. Не пойму, за что, но — под орех...

Литсотрудник изловчился и вырвал из ее рук листочек, успев зацепить взглядом лишь последнюю строфу:

И только Муза, попранная мною,
Безжалостно избитая, в крови,
Сбежала от меня дорогую другую,
Чтоб не рождать стихи
о пламенной любви!

Когда он поднял очи горе, Музы в комнате уже не было. Гора писем — и все.

— Муза, где ты?

Ответа не последовало. Обиделась? А может, ее похитили? Кто, кто же похитил Музу? Он схватил чистый лист и, не раздумывая, начертал:

До свидания, любимая моя,
До свидания,
прекрасный мой цветочек.
Ты пиши почтце, ну а я
Буду сочинять тебе стишочек.

Вложил в конверт и не забыл про адрес: НА ДЕРЕВНЮ ДЕВУШКЕ. МУЗЕ. ЦЕЛУЮ ВСЕХ!

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. В материале использованы фрагменты совершенно серьезных, без тени иронии текстов, присланных на «Конкурс одного стихотворения».

БОЛЬ НА МИРУ

«Пуще всех того люблю,
кому сейчас
плохо...»

Алина ЧАДАЕВА
Фото Альберта ЛЕХМУСА

...Конец века не подобен ли концу света, если матери не знают сострадания даже к первенцу своему, и главное, что руководят их посыпами и поступками,— предательство.

Письмо из 20-й больницы Ростова-на-Дону: «Мать оставила своего первого сына в роддоме из-за того, что у него врожденная расщелина губы и нёба. Во всех отношениях, кроме дефекта лица, здоров... Мы его оперировали, дефект устранили. Обратились вновь к родителям, но мать (инженер НИИ Агропромстрой.— А. Ч.) и бабушка категорически отказываются. ...Мальчика придется отдать в детский дом. Имя ему Руслан».

Письмо из Керчи: «Добрые люди! У нас в роддоме мать 24 лет оставила своего мальчика, так как он родился без левого глазного яблока. От нас этого мальчика перевезли в детскую боль-

ницу. Там все над ним плачут, а он смотрит своим одним глазком в потолок и ничего не знает».

Ребенок постепенно превращается в вещь удобную или неудобную в быту. Даже о единичном — стоило бы скрощаться о таком факте. Но ведь нет в нашей стране родильного или детского дома, где бы не было «отказников»...

Материнство было на Руси почти синонимом святыни. Разрушение отечественных святынь коснулось и этой. Изменился самый инстинкт материства, его нерассуждающая, немедленная жертвенность во имя спасения дитя от грозящей опасности.

Из решений районных народных судов Ростовской области о лишении родительских прав:

«Дорохина пьет, бросает своих детей и уходит к незнакомым мужчинам. Дети грязные, плохо одетые, ходят без присмотра и попрошайничают. Федоров часто избивает Дорохину в присутствии детей...»

«Ответница Каримова иск признала, пояснив, что... дочь воспитывать не желает. Ранее она отдавала дочь в детский дом, так как ребенок часто болел».(?)

«Четверо детей Красиковой нуждаются в изоляции от матери. В квартире грязь, ничем не вытравливаемый смрад, вседозволенность. Приходящие гости пьют спиртное, курят, бранятся...»

В прошлом году только в Ростовской области были лишены родительских прав двести два человека. В детских домах там числится более полутора тысяч воспитанников. Еще шестьсот — в домах ребёнка.

...Синий осенний день. Идут по сельской дороге дети.

— Спойте, какая у вас самая любимая песенка?

Грянули дружно:

«Хорошо тебе, Наташа,
тебя мама родила.
А меня родил папаша,
мама в городе была».

Интернатский фольклор. Сдача блудным родителям с их тридцати сребреников.

«Любящий неправду ненавидит свою душу», — утверждает мудрая книга «Псалтырь». Ненависть — СПИД души, смертельный для детей, а значит, и государства. Исцелить от него может только любовь. Бескорыстная, не признающая разделения людей на «своих» и «чужих». По ней все — близкие. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Эта благая мысль Нового завета всегда была основой русской НАРОДНОЙ педагогики. Была и слава Богу! — кое-где остается...

Я приглашаю лишенных родительских прав А. Федорова и С. Дорохину, Веру Каримову, Нелли Красикову, мужа и жену Кирдей — родителей брошенного Руслана, сбежавшего от дочерей Василия Слепухина, матерей Миши и Максима, отказавшихся от сыновей, которые родились с дефектом лица, — всех приглашаю взглянуть на их преображеных детей. Но не вздумайте приехать и порушить их счастливый покой. Довольствуйтесь «видом» сквозь стекло журнальных страниц.

Мне рассказывали: когда в семью Сорокиных приехал фотокорреспонтер и попытался объять объективом все шестнадцать детских душ, Сережа в панике приказал брату Володе: «Отверни лицо: узнают, опять будут нервы мотать». Сережа и Вову можно понять: за их мальчишескими плечами несколько лет домашнего ада и почти пять — казенной жизни в детском доме.

Человек, который стал настоящим отцом шестнадцати ребятишкам (из них четырнадцать отвергены родными), свое отчество тоже бедовал в детском доме на Кубани. «Это мои самые черные дни были», — вспоминает Михаил Васильевич. — Двойку получишь — без обеда оставят. Еще двойку — без ужина. По трое суток голодали. Пойдешь, с рогатки воробьев настреляешь, подожаришь...»

Через страдание — к состраданию: таков путь и смысл его пути. У Михаила Васильевича нет своей, отдельной от семьи жизни. На пятанке трехкомнатной квартиры с населением в двадцать — от мала до велика — дух он вводит в повседневность разумный ритм, не назойливо, но строго. И года еще нет, как появились у Сорокиных последние одиннадцать детей, а будто век тут живут вместе по издревле заведенному крестьянскому укладу большой семьи. Те, что постарше, помогают малышам; у каждого в доме свой участок работы — кому где убирать, кто за цветомузыку отвечает, кому идти в магазин...

«Максим у меня, — говорит отец, — самостоятельный мужик. Его надо выделить, поставить главным. Вот я его прошу: «Проследи, чтобы Миша вовремя лекарство принимал». И уж можно не беспокоиться за Мишу... К каждому по-своему подойти надо».

Это уже нюансы нормального роста. Ранним утром в спальной комнате птичий щебет: «Доброе утро, мама-папа!» Чмок, чмок, Сережа-старший — ломающимся тенорком. Рома с Надей — пол-алфавита не выговаривая. В школу — из школы: не могут, чтобы не обнять, не поцеловать папу-маму. Заботы, радости — им.

Естественно, призвание дерева — любить свои листья: поворачивать их встречь солнцу.

— Мамочка, я сегодня четверку получила, по-настоящему!

Мама Татьяна Васильевна и есть домашнее солнышко... И все больше похожими на мать становятся дети. Расцветают глаза добротой, все меньше истеричности в голосе, в жестах.

Разве такими были они, когда только-только переступили порог своего нового (наконец-то настоящего!) дома. Потчи у каждого — шрамы. Вдвойне страшные, ибо от родительских побоев. У всех без исключения скавшаяся от страха и бесконечного поругания душа. Трехлетняя Надюшка и сейчас еще кричит и плачет по ночам. Съеживается от протянувшейся к ней — даже для ласки — руки. «Когда Мишу из Дома ребенка забирали, — вспоминает Михаил Сорокин, — он такси увидел — орет, отбивается, вот до чего испугался. Он же никогда живой машины не видел. Букашку какую заметят — опять в крик, слезы. А разговаривали как? Только шепотом».

Сережка (ему сейчас десять, а он только впервые пришел в школу) сначала все бродил по магазинам, просил подаяние, потом стал бутылки собирать, сдавать — на пирожки, сироте, не на баловство какое-нибудь. Думал, придется жить, как раньше, у неработавшей матери своей Нелли Красиковой, где пять человек перебивались на восемьдесят рублей пособия четвертым ребятишкам. Не верил, что бывает иначе...

Старший из мальчиков, тоже Сергей, двенадцатилетний отрок, смотрю, не плачет вместе со всей оравой в веселый вечерний час под пестрое мигание цветомузыки.

— Ты что, сынок, не заболел? — тревожится Татьяна Васильевна.

— Я плясать буду, а ты в это время белье стирать, да?

Поздно вечером, когда утих детский гомон, взрослые собирались посидеть в тишине на кухне.

— Сережка не ложится, — шепотом сообщила Татьяна Васильевна. — Нашел мою старую сумку, сидит, ремонтирует. — И повернула к мужу, ко мне, ко всему свету счастливое лицо.

Есть в Евангелии от Иоанна благая мысль о нерасторжимом единстве Отца и Сына. «Не может Сын от себя творить ничего, если не видит Отца творящего: ибо что Он творит, то же и Сын творит. Отец бо любит Сына и все показует Ему, что сам творит». В словах этих заключена высшая модель отеческо-сыновних отношений: вершить земные деяния любовью, заповеданной родителем, пославшим дитя в мир. Не случайно в предшествующей главе рассказывается притча о том, как «некий царёв муж» пришел за Христом в Галилею и умолял Его исцелить умирающего сына, лежащего на одре болезни в селении Капернаум. Иисус попенял просителя, полагая, что он ждет от него чудес и знамений, а без них веры не имеет. Но не чуда воскрешения просил отец мальчика, а по вере своей молил об исцелении сына. «Иди, сын твой жив есть», — ответил Спаситель.

Вера в милосердную любовь — вот путь исцеления. По этому пути и идут Михаил и Татьяна Сорокины.

Из дневника Татьяны Васильевны: «...Начинаю готовить своих ребят к операции. Осталось самое тяжелое для них — зашить расщелину во рту».

Зашить расщелину предстояло сначала Максиму, потом Мише, многострадальным малышам, уже выдержавшим по несколько хирургических вмешательств.

«24 ноября 1988 года. Максим ушел в операционную веселенький в 11 дня, а привезли его в половине четвертого, всего окровавленного. Тяжело отходил от наркоза, сильно кашлял сгустками крови, все простыни и полотенца были в крови. Саша (старшая приемная дочь Сорокиных, — А. Ч.) помогала мне его держать. Ничего не говорит, только стонет. Я присидела у него в ногах всю ночь. Саша спала на соседней койке. В пять вечера я уехала, мне сегодня работать в ночь. Вот и пишу на работе. Утром — в больницу».

«25 ноября. Была у Максима. Ничего не говорит. Только глазами показывает «да» и «нет». Но уже не плачет. Лежит молча, и одни глазища жалобно смотрят...» Всякая истинная мать знает: лучше болеть самой, чем корчиться от душевной боли возле страдающего ребенка. Тяжкий этот крест несла и Татьяна Васильевна: ее сын Вася от рождения немощен и — еле ходящий — год от года теряет зрение. Ей ли не знать, что единственным материнским участием только и жив будет поверженный в муках маленький человек. Потому и взяли они с Михаилом Васильевичем Мишу с Максимом, которым предстояло пережить в общей сложности десять операций. Миша, потерявшему много крови во время одной из операций, Татьяна Васильевна отдала свою. Не случайно, наверное, группы их крови оказались одинаковыми. А теперь тетешкают и крошечного — года нет еще — Руслана, «Рустика», как нежно зовет его вся ватага сорокинских детей. Рутик — всеобщий любимец: и самый ма-

ленький, и сколько мук ему предстоит: операции по заживанию нёба возможны только с пяти лет.

...Он всегда был в Татьяне Сорокиной — дар любви к детям, жар жалости к обездоленным. Это чувство, видимо, счастливая особенность ее рода. При нас в поселок Рассвет приехала родная сестра Татьяны Васильевны Вера Болдырева. У нее в станице Мелиховской тоже сборная большая семья. Четверо ребят, ею рожденных, пятого носит под сердцем, еще пятерых взяли из детских домов...

— Пуще всех того люблю, кому сейчас плохо. — Даже интонации у сестер Татьяны и Веры одинаковые.

Много добрых людей вокруг семьи Сорокиных. Да и не состояться бы ей в такой многочисленности, если бы не попечительство Ростовского отделения Советского детского фонда — неустанные, касающиеся всех сфер жизни семейного детского дома. Фонд взял на себя все расходы на содержание приемных ребят. Поэтому и трудовая книжка Татьяны Васильевны перекочевала из НПО «Дон», где она работала инженером, в руки: теперь ее главная профессия — мать-воспитатель.

Елена Константиновна Елисеева, инспектор облуно, и Маргарита Владимировна Толкачева, референт Ростовского отделения детского фонда, попросту говоря, повивальные бабки семейных детских домов в области. «Милосердие никогда не умирало на русской земле, даже в самые «глухонемые» годы». — У Маргариты Владимировны есть основания так считать. Сердобольные люди переводят сбережения на счет 707, даже графически похожий на сигнал бедствия SOS. В списке пожертвовав-

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Окончание. Начало на 14-й стр.

бороться не против причин, а против следствий, против шума на Западе вокруг моего письма. Вы хотите, чтобы я написал опровержение — а чего именно? Не могу я вообще выступать по поводу ненапечатанного письма. А главное: в письме моем есть общая и частная часть. Должен ли я отказаться от общей части? Так я и сейчас все также думаю и ни от одного слова не отказываюсь. Ведь это письмо — о чем?

ГОЛОСА. О цензуре.

СОЛЖЕНИЦЫН. Ничего вы тогда не поняли, если — о цензуре. Это письмо — о судьбах нашей великой литературы, которая когда-то покорила и увлекла мир, а сейчас утратила свое положение. Говорят нам с Запада: умер роман, а мы руками машем и доклады делаем, что нет, не умер. А нужно не доклады делать, а романы опубликовывать — такие, чтобы там глаза зажмурить, как от яркого света, притихнет тогда «новый роман», и окostenеют « neo-авангардисты ». От общей части своего письма я не собираюсь отказываться. Должен ли я, стало быть, заявить, что несправедливы и ложны восемь пунктов частной части моего письма? Так они все справедливы. Должен ли я сказать, что часть пунктов тоже устранена, исправляется? Так ни один не устранен, не исправлен. Что же мне можно заявить? Нет, это вы расчистите мне сперва хоть малую дорогу для такого заявления: опубликуйте, во-первых, мое письмо, затем — коммюнике Союза по поводу письма, затем укажите, что из восьми пунктов исправляется — вот тогда и я смогу выступить, охотно. Мое сегодняшнее заявление о «Пире победителей», если хотите, тогда печатайте тоже, хотя я не понимаю ни обсуждения украденных писем, ни опровержения ненапечатанных писем.

12 июня здесь, в Секретариате, мне заявили, что коммюнике будет напечатано без всяких условий, а сегодня уже ставят условия. Что изменилось? Защищается моя книга «Иван Денисович». Продолжается и вспыхивает все новая против меня клевета. Опровергать ее можно вам, но не мне. Только то меня утешает, что ни от какой клеветы я инфаркта не получу никогда, потому что закалили меня в сталинских лагерях.

ФЕДИН. Нет, очередность не та. Первым публичным выступлением должно быть ваше. <...>

ТВАРДОВСКИЙ. А само письмо будет при этом опубликовано?

ФЕДИН. Нет, письмо надо было публиковать тогда, вовремя. Теперь нас заграница обогнала, зачем же теперь?

СОЛЖЕНИЦЫН. Лучше поздно, чем никогда. Из моих восьми пунктов ничего не изменился?

ФЕДИН. Это потом уже посмотрим.

СОЛЖЕНИЦЫН. Ну, я уже ответил, и все, надеюсь, застенографировано точно.

СУРКОВ. Вы должны сказать, отмежеваетесь ли вы от той роли лидера политической оппозиции в нашей стране, которую вам приписывают на Западе?

СОЛЖЕНИЦЫН. Алексей Александрович, ну, уши вянут такое слышать — и от вас: художник слова — и лидер политической оппозиции! Как это вяжется?

НЕСКОЛЬКО КОРОТКИХ ВЫСТАНОВЛЕНИЙ, настаивающих, чтобы Солженицын принял сказанное Фединым.

ГОЛОСА. Он подумает...

СОЛЖЕНИЦЫН еще раз говорит, что такое выступление ему первому невозможно, отечественный читатель так и не будет знать, о чем речь.

Продолжавшиеся более пяти часов заседание на этом закончилось. Весь могущественный секретариат показал свое агрессивное бессилие в поединке с одним художником. Но, может быть, хотя бы после были сделаны из этого выводы? Да, весьма скоро и весьма своеобразные: спустя две недели, выступая в ленинградском Доме прессы, тогдашний главный редактор «Правды» М. В. Зимин сказал буквально следующее:

«Сейчас большое место в пропаганде капиталистических государств занимает Солженицын. Это психически ненормальный человек, шизофреник. Он был в плену, а затем, за дело или без дела, был репрессирован. Свою обиду на власть он высказывает в своих произведениях. Лагерная тема — единственная в его творчестве, и он не может выйти за ее пределы. Она, эта тема, его навязчивая идея. Произведения Солженицына направлены против советского строя. Он выискивает в нем только язвы и раковые опухоли. Ничего положительного в нашем обществе он не замечает.

Мне по роду службы приходится читать и неопубликованные произведения, и я читал пьесу Солженицына «Пир победителей». В пьесе речь идет о репрессиях, которые обрушились на вернувшихся с фронта. Это самое настоящее антисоветское произведение. За такие в прежние времена сажали.

Понятно, что мы не можем его печатать. Требование Солженицына о том, чтобы его произведения печатались, удовлетворено быть не может. Будет писать произведения, отвечающие интересам нашего общества, — будет его и печатать. Куска хлеба его никто не лишает. Солженицын — преподаватель физики, вот и пусть себе преподает». <...>

Без сожалений, право, опускаем мы дальнейший текст произведения этого неведомого жанра. Ведь в тех же днях чистые, честные руки писали то, что читалось тогда тайком — с восхищением и гордостью: не убита, жива и литература наша и совесть страны.

«Мы знакомы сорок восемь лет, Костя, — так начинает В. А. Каверин письмо Федину. — В молодости мы были друзьями. Мы вправе судить друг друга. Это больше, чем право, это — долг». Заканчивается письмо словами, которые по праву украшают лучшие страницы отечественной публистики: «Возможно, что в руководстве Союза писателей найдутся люди, которые думают, что они накажут писателя, отдав его зарубежной литературе. Они накажут его мировой славой, которой наши противники воспользуются для политических целей. Или они надеются, что Солженицын «исправится» и станет писать по-другому? Это смешно по отношению к художнику, который представляет собой редкий пример, который настоятельно напоминает нам, что мы работаем в литературе Чехова и Толстого. <...> Ты берешь на себя ответственность, не сознавая, по-видимому, всей ее огромности и значения. Писатель, накидывающий петлю на шею другого писателя, — фигура, которая останется в истории литературы, независимо от того, что написал первый, и в полной зависимости от того, что написал второй. <...> Ты понимаешь, без сомнения, как трудно было мне написать тебе это письмо. Но промолчать я не имею права».

Права промолчать не имела и сама гонимая Лидия Чуковская в ответ на скверно обдуманную, но широко организованную газетную травлю Солженицына. За малость места — всего несколько абзацев из письма ее главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому:

«Ставьте под название «Идейная борьба. Ответственность писателя», помещенную в «ЛГ» 26 июня с.г., я несколько раз брала в руки — и снова откладывала, не преодолев затруднений. Речь идет о борьбе идей, а идеи-то и не ухватишь; не борьба, а скольжение по накатанной дорожке; не идеи, а вереницы слов. Если преданность, то беззаботная, если верность, то безгранична, если волна клеветы, то мутная, если отпор, то достойный. Воображения не хватает, чтобы за этим набором готовых штампов увидеть преданность, верность или обжечься ядом клеветы. Если встречи, то регулярные, если клеветническая кампания, то разнужданная, если отставание, то последовательное, а если речь зашла о литераторах, то они, эти литераторы, уж конечно, «отдельные». Не работа мысли, а механическая перестановка значков.

И я сдалась бы на свое нежелание дочитывать статью до конца... Но дочитала: в середине речь зашла о Солженицыне. Все эти пустые словеса вели, оказывается, к обсуждению его работы и жизни». <...>

У автора, равно и у читателя, просим прощения за вынужденное «выдергивание» строк из монолитного и, прямо говоря, несокращаемого текста письма. Одна только надежда на скорую полную его публикацию могла бы отчасти служить здесь извинением. Но продолжим:

«В 1964 г. на роман «В круге первом» с автором заключил договор журнал «Новый мир». Сегодня, 1968 г., «ЛГ» сообщает, что роман — это «злостная клевета на наш общественный строй». Что же переменилось? Роман? Нет. Стой? Тоже нет. Наша прошлого? Оно неизменяется. Изменилась погода. Данная беззвучная команда: окутать прошлое туманом. Не рассыпав этой команды, читатель не поймет, почему не напечатаны до сих пор ни «Раковый корпус», ни «В круге первом». <...>

«В идеальном отношении, — глубоко мысленно заявляет «ЛГ», — повесть «Раковый корпус»... А. Н.), как отмечалось на Секретариате, нуждалась в существенной переработке». И это в статье — единственная характеристика повести! Искусство бюрократического письма в том и состоит, чтобы осудить чью-то мысль (или книгу), не дав читателю ни малейшего представления о ней. <...> На роман «В круге первом» вы истратили 6 слов: «содержит злостную клевету на наш общественный строй» — а в романе 35 печатных листов, а в романе десятки героя, а действие охватывает самые разные слои нашего общества, разные его этажи, а сумма идей такова, что их хватило бы на 10 романов; где же именно скрывается злостная клевета? Из чего она складывается? В чем состоит? Почему бы вам не вытащить ее наружу и не опровергнуть? <...> У «ЛГ» своя забота: Солженицын должен отмежеваться от шумихи, поднятой вокруг его имени на Западе. Вот тогда-то он сделается, наконец, идеальным писателем и может надеяться быть удостоенным упоминания рядом с самой Галиной Серебряковой. (А не отмежуемся — пусть пеняет на себя.) Главное, от чего ему следует отмежеваться, — это от шумихи, поднятой на Западе вокруг письма съезду. <...> Письмо Солженицына кончается так: «Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполнил при всех обстоятельствах, а из могилы еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть». И такого человека «ЛГ» вздумала обучать ответственности!..

Ну, разве не смешно?

27.6—4.7. 1968 г. Лидия Чуковская

Нет, не смешно, добрая, уважаемая Лидия Корнеевна! Скорее — страшно. Страшно, когда подумаешь о людях, которым адресованы и которые получают такие письма. Неужели на все случаи верна поговорка о божьей росе?.. А впрочем, вы правы: смешного-то в их жизни-службе пожалуй что и не меньше, чем страшного, — слышится, что и ко всяческому попривыкнуть, только диву даешься. Как иначе разумом охватишь такое, например?

«... что кто-то наверху, чуть ли не сам (Брежнев), не то чтобы прямо указал печатать «Раковый корпус», нет, наверняка не так (признаки были бы иные), но обронил фразу в том смысле, что надо ли запрещать? И, где-то в воздухе опущенная, но не до пола, никем не записанная, эта фраза была тут же однако подхвачена и по людским рукам, по плечам, по ушам поползла, поползла, и онемел от нее аппарат Дёмичева и все литературные марионетки, а какие поживы и поприспособленней, вроде Воронкова, кинулись перед нею и хвостом промсти. <...> Были мы на пороге нового цензурного чуда? Тем и дивен бюрократический мир, что на краткое время внутри себя он может отменить все физические законы — и тяжелые предметы вознесутся вверх, и электроны устремятся на катод. <...>

О сила безликого мнения! Развивая свою твердость (заложенную, впрочем, и в фамилии его, и быть бы ему таким всю жизнь!), не погнувшись Твардовский пойти сам и в типографию «Известий» и там дал понять начальнику, что с «Корпусом» — не самоуправство, а есть такое мнение, и надо поторопиться. И партийный начальник, не представляя же дерзкого самоуправства в другом партийном начальнике, так поторопился, что хоть и не в несколькоочных часах, как набрался «Иван Денисович», но исходу следующего дня принесли в редакцию пачку гранок, и я, еще не успевши унынуть в берлогу, тут же провел и корректуру. <...>

Совершился акт «набора», за рассыпку которого еще долго будет попрекать западная пресса наших верховых злодырей, — совершился от наплыva слабости в ЦК и от прилива твердости у издателя. Мне продлило это деньги почти на два года жизни, важных два года. Но очень скоро в ЦК очнулись, подправились <...> — и засохло все на корню. <...>

А мне и легче — опять стелился путь неизведанный, но прямой, ощущаемый верный. Не отвекало меня сожаление, что печатанье не состоялось.

И пошли, побежали дни дальше: на верхах — с заседаниями, голосованиями, мнениями, у Солженицына — в трудах.

«А в Рождество — нежная зелень, первые соловьи, перед утрами туман от Истбы. От рассвета до темени правится и печатается «Архипелаг», я еле управляюсь подавать листы, а тут еще машинка каждый день портится, то сам ее паяю, то вожу на починку. Самый страшный момент: с нами — единственный подлинник, с нами — все отпечатки «Архипелага». Нагрянь сейчас ГБ — и слитный стон, предсмертный шепот миллионов, все невысказанные завещания погибших — все в их руках, этого мне уже не восстановить, голова не сработает больше».

И наступил уже час, от глаз злых долго хранимый, когда «... «Архипелаг» закончен, отснят, пленка свернута в капсию — и в этот самый день, 2 июля, такая новость:

Вышел на западе «Круг первый!» <...> Что будет через несколько дней — уже тюрьма или счастливая работа над романом? <...> А как не хочется на Лубянку! Тем, кто это знает... Вообще я стою крепко, мне многое спускается. Но «Архипелаг» — не спустят! Поймав его на выходе, еще неизвестного никому, — удушат вместе его и меня».

Готовый к ударам, в работе без промаха, ждет он только одного — когда будет «брошено все, что годами меня огружало, нарастая на движущемся клубке, и расплыхается простор в главную вещь моей жизни — «Р-17». <...> Вот-вот к осенним месяцам, на главных языках мира должны были появиться два моих романа. После улюлюканья вокруг Пастернака, после суда над Синявским и Даниэлем — казалось, я должен был съежиться и зажмуриться в ожидании двойного удара за мой наглый дубль. Но нет, другое наступило время — уже так обуздывали, уж так зарешечивали, — а оно текло все свободней и шире! И все пути и ходы моих писем и книг как будто были не моей человеческой головой придуманы и, уж, конечно, не моим щитом осенены...

Счастливей того лета придумать было бы нельзя — с такой легкой душой так быстро доделывал я роман. Счастливей бы не было, если бы — не Чехословакия... <...> Эти дни — 21, 22 августа, были для меня ключевые. Нет, не будем прятаться за фатум: главные направления своей жизни все-таки выбираем мы сами. Свою судьбу я снова сам выбирал в эти дни. <...> Бумага сложилась сразу. Подошли горели — бежать, ехать. И уже машину я заводил (ручкой). <...>

Зарычал мотор — а я не поехал. <...>

Нет, такие взлеты отчаяния — я понимаю, я разделяю. В такой момент — я способен крикнуть! Но вот что: глав-

ный ли это крик? Крикнуть сейчас и на том сорваться, значит: такого ужаса не видел за всю свою жизнь. А я — видел и знаю много хуже, ведь «Архипелаг» из этого, о том же я не кричу? Все пятьдесят лет из этого — а мы молчим? Крикнуть сейчас — это отречься от отечественной истории, помочь приукрасить ее. Надо горло поберечь для главного крика. Уже недолго осталось. Вот начнут переводить «Архипелаг» на английский язык...

Оправдание трусости? Или разумные доводы?

Я — смолчал. С этого мига — добавочный груз на моих плечах. О Венгрии — я был никто, чтобы крикнуть. О Чехословакии — смолчал. Тем постыдней, что за Чехословакию была у меня и особая личная ответственность: все признают, что у них началось с писательского съезда, а он — с моего письма, прочтенного Когоутом.

И только одним сниму я с себя это пятно: если когда-нибудь опять же с меня начнется у нас в отечестве. <...>

Была третья годовщина захвата моего архива госбезопасностью. Два моих романа шли по Европе — и, кажется, имели успех. Прорвало железный занавес! А я бродил себе по осеннему приистинскому лесу — без конвоя и без кандалов. Не спроворилась чертова пасть откусить мне голову вовремя. Подранок залечился и утвердил на ногах.

Не слазить бы!

«После бурной весны 68-го года — что-то слишком оставили меня в покое, так долго не трогали, не нападали. <...> На досуге и без помех я раскачивался, скорость набирал на «Р-17» и даже в Историческом музее, в двух шагах от Кремля, работал — дали официальное разрешение. <...> И по стране поездил — никаких помех. Так долго тихо, что даже задыхаешься. Правда, летом получил я агентурные сведения (у меня сочувствующих — не меньше, чем у них платных агентов), что готовится мое исключение из СП — но замялось как-то, телеграмма странная была: «отложить заседание до конца октября», далекий расчет! Настолько Рязанское отделение СП само ничего не знало — что за неделю до исключения выдавало мне справки на жизнь. Разрешительный ключ был: что в четвертый четверг октября объявили Нобелевскую премию по литературе — и не мне! Одного этого и боялись. А теперь развязаны руки. <...>

И ведь так сложилось — целый 69-й год меня в Рязани не было, а тут я как раз приехал: склонотный месяцок дома поработать... <...> И хорошо пошло! так хорошо: в ночь под 4-е ноября проснулся, а мысли сами текут, скорей записывай, утром их не поймаешь. С утра навалился работать — с наслаждением, и чувствую: получается!! Наконец-то — ведь 33 года замыслу, треть столетия — и вот лишь когда... <...> В 11 часов — звонок, прибежала секретарша из СП, очень поспешная, глаза как-то прятят и суетливо сует мне отпечатанную бумажку, что сегодня в 3 часа дня совещание об идейном воспитании писателей».

Пощадим читателя: не станем давать ни стенограммы, ни изложения исторического этого заседания — смеяться только да жилья тянут, тем более, что один из выступавших сказал все и так, как требовалось: «Скажу честно и откровенно, что все его последнее творчество (правда, мы его не знаем, не читали, нас на обсуждение не приглашали) идет вразрез с тем, что пишем мы, остальные». Слово свое — и тоже умное — сказать не упустил и представитель Рязанского обкома по фамилии Кожевников: «Я думаю, что правильно здесь говорили ваши бывшие товарищи по Союзу — мы не можем мириться! Мы должны идти все в ногу, спарено, стройно, все заодно!..» И проголосовали, конечно. И конечно — единогласно.

На другой же день (а говорят — волкитчики!) так же единогласно, только и вовсе без Солженицына, секретариат правления Союза писателей РСФСР

утвердил решение Рязанской писательской организации. И тут последовал ответ — во весь голос.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЕКРЕТАРИАТУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Бесстыдно попирая свой собственный устав, вы исключили меня заочно, пожарным порядком, даже не послав мне вызывной телеграммы, даже не дав нужных четырех часов — добраться из Рязани и присутствовать. Вы откровенно показали, что решение предшествовало «обсуждению». Опасались ли вы, что придется и мне выделить десять минут?

Я вынужден заменить их этим письмом.

Протрите циферблать! — ваши часы отстали от века. Откиньте дорогие тяжелые занавеси! — вы даже не подозреваете, что на дворе уже рассветает. Это — не то глухое, мрачное, безысходное время, когда вот так же угодливо вы исключали Ахматову. И даже не то робкое, забкое, когда с завываниями исключали Пастернака. Вам мало того позора? Вы хотите его сгубить? Но близок час: каждый из вас будет искать, как высекести свою подпись под сегодняшней резолюцией.

Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжело большому обществу вы неспособны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть-бдительность, а только «держать и не пуштуть!» <...>

«Враги услышат» — вот ваша отговорка, вечные и постоянные «враги» — удобная основа ваших должностей и вашего существования. Как будто не было врагов, когда обещалась немедленная открытость. Да что бы делали без «врагов»? Да вы б и жить уже не могли без «врагов», вашей бесплодной атмосферой стала ненависть, ненависть, не уступающая расовой. Но так теряется ощущение цельного и единого человечества — и ускользает его гибель. Да растопились завтра только льды одной Антарктики — и все мы превратимся в тонущее человечество — и кому вы тогда будете тыкать в нос «классовую борьбу»? Уж не говорю — когда остатки двуногих будут бродить по радиоактивной Земле и умирать.

Все-таки вспомнить пора, что первое, кому мы принадлежим, — это человечество. А человечество отделилось от животного мира — мыслью и речью. И они естественно должны быть свободными. А если их сковать — мы возвращаемся в животных.

Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтобы они гнили там.

А. Солженицын

12 ноября 1969.

...поспал — и как сразу спокойно на душе. Хотя в тот день гнали за мной по московским улицам двое нюкунов-топтунов, — мне казалось: за город, в благословенный приют, предложенный мне Ростроповичем. <...> Не помню, кто мне в жизни сделал больший подарок, чем Ростропович этим приютом. <...> Что бы я делал сейчас в рязанском капкане? где бы скитался в спретом гроте Москвы? Надолго бы еще хватило моей твердости? <...> В ту осень он охранял меня так, чтоб я не знал, что земля разверзается, что градовая туча поплзет. Уже был приказ посыпать наряд милиции — меня выселять, а я не знал ничего, спокойно погуливав по аллейкам».

А между тем — невидимая — плела политика.

«Дёмичев, в задушевных беседах, какие бывали у него то с одним, то с другим писателем, стал проговариваться:

— Вот мы вышлем Солженицына за границу, к его хозяевам, увидит он ка-

питалистический рай — сам к нам на брохе приплзет».

«На разных закрытых семинарах в полный голос объявляли: «Пусть Солженицын убирается за границу!» <...> Но публично не высказывалось более ничего. Осенний кризис мой как будто миновал, затягивался. <...> И постепенно создалось у меня внешнее и внутреннее равновесие, гнал я свой «Август». <...> Именно в эти месяцы, конца первой редакции и начала второй, определялся успех или неуспех всей формы моего «Р-17», а так потребна была удача! так нужен был систематический объемный рассказ именно о революции: ведь замотают ее скоро свои и чужие, что не доищешься правды».

Сейчас нам легко расчислить: сидеть бы ему в тиши благословленного приюта и писать главную книгу, к которой шел десятилетия и которую полвека уже, — о ней не ведая, — ждало не одно поколение, да по-иному расчислила жизнь: случай с Жоресом Медведевым сорвал и к другой кинул работе.

«Стыдно быть историческим романистом, когда душат людей на твоих глазах. Хорош бы я был автор «Архипелага», если б о продолжении его сегодняшнем — молчал дипломатично. Посадка Ж. Медведева в психушку для нашей интеллигенции была даже опаснее и принципиальнее чешских событий — это была удавка на самом нашем горле. Я решил — писать». <...>

Этого письма не могли мне простить. И насколько есть достоверные сведения, в тех же июньских днях решили высыпать меня за границу. Подготовили ведущие соцреалисты (кажется, в апостольском числе двенадцать) ходатайство к правительству об изгнании мерзавца Солженицына за рубеж на нашу святую родину... <...>

Но опять же — не сработала машина, где-то защелка не взяла. Я думаю так: слишком явна и близка была связь с жоресовской историей, неудобно было за это выгонять, отложили на месяца два-три, ведь провинюсь еще в чем-нибудь...»

И — провинился!

«Для меня 70-й год был последний год, когда Нобелевская премия еще нужна мне была, еще могла мне помочь. Дальше уже — я начал бы битву без нее.

А премия — свалилась, как снегом веселым на голову! Пришла, как в том анекдоте с Хемингуэем: от романа отвлекла, как раз две недельки мне и не хватало для окончания «Августа!.. <...> Пришла! — и в том удача, что пришла, по сути, рано: я получил ее, почти не показав миру своего написанного, лишь «Ивана Денисовича», «Корпус» да облегченный «Круг», все остальное — удержав в запасе. Теперь с этой высоты я мог накатывать шарами книги за книги, утягенные гравитацией: три тома «Архипелага», «Круг»-96, «Декабристы без декабря», «Знают истину танки», лагерную позму...»

Кому снегом веселым, а кому и попerek горла стала Нобелевская премия русскому писателю. Нашим верхам — понятно, но, стараясь смягчить удар, засолила дипломатия и там, будто не ведая, сколько уж раз тонкие их дипломатические ходы оборачивались нам медвежьей услугой. А все-таки предложили:

«...не хочу ли я избежать шумихи вокруг моего приезда в Стокгольм? В частности Академия и Фонд опасаются демонстраций против меня мaoистски настроенных студентов — так поэтому не откажусь ли я от Гранд-Отели, где все лауреаты останавливаются, а они спрячут меня на тихой квартире?»

Вот это — так! Для того я к премии шагал с лагерного развода, чтобы в Стокгольме прятаться на тихой квартире, от пощенных сопляков уезжать в автомобиль с детективами!

Блестящее, кривотолков не допускающее письмо Главному Идеологу — Суслову — осталось, как и следовало ожидать, без ответа. Но в работу пузыни на была испытана, хотя и давно заряженная, машина.

«Снова на инструктажах: «Ведь была ему дана возможность уехать — не уехал! остался вредить здесь! Все делает как хуже советской власти!» Но газетная кампания против меня в этот раз (как всегда, когда проявишь силу) не сложилась. Прорвалась статья в «Правде», что я «внутренний эмигрант» (после отказа эмигрировать!), «чуждый и враждебный всей жизни народа», «скатился в грязную яму», романы мои — «пасквили». <...> Еще в генеральской прессе («Коммунист Вооруженных Сил», 1971, № 2 — А. Н.) разъясняли армейским политрукам, что «Нобелевская премия есть кайона печать за предательство своего народа». Еще на инструктажах, как по дёргу вдеревочки: «Он между прочим не Солженицын, а Солженицер...» Еще в «Литгазете» какой-то беглый американский эстрадный певец учил меня русскому патриотизму...»

Да только разве удары это? — задубелому зеку — щекотка. Об ином думать, другое решать выходило в те дни:

«Главный-то грех ныл во мне — «Архипелаг». В конце 69-го года я отодвинул его печатанье до Рождества 71-го. Но вот оно и пришло, и прошло — а у меня отодвинуто снова. Для чего же спешил с таким страхом и риском? Уже Нобелевская премия у меня — а я отодвигаю? Какие бы объяснения я ни подстапил, но для тех, кто в лагерные могильники свален, как мороженые бревна, с дрог по четыре, мои резоны — совсем не резоны. Что было в 1918-м, и в 1930-м, и в 1945-м — неужели в 1971-м еще не время говорить? Их смерть хоть рассказом окупить — неужели не время?..

Если бы я поехал — уже сейчас бы сидел над корректурой «Архипелага». Уже весной бы 71-го напечатал его. А теперь измысливаю оправдание, как отодвинуть, отсрочить неотклонимую чашу.

Нет, не оправдание! — но для строгости лучше признать так. Не оправдание, потому что не я один, но и многие из 227 зеков, дававших показания для моей книги, могут жестоко пострадать при ее опубликовании. И для них — хорошо бы она вышла попозже. А для тех, похороненных — нет! скорей!..

И как чуяли — будет срок! А пока — бить тайно, чтоб хоть рикошетом достать. Летом 71-го произошло то, о чем это

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР АНДРОПОВУ

Многие годы я молча сносил беззакония Ваших сотрудников: перлюстрацию всей моей переписки, изъятие половины ее, розыск моих корреспондентов, служебные и административные преследования их, шпионство вокруг моего дома, слежку за посетителями, подслушивание телефонных разговоров, сверление потолков, установку звукозаписывающей аппаратуры в городской квартире и на садовом участке и настойчивую клеветническую кампанию против меня с лекторских трибун, когда они представляются сотрудникам Вашего министерства.

Но после вчерашнего налета я больше молчать не буду. Мой садовый домик (село Рождество, Наро-Фоминский район) пустовал, обо мне был расчет у подслушивателей, что я в отъезде. Я же, по внезапной болезни вернувшись в Москву, попросил моего друга Александра Горлова съездить на садовый участок за автомобильной деталью. Но замка на домике не оказалось, а изнутри доносились голоса. Горлов вступил внутрь и потребовал от налетчиков документы. В маленьком строении, где еле повернулся трехчетверты, оказалось их до десятка, в штатском. По команде старшего: «В лес его! И заставьте молчать!» — Горлова скрутили, свалили, лицом о землю поволокли в лес и стали жестоко избивать. Другие тем временем поспешно бежали кружным путем, через кусты, унося к своим автомобилям свертки, бумаги, предметы (может быть — и часть своей привезенной аппаратуры). Однако Гор-

лов энергично сопротивлялся и кричал, созывая свидетелей. На его крик сбежались соседи с других участков, преградили налетчикам путь к шоссе и потребовали документы. Тогда один из налетчиков предъявил красную книжечку удостоверения, и соседи расступились. Горлова же с изуродованным лицом, изорванным костюмом повели к машине. «Хороши же ваши методы!» — сказал он сопровождающим. «Мы — на операции, а на операции нам все позволено».

По предъявленному соседям документу — капитан, а по личному заявлению — Иванов сперва повез Горлова в наркоминскую милицию, где местные чины почтительно приветствовали «Иванова». Там «Иванов» потребовал с Горлова же (!!) объяснительную записку о происшедшем. Хотя и сильно избитый, Горлов изложил письменно цель своего приезда и все обстоятельства. После этого старший налетчик потребовал с Горлова подпись о неразглашении. Горлов наотрез отказался. Тогда поехали в Москву, и в пути старший налетчик винил Горлову в следующих буквальных фразах: «Если только Солженицын узнает, что произошло на даче, считайте, что ваше дело конченое. Ваша служебная карьера (Горлов — кандидат технических наук, представил к защите докторскую диссертацию, работает в институте Гипротех Госстроя ССР) дальше не пойдет, никакой диссертации вам не защитить. Это отразится на вашей семье, на детях, а если понадобится — мы вас **посадим**».

Знающие нашу жизнь знают полную осуществимость этих угроз. Но Горлов не уступил им, подпись дать отказался, и теперь над ним нависает расправа.

Я требую от Вас, гражданин министр, публичного поименования всех налетчиков, уголовного наказания их и публичного же объяснения этого события. В противном случае мне остается считать их направителем — Вас.

А. Солженицын

13 августа 1971 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
А. Н. КОСЫГИНУ

Препровождаю Вам копию моего письма министру госбезопасности. За все перечисленные беззакония я считаю его ответственным лично. Если

правительство ССР не разделяет этих действий министра Андропова, я жду расследования.

А. Солженицын
13 августа 1971 г.

Ответ? Новая волна газетной травли. «Читатели» — как по команде — спали в редакции гневные «отклики на отзывы»: «не читал, но считаю...» Эта волна была уже похожа на девятый вал.

«Чаковский на «планерке» в своей редакции при 30 человеках открыто, многозначительно заявил: «**Будем высыпал!**»

Но другая поджидала беда — пострашней... Грязнула весть из Ленинграда.

Старая женщина Елизавета Денисовна Воронянская хранила — вопреки воле автора сжечь! — машинописный экземпляр «Архипелага». После пяти суток допросов она вернулась домой и, как рассказывают соседи, мечась по квартире, выкрикивала: «Я — Иуда, сколькох невинных людей я предала! Спустя несколько дней ее нашли повешенной. При невыясненных обстоятельствах...

«Так судьба повесила еще и этот туп перед обложкой страдательной книги, объявшей таких миллионы».

Теперь, только теперь оставалось одно, долгие годы сдерживаемое решение — печатать. Печатать и предварить издание словами:

«Со стеснением в сердце я годами воздерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед еще живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность все равно взяла эту книгу, мне ничего не остается, как немедленно публиковать ее».

ПРОРЫВ НЕМОТЫ

Я полагаю, что выход в свет в 1973 г. новой книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» — событие огромное. По неизмеримости последствий его можно составить только с событием 1953 года — смертью Сталина.

В наших газетах Солженицына объявили предателем.

Он в самом деле предал — не родину, разумеется, за которую он честно сражался, и не народ, которому принес честь своим творчеством и своею жизнью, а Государственное Управление Лагерей — ГУЛАГ — предал гласности историю гибели миллионов, рассказал с конкретными фактами, свиде-

тельствами и биографиями в руках историю, которую обязан знать наизусть каждый, но которую власть по непостижимым причинам из всех сил пытается предать забвению.

Кто же предательствует?

XX съезд партии приоткрыл над штабелями трупов окровавленный край рогожи. Уже одно это спасло в пятидесяти годы от гибели миллионы живых, полумертвых и тех, в ком теплилась жизнь еще на один вздох. Хвала XX съезду. XXII вынес решение поставить погибшим памятник. Но, напротив, через недолгие годы злодеяния, совершившиеся в нашей стране в еще никогда не виданных историей масштабах, начали усердно выкорчевывать из памяти народа. Погибли миллионы людей, погибли все на один лад, но каждый был ведь не мухой, а человеком — человеком своей особой судьбы, своей особой гибели. «Реабилитирован посмертно». «Последствия культа личности Сталина». А что сделалось с личностью — не тою, окруженную культом, а той — каждой, — от которой осталась одна лишь справка о посмертной реабилитации? Куда она делась и где похоронена — личность? Что стало с человеком, что он пережил, начиная от минуты, когда его вывели из дома, — и кончая минутой, когда он возвратился к родным в виде справки?

Что стоит за словами «реабилитирован посмертно» — какая жизнь, какая казнь? Приблизительно с 1965 года об этом приказано было молчать.

Солженицын — человек-предание, человек-легенда — снова прорвал блокаду немоты; вернул совершившемуся — реальность, множеству жертв и судеб — имя, и главное — события их истинный вес и поучительный смысл.

Мы заново узнали, — слышим, видим, что это было такое, обыск, арест, допрос, тюрьма, пересылка, этап, лагерь. Голод, побои, труд, труп.

«Архипелаг ГУЛАГ».

Лидия Чуковская

4 февраля 1974 г.

Москва

ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

(в ответ на ее повторный вызов)

В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетне царящего в нашей стране (а лично ко мне — и 8-летней кампании клеветы и преследований), я отказываюсь признать законность вашего вызова и не являюсь на

допрос ни в какое государственное учреждение. <...>

А. Солженицын

11 февраля 1974 г.

«И первый, и второй еще шли, как обычно идут, но тут же, из темного лестничного угла навалив, задние стари передних наталкивать — мы собирались не успели <...> — они уже переплыли плотной вереницей, между коляской, вешалкой, телефонным столиком, пяты, пяты нас с женой, кто в штатском, кто в милиционском, маленьких ростом и слабогрудых нет — восьмого!!!»

ЛЕФОРТОВО:

«Главный вострый — щуп, щуп меня глазами, как никогда людей не видавши.

Ничего, пош-шлай.

И остро, стараясь даже пронзительно:

— Солженицын???

Ошибся. Ему бы: «Фамилия?»... Ну, ладно, поймали, держите:

— Он самый.

Опять остро:

— Александр Исаич?

Успокоительно:

— Именно.

И — с возможной звонкостью и значением:

— Я — заместитель Генерального прокурора ССР — Маляров!

— А-а-а... Слышал. <...>

— ...За... за... Предъявляется обвинение по статье 64-й! (еще там буква или часть?).

Я — голосом драмы, я — с мужицким невежеством:

— Вот этого нового кодекса... (он ведь только 13 лет)... совсем не знаю. Это — что, 64-я?

— Измена родине!

ШЕРЕМЕТЬЕВО:

«В салоне — семеро штатских да восьмой — врач, со мною. <...>

Уезжаю из России я второй раз: первый раз — на фронтовых машинах, с наступающими войсками:

Расступись, земля чужая!

Расторгай свои ворота!

А приезжал — один: из Германии и до самой Москвы с тремя гибистами. И вот опять из Москвы с ними же, только уже с восемью. Арест наоборот.

Когда самолет вздрагивает, отрываясь, — я крещусь и кланяюсь уходящей земле».

Материал подготовил

А. НИКОЛАЕВ.

БОЛЬ НА МИРУ

Окончание. Начало на 20-й стр.

ших на нужды детского фонда деньги — от двенадцати рублей общества сплелих до трех тысяч от Варваринской церкви в Аксее. И драгоценные слова Таисы Григорьевны Епифановой: «Посылаю свою пенсию труженикам двадцати первого века. Я верю, они будут любить родного жаворонка, русскую березу, которые скажут их сердцу такие слова, что сделают человека до самой могилы по-настоящему богатым».

Вот о каком хлебе наущенном для незнакомых ребятишек пекутся люди. Приходят в фонд, просят, предлагают: «Желаю взять на воспитание детей школьного возраста. Всю жизнь мечтала иметь много детей, особенно девочек, и передать им все мои знания и как мать, и как хозяйка, и как рукодельница... хотя я понимаю, что это — нелегкое дело».

Низкий поклон вам, Сусанна Арсентьевна Явруян, за открытые ваше сердце, за понимание, что нет «чужой» беды, как не должно быть и «чужих» детей.

Пятьдесят семей в области хотят стать семейными детскими домами. Пока на ростовской земле их создано шесть...

Не так-то просто и заполучить малыша из Дома ребенка. Там от количества «коек-ребенков» зависят премии со-

трудникам. «Нас три месяца пытали, пока отдали Рому», — говорит Татьяна Васильевна. (Рома — один из четырех братьев и сестер Красиковых, и Сорокины из естественных человеческих побуждений не хотели их разлучать.)

Семейный детский дом — альтернатива казенному. И как важно всем миром, всем людским собором не дать пропасти добротолюбию народной педагогики. А ведь из шести созданных семейных детских домов только дом Сорокиной имеет постоянную денежную помощь. Остальные — без мецената-хозяина, так как механизм финансирования областными органами еще не отложен. Еще в «Типовом положении о семейных детских домах» не определен статус отца: быть ли ежемесячной оплате, отпуску, больничному листу? «Обидно бывает, — сетует Сорокин, и его можно понять. — Я фактически отец, а вроде бы одновременно и не отец. Вот сейчас Руслан простудился, спасибо, мне выбили больничный через фонд. А представьте, если мать с больным ребенком сидит, отец на государственной работе вкалывает, то кто же об остальных-то ребятах позаботится? Или мать в отпуск идет на тридцать шесть дней, а у меня — двадцать четыре. С этим как быть?»

Но самое удивительное: местные Советы, а иногда даже и школы по-обыкновенности, в штыки встречают новую «обузу» — заботу о вверенных их попечительству «домах Сорокиных».

«Взявшись убо камение да вергнут

нань». («Взяли камни и бросили в Него.») Много, увы, много камней летят вслед бескорыстию. Ничто, пожалуй, не вызывает столько глумливой подозрительности, как искреннее милосердие.

«Ну, Сорокин, теперь у тебя все будет: и дом, и машина!» — подивился «изворотливи» своего слесаря один из руководителей научно-производственного объединения «Дон». «Машин» уже есть: старенький мотоцикл с коляской. Две-три езды, пока перевезешь всю ораву к озеру — на пляж или на участочек о шести сотках за шесть километров от поселка. А дом...

Дом строят в порядке льготной очереди: сын Вася от рождения инвалид. Определили срок строительства — с декабря прошлого по апрель нынешнего года. Что, бишь, у нас сегодня за окном, какой месяц?

Была середина осени, когда в эстетически выверенном кабинете НПО «Дон» В. П. Ермоленко гремели бутафорские громы. Строитель-кооператор клялся, что уж к 7 ноября кровь из носу, а... Пригласили — ах! — судью и прокурора районного масштаба — их роль: пригрозить кооператору юридическим перстом и расторжением договора о строительстве... Разошлись действующие лица и исполнители, а будущий коттедж ульно прозябал, еще только начерно возведен из плохого, щербатого кирпича, да и его выбивала у кирпичного завода неутомимая Маргарита Владимировна Толкачева.

Зато вокруг сиротского строения кра-

совались новехонькие, с иголочки, нарядно облицованные домики предприимчивых товарищей. (Кидающие камни в других не забывают бережно укладывать отборные кирпичи в основание своих домов.)

Коттедж когда-нибудь достроят, и будет у детей Сорокиных нормальные спальни, мастерская, столовая и даже усадебная земля до шестнадцати соток. У детей — заметьте! Взрослые себе удобства для отдельной жизни не выгораживают, нет у них отдельных отрядов интересов...

Я другого боюсь: как бы печальная история пензунций, устрашений, унижений, делания вида разного рода чиновниками в возведении не просто стала интересом, как бы она не превратилась в типично российский символ велеречивого равнодушия.

В Ростовской или другой областях нашего отечества пока больше отцов, чем отцов.

...Вглядимся еще раз в лица детей, оторванных от зла. Цветение улыбок, сияние глаз — точно в весенний сад в солнечный день. Теперь они не прячут лица перед фотообъективом: страх сменило выстраданное доверие. Это смотрит на нас будущее — страны, земли. Не спугните, не обманите новорожденную доброту. Ей предстоит передать Родине, тоже прошедшему путь сиротства и предательства отцов, древнее на Руси понятие родства: возлюби ближнего твоего...

Грегори МАКДОНАЛЬД

ФЛЕТЧ

— Начинаю догадываться.
— Я хочу, чтобы вы убрались из города. Немедленно.
— Вот тебе и защита полиции!
— Вы можете найти оправдание ранее перечисленным мной правонарушениям, в том числе и хранению героина, но трое моих полицейских могут показать под присягой, что прошлой ночью вы ударили каждого из них, когда они находились при исполнении служебных обязанностей.
— Вы же не арестовали меня.
— Мы хотели задержать другого человека.
— Неужели для задержания семнадцатилетнего наркомана нужно семь полицейских?
— Благодаря вашему вмешательству трое из этих семерых были ранены.
— Почему же вы сразу не арестовали меня?
— Вы хотите попасть в тюрьму, мистер Флетчер?
— Разумеется, нет, шеф.
— Мистер Флетчер, сейчас я отдам два приказа, и вам придется выполнить оба. Первый. Если у вас есть какая-либо информация о распространении наркотиков на побережье, вы должны передать ее нам. Есть у вас такая информация?
— Нет.
— Совсем нет?
— Только Толстяк Сэм.
— Вы не так уж умели в своем деле, не правда ли?
— Мне очень помогает редакция.
— Второй приказ состоит в том, что вы обязаны покинуть город до полудня. И не возвращаться назад. Никогда. Понятно?
— Чего вы боитесь?
— Только не вас.
— А мне показалось, что дело именно в этом.
— Мы сами проводим расследование, мистер Флетчер. Это работа полиции. Наскоком тут ничего не добьешься. Нам требуется время.
— Два или три года?
— Мы рассчитываем выявить всю сеть торговцев наркотиками в ближайшие месяцы. Это тяжелая, сложная работа. Частное расследование, даже проводимое газетой, может привести к тому, что наш труд

пойдет насмарку. Надеюсь, я выразился достаточно ясно: если вы уезжаете из города, или оказываетесь за решеткой, выбраться оттуда вам будет очень и очень непросто. Хранение героина и нападение на трех полицейских при исполнении служебных обязанностей вполне достаточно для вынесения обвинительного приговора.

— Вы меня убедили.
— Так что, покинете город?
— Я больше никогда в нем не появлюсь.

ГЛАВА 21

Время приближалось к девяти утра. Люди спешили на работу. По Главной улице машины шли бампер к бамперу.

В полутора кварталах от полицейского участка к тротуару подрулил серый «ягуар ХКЕ» с номерным знаком 440-001. Тот самый автомобиль, который предстояло украсть Флетчу через шестьдесят часов, сразу же после убийства Алана Стэнвика.

Флетч сел на переднее сиденье.
«Ягуар» Стэнвика влился в поток машин.
— Что ты делал в полицейском участке?
— Меня допрашивали.
— Почему?
— Исчезла девушка, которую я знаю. Девушка по имени Бобби.
— Ее исчезновение связано с тобой?

— Нет, но мне придется убираться из этого города, да побыстрее. Как вы узнали, что я в полицейском участке?

— Я спрашивал у пивного ларька. Того, что уже открыт в восемь утра. Ну и жизнь у тебя! Какой-то лохотронщик подросток сказал, что видел тебя на заднем сиденье патрульной машины.

Алан Стэнвик прикрыл от золотой зажигалки, которую достал из кармана, не пользуясь той, что была в приборном щитке. Солнцезащитные очки скрывали его глаза.

— Что вы хотите? — спросил Флетч.
— Убедиться, что все идет, как положено. Паспорт получил?
— Пойду за ним завтра.
— Перчатки?
— Куплю пару.

— Ты подал заявление на паспорт?
— Да, даже сфотографировался.
— Отлично. Помнишь, что тебе предстоит сделать?
— Конечно. Вы еще не передумали?
Стэнвик выпустил струю дыма.
— Нет.
— Вы уверены, что умираете от рака?
— Да, почему ты спрашиваешь?
— Выглядите шикарно.
— Признаки болезни проявляются не сразу. Я хочу умереть раньше.
Они остановились на красный свет.
— Так почему бы вам не разбиться на самолете?
Плечи под пиджаком Стэнвика шевельнулись. Могучие плечи.
— Если хочешь, назови это гордостью. Когда проводишь всю жизнь, стараясь удержать самолеты в воздухе, очень трудно направить последний из них в землю.
— Дорогостоящая гордость.
— Люди, бывало, за гордость расплачивались и дороже, чем пятьдесят тысячами.
— Полагаю, что да.
— Ты запомнил, где находится дом?
— На Бермэн-стрит.
— Точно. И как ты доберешься туда?
— Я доеду на такси до пересечения Главной улицы с Хауторн-стрит, а дальше пройду пешком. Это другой округ, а расстояние всего две мили.
— Молодец. Ты помнишь номер рейса?
— Нет. Вы же не говорили.
Стэнвик смотрел на него сквозь темные очки.
— Самолет компании «TWA», вылет в одиннадцать в Буэнос-Айрес.
— Это я помню. Номера рейса не знаю.
— Я пока тоже, — ответил Стэнвик и подъехал к тротуару. — Думаю, нам не следует сближаться. Я не хочу ничего знать о тебе. И тебе лучше забыть то, что прочел обо мне в газетах.
— Так уж получилось, что я запомнил.
— А теперь забудь. Я высажу тебя здесь.
— Мы же проехали через весь город! Как я доберусь обратно?
— Поймай попутку.
— Премного благодарен за совет.
— Увидимся в четверг вечером...

ГЛАВА 22

Флетч позвонил в дом 15641В на Патнэм-стрит и оглянулся на свой «MG», приткнувшийся к тротуару. Сквозь стекла солнцезащитных очков зеленая краюка автомобиля сливалась с зеленью лужка.

— Да? Кто там? — спросил мелодичный голос.
Флетч наклонился и прокричал в микрофон:
— Я от управляющих, братьев Грин, мисс Фолкнер!
— Одну минуту.
Флетч поправил галстук.

Лицо Сандры Фолкнер не выражало особого дружелюбия. Она была в черных брюках и блузке свободного покроя, пышно взбитые обесцвеченные волосы падали на плечи.

Флетч остался на месте. Внешне Сандра Фолкнер не шла ни в какое сравнение с Джоан Коллинз Стэнвик. Наверное, решил он, она брала свое в постели.

— Я представитель братьев Грин, — сурово сказал он.

Мисс Фолкнер, не мигая, смотрела на него.
— Что вам угодно?
— Мы бы хотели поговорить с вами.
— У вас есть какой-нибудь документ?
— На вашем месте, мисс, я бы не вел себя столь вызывающе.

— Что?
— Соседи жалуются на вас, и мы подумываем о возможности судебного пресечения вашего аморального поведения.
— Вы, должно быть, шутите?
— Совсем нет. Если вам хочется стоять на пороге, пока мы будем обсуждать этот вопрос, я согласен. Или вы предпочтете пройти в комнату, чтобы нас не слышали соседи?

Она отступила назад, оставив дверь открытой.
Флетч вошел и закрыл дверь.
— Ради бога, объясните, о чём вы говорите?
— Прекрасно все понимаете. Вы сейчас одна?
— О господи!
Флетч прошел в гостиную.

— Упоминание имени божьего вас не защитит.

— Защитит? От чего?

Он открыл дверь ванной комнаты, которая показалась ему пустоватой. В спальне стояла большая кровать, над ней с потолка свешивалось зеркало. Кровать была аккуратно застелена красным шелковым покрывалом. На буфете в кухне стояли наполовину опорожненная бутылка водки, пустые бутылки вермута и сухого калифорнийского вина.

— Зачем вы пришли сюда? — В голосе Сандры Фолкнер слышалось отчаяние.

— Что висит у вас на потолке в спальне?

— Зеркало. Какое вам до этого дело?

— Мисс Фолкнер, в договоре на аренду есть пункт, запрещающий крепить какие-либо предметы к потолку.

— О боже!

В квартире не было никаких признаков сбора к длительному путешествию.

Вернувшись в гостиную, Флетч уселся в кресло, достал из кармана блокнот и ручку.

— Сандра Фолкнер — ваши настоящие имя и фамилия?

— Да. Конечно. К чему эти вопросы?

— Мисс Фолкнер, это жилой район. Тут много молодых семей. С маленькими детьми.

— Знаю. И что из этого?

— Некоторым мамам и, могу добавить, папам стало ясно, что у вас нет видимых средств к существованию.

— О боже!

— Вы довольно давно нигде не работаете.

— Это никого не должно волновать.

— Мы стараемся уяснить, как оказывается ваше постоянное пребывание в доме на моральном здоровье молодежи.

— Ого! Да кто в это поверит?

— Далее, не вызывает сомнений источник средств вашего существования. За ваше содержание вы расплачиваешься своим телом.

— Мой бог! Вы словно явились из прошлого столетия.

— «Братья Грин» несут ответственность не только за состояние квартир, но в немалой степени и за то, что в них происходит. Во всяком случае, мы реагируем на поступающие жалобы.

— Убрайтесь отсюда!

— Как давно вы знаете Алана Стэнвика? Ярость на ее лице сменилась ужасом.

— Присядьте, мисс Фолкнер.

Она опустилась на краешек дивана.

— Его опознал соседи. Фотографии Стэнвика часто появляются в газетах.

— О боже! Оставьте Алана в покое!

— Он оплачивает квартиру и ваше содержание, не так ли?

— Да.

— Все понятно. Вы снимаете эту квартиру на незаконно заработанные средства. Будет лучше, если вы расскажете нам обо всем.

— Почему?

— Мисс Фолкнер, вы хотите, чтобы имя Алана Стэнвика фигурировало в судебном иске?

— Мой бог! Неужели такое возможно в наше время? Кто пожаловался на меня?

— Не в наших правилах разглашать подобные факты.

— Оберегаете доносчиков?

— Мы очень благодарны людям, помогающим нам быть в курсе того, что творится в наших квартирах. Как иначе мы узнаем об этом? А теперь, я надеюсь, вы честно расскажете обо всем, и мы решим, что делать дальше.

Сандра Фолкнер смотрела на Флетча словно фрейлина, застигнутую на сеновале с придворным виолончелистом, на королеву Викторию.

— Вы всегда носите в доме солнцезащитные очки? — спросила она.

— У меня болят глаза от яркого света, — ответил Флетч, — но это не имеет отношения к нашему разговору.

— Понятно. Ну, хорошо. Что вы хотите знать? Раньше я работала секретаршей в «Коллинз Авиэйшн». Аллан Стэнвик — один из руководителей этой корпорации.

— Нам это известно, мисс Фолкнер.

— Я не мисс Фолкнер. Я — миссис Фолкнер. Мой муж был летчиком-испытателем: Однажды, при посадке на авианосец, он промахнулся, и самолет рухнул в воду. После этого я долго не могла работать. Джек и я не торопились заводить ребенка, думали, что впереди еще много времени...

— Человек, названный Джеком, был вашим мужем?

— Да. Страховка кончилась. Затем пособие по безработице. Я много пила. Очень много. Потом Аллан послал кого-то узнать, как я поживаю. Я была совершенно пьяна и предложила этой девице катиться на все четыре стороны. На следующий день появился сам Аллан. Со дня смерти Джека прошло больше года. Меня поместили в хорошую больницу. За счет компании. Аллан сам лётчик. Он воевал. У него шрам на животе.

В день выписки Аллан встретил меня и привез сюда. Тут я и живу.

— Вы видитесь с ним дважды в неделю?

— Да, примерно так. Теперь я знаю, зачем живу. Ради него. Я надеюсь, что когда-нибудь рожу ему сына.

— Он приезжает по понедельникам и средам?

— Эти соседи ничего не упустят, да? Сучьи дети. — Миссис Фолкнер, вы не собираетесь выходить замуж за мистера Стэнвика?

— Нет. Он женат. На Джоан Коллинз. Он не может развестись с ней. Она — дочь президента корпорации, Джона Коллинза.

— Вы никогда не думали о том, чтобы стать его женой?

— Нет. Мы даже не говорили об этом.

— И тем не менее вы надеетесь родить ему сына?

— Да. В этом нет ничего зазорного.

— Вы сейчас беременны?

— Нет.

— Другими словами, вы намерены продолжать эту связь?

— Да, намерена.

— А мистер Стэнвик не намекал на возможные перемены?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я могу и не напоминать вам о том, что вы не имеете никаких прав на эту квартиру. Исчезни Стэнвик на следующей неделе, вас выкинут на улицу.

— Этого я не боюсь. Он может поступать, как ему заблагорассудится. Теперь я могу работать. Со мной все в порядке.

— А как здоровье мистера Стэнвика?

— Прекрасное. Я ему даже завидую.

Флетч закрыл блокнот. Он не записал ни слова.

— Очень хорошо, миссис Фолкнер. Я доложу «Братьям Грин» и порекомендую им не предпринимать никаких действий, так как ваши отношения с мистером Стэнвиком достаточно серьезны.

— Благодарю.

Флетч встал.

— Извините за беспокойство, миссис Фолкнер.

— Вы совершенно не следите за квартирами.

— Что вы сказали?

— Ваши «Братья Грин» не выполняют своих обязанностей. Мало того, что на стоянке вечно шум, так еще воры заходят сюда, как к себе домой.

— О чем вы?

— Прошлой ночью меня ограбили.

— Неужели?

— Да. Украли всю мою косметику.

— Я что-то не понимаю.

— Пойдемте покажу.

В ванной она открыла шкафчик.

— Сегодня утром я обнаружила, что окно распахнуто, а косметика исчезла.

— Пропала только косметика?

— Флакон аспирина. Моя зубная паста.

— Полотенца на месте?

— Нет. Одного не хватает.

— Одного не хватает, — повторил Флетч. — Должно быть, в него завернули косметику.

— Я тоже так думаю.

— Но, миссис Фолкнер, взрослый человек не пролезет в такое окно.

— Я в этом не уверена.

— Наверное, косметику украл какой-нибудь соседский подросток.

— Возможно.

— Вероятно, он не рискнул забраться в комнаты.

— Я рада, что вы так рьяно защищаете нравственность деток нашего района, мистер Как-вас-там. Страшно подумать, какие грязные мыслишки придут им на ум, пока они будут отсиживаться в тюрьме за грабеж.

ГЛАВА 23

Время ленча. Коридоры редакции «Ньюс-Трибюн» пусты и прохладны.

Флетч положил два сэндвича и пакет молока на стол, снял пиджак, поднял трубку и набрал номер главного редактора.

— Это Флетчар. Я хочу поговорить с Фрэнком.

— Ты у себя, Флетч?

— Да.

— Он ушел на ленч. Вернется в два часа. Сможешь подождать?

— Постараюсь. Пожалуйста, соедините меня с ним ровно в два.

Флетч ослабил узел галстука и сел.

Расправившись с сэндвичами, он нашел на столе повестку в суд. Ему предлагалось явиться туда в пятницу, к десяти утра. За неуплату алиментов Барбаре Ролтон Флетчар. Неуважение к суду. Невыявление немедленным арестом.

— О господи! — вздохнул Флетч.

У него был выбор — идти за «Бронзовую медалью» и быть арестованым или идти в суд и быть оштрафованным.

— О господи! — повторил он.

Зазвонил телефон.

— Ну кто там еще?

— Это мистер Флетчар?

— Если вам так угодно.

— Что?

— С кем я говорю?

— Это мистер Джиллпетт из «Джиллпетт, Уорхэм и О'Брайен».

— О господи!

— Мистер Флетчар, к сожалению, я должен сказать вам, что не могу получить по вашему чеку три тысячи четыреста двадцать девять долларов, которые вы должны уплатить миссис Линде Флетчар.

— Мерзавец. Я же просил подождать десять дней.

— Я и не пытался получить деньги по вашему чеку, мистер Флетчар. Однако я навел справки. У вас нет и никогда не было счета в этом банке.

— Что?

— Торговый банк не открывал счета на ваше имя.

— Хорошо, что вы напомнили мне об этом.

— Где вы взяли этот чек, мистер Флетчар?

— Простите, я вас не слышу. У меня запершило в горле.

— Это не имеет значения. Но я предупреждал вас при нашей последней встрече у вас в кабинете, что хитрить не стоит. Теперь мы будем говорить в зале суда. Вы сами на это напросились.

— Мистер Джиллпетт...

— Сначала выслушайте меня. Сегодня утром я побывал в суде и показал ваш чек. С минуты на минуту вы получите повестку. Вы должны явиться в суд в пятницу, в десять утра.

— Нет!

— Что значит нет?

— Я не смогу прийти в пятницу утром.

— Почему?

— В пятницу в десять утра в суд будет слушаться дело о неуплате алиментов моей первой жене, Барбаре.

— Мистер Флетчар, меня это не касается.

— Но я не могу быть одновременно в двух местах.

— По крайней мере мы знаем, что в пятницу утром вы не женитесь в третий раз.

— Кроме того, в пятницу, в те же десять часов, командир военно-морской базы намерен вручить мне «Бронзовую звезду».

— Знаете, мистер Флетчар, мне надоели ваши рассказы.

— Это правда. Если я не получу эту чертову «Бронзовую звезду», меня уволят. Что тогда будут делать все мои жены?

— Они будут ждать вас в суде, мистер Флетчар, вместе с представляющими их честными адвокатами.

— О боже!

— Более того, мистер Флетчар, сегодня утром я пошел в суд необходимые документы по обвинению вас в подлоге.

— Подлоге?

— Подлоге, мистер Флетчар. Закон запрещает представлять чеки по несуществующим банковским счетам.

— Как вы могли так поступить!

— Я исполнял свой долг. Как адвокат, практикующий в штате Калифорния, узнав о совершенном правонарушении, я обязан поставить в известность суд.

— Вы заложили меня. Из-за вас я — преступник.

— Я исполнял свой долг, мистер Флетчар.

— Вы просто укусили руку, которая вас кормит. Разве я смогу платить алименты, сидя в тюрьме?

— Я укусил руку, которая отказалась кормить нас. Своим женам мы еще не заплатили ни цента.

— Мистер Джиллпетт!

— Да, мистер Флетчар?

— Я подумал, а не встретиться ли нам в каком-нибудь тихом месте, подальше от торных дорог, допустим, в баре, и поехать за город, провести ночь или две...

— Вы серьезно?

— Разумеется, серьезно.

— Я думаю, это чудесная идея. Не знаю, как вы догадались, но вы мне очень понравились, мистер Флетчар. Сначала нам следует уладить судебные дела, не так ли?

— Я то думал, что судебные дела как раз могут и подождать.

— Ваши судебные дела касаются только вас и ваших жен, мистер Флетчар. А теперь, естественно, вами займется и уголовный суд. Наши с вами взаимоотношения никак с этим не связаны.

— Вы уверены?

— Мистер Флетчар, вы насмехаетесь надо мной?

— Именно так.

Джиллпетт откашлялся, прежде чем заговорить вновь.

— Не знаю, то ли вы очень жестокий человек, то ли глубоко заблуждаетесь. Предпочитаю последнее. Я — член англиканской общины. Если вы заблуждаетесь,

я с удовольствием продолжу этот разговор в скором будущем. А пока напоминаю о повестке, вызывающей вас в суд в пятницу утром. Советую сегодня, до полуночи, явиться в полицию и назвать себя, после чего вас арестуют. Тогда у вас хватит времени освободиться под залог и предстать в пятницу перед судом.

— Премного вам благодарен, мистер Джиллпетт. Увидимся в вашей церкви.

Флетч дожевывал вторую половину первого сэндвича, коря себя за разговор с Сандри Фолкнер, когда вновь зазвонил телефон.

— Да?

— Флетч? Это Барбара.

— Барбара, моя первая жена?

— Несколько дней звоню тебе каждые полчаса, надеясь поговорить с тобой до того, как придет повестка.

— Я получил ее к ленчу.

— Прости, Флетч.

— Какие пустяки, дорогая. Забудь о ней. Стоит ли давним друзьям портить отношения из-за неуважения к суду.

— Это все адвокаты, Флетч. Они настаивают. Их очень беспокоят те восемь тысяч долларов, которые ты мне задолжал.

— Так много?

— Восемь тысяч четыреста двенадцать долларов. О-го-го. Мне следовало помнить об этом. С моей стороны это непростительно.

— Я действительно не виновата, Флетч. Я имею в виду неуважение к суду. Это все они.

— Не волнуйся, Барбара. Ерундовое дельце. Заскочу в суд в пятницу утром, и в мгновение ока вопрос будет решен.

— Ты прелесть, Флетч.

— Ну, ну...

— Мне не так уж нужны эти деньги. Я знаю, сколько ты получаешь в газете. Тебе негде их взять.

— Понятно.

— Правда?

— Конечно, Барбара.

— Флетчер, я все еще люблю тебя.

— Я знаю. Ужасно, правда?

— Мы развелись два года назад.

— Так давно?

— С тех пор я тебя ни разу не видела. Я пополнела.

— Неужели?

— Слишком много ем. Слышала, ты снова женился и опять развелся.

— Теперь я понимаю, что ты — моя единственная любовь.

— Правда? А почему ты снова женился?

— На меня что-то нашло.

— Но потом ты развелся.

— Видишь ли, Барбара, я не попадил с котом. Один из нас должен был уйти. Кот ушел первым.

— Я не звонила тебе, пока ты был женат.

— Спасибо.

— Только на прошлой неделе узнала, что ты развелся. Случайно встретила Чарли.

— Как он поживает?

— Флетчер, а может, у нас все наладится?

— Ты сильно поправилась?

— Очень. Я стала толстухой.

— Жаль.

— Мне не нравится моя квартира. А ты по-прежнему живешь на Клипуптер-стрит?

— Да.

— Я жалею о том, что развелась с тобой, Флетчер. Не могу себе этого простить.

— А, ерунда. Легко сошлись, легко разошлись.

— Это не смешно.

— Я никак не могу доесть сэндвич.

— Флетч, я хочу извиниться. За то, что развелась с тобой.

— Не думай об этом.

— С тех пор я повзросла.

— Наверное, это приходит с лишним весом.

— Знаешь ли, меня очень беспокоили женщины.

— Женщины?

— О, Флетч. Ты же спал со всеми подряд. Постоянно. Иногда ты уезжал на несколько дней кряду. Иногда на целую неделю. Я хочу сказать, ты никогда не колебался.

— Меня легко соблазнить.

— Я не могла этого перенести. Казалось, глаза всех женщин говорили мне: я тоже спала с твоим мужем. Я сходила с ума.

— Это хороший повод для развода.

— Но теперь я повзросла и готова с этим смириться.

— Правда?

— Да, Флетч. Я все поняла. Ты — нимфоманка мужского пола.

— Нет.

— Да, Флетч. Ты не пропускаешь ни одной юбки, чтобы не залезть под нее.

— Ну...

— Ты не станешь этого отрицать.

— Ну...

— Я с этим смирилась. Но тогда я этого не понимала.

Флетч отпил молока из пакета.

— Флетч?

— Да, Барбара?

— Как, по-твоему, мы сможем снова жить вместе?

— Какая прекрасная мысль.

— Ты серьезно?

— Разумеется, Барбара.

— В конце недели у меня кончается аренда.

— Переезжай ко мне в пятницу.

— Правда?

— В пятницу утром. К сожалению, я не смогу помочь тебе перенести вещи. Мне надо забежать в суд на несколько минут.

— Я знаю. Это ужасно.

— Но все уладится, если ты будешь в моей квартире, когда я вернусь.

— У меня много вещей. Придется нанимать фургон.

— Ничего. Воспользуйся грузовым лифтом. Расставь все, как тебе хочется. А потом я приглашу тебя на ленч.

— Потрясающе! Флетч, ты — чудо.

— Все будет, как прежде, Барбара.

— Мне пора собираться.

— Увидимся в пятницу. Может, я смогу вырваться на уик-энд.

— Флетч, я тебя люблю.

Флетч потянулся за второй половиной второго сэндвича, когда раздался очередной звонок. Время близилось к двум часам.

— И. М. Флетчер слушает.

— Флетчэр, это ты?

— Линда... моя вторая жена?

— Что случилось с тобой той ночью?

— Какой той ночью?

— В пятницу. Ты попросил меня приехать к тебе. Но тебя не было.

— Меня задержали.

— Это не смешно, Флетчэр. Если это шутка, то мне она не понравилась.

— Ты сердишься?

— Разумеется, нет. Придя в твою квартиру, я приготовилась. Вымыла голову и все остальное. Еле фен разыскала.

— Ты вымыла голову?

— Я ждала и ждала... Даже заснула на кушетке.

— Бедная Линда!

— Это не смешно.

— Я же говорил тебе, что накурился травки.

— И что произошло?

— Оказалось на берегу океана.

— Разве ты не мог подождать меня?

— Не знал, что так выйдет.

— Ты провел ночь с женщиной?

— Да.

— Чего ж от тебя ждать!

— Линда, я думал...

— Оставь свои мысли при себе.

— После той ночи мне пришлось задуматься.

— Я понимаю. Ты всегда был мыслителем.

— После той ночи я постоянно думаю о тебе. Как ты знаешь, в газете платят мало.

— Знаю. Кстати, мистер Джиллпетт сказал, что по твоему чеку нельзя получить деньги.

— Да. В пятницу утром я предстану перед судом.

— Бедный Флетчэр.

— Полностью с тобой согласен. Линда, мы должны решить, что делать дальше.

— О чем ты?

— Ну, я зарабатываю не так уж много, ты потеряла работу в магазине. Короче, нам нет смысла платить за две квартиры.

— Мы же в разводе.

— Что из этого? Ты же хотела вернуться в прошлую пятницу.

— И сейчас хочу.

— Так что тебя останавливает? Сдай свою квартиру и переезжай.

— Я не возражаю.

— Вот и отлично. Переезжай.

— Когда?

— В пятницу утром. Мы сможем вместе провести уик-энд.

— Ты хочешь, чтобы я переехала к тебе насовсем?

— Конечно. Сдай свою квартиру, закажи грузовой фургон и привози вещи в пятницу. Расставь все, как тебе нравится, и жди, пока я вернусь из суда.

— Правда?

— Ну, конечно же! Ты это сделаешь?

— Обязательно. Чудесная идея.

— Я думаю, в этом есть смысл, не так ли?

— Я все равно ненавижу квартиру, в которой живу.

— Может, тебе стоит приготовить ленч к моему возвращению? А в субботу утром мы куда-нибудь уедем.

— Непременно приготовлю. Я так тебя люблю, Флетч.

— Я тоже. Люблю тебя. До пятницы.

ГЛАВА 24

— Клара Сноу — бестолковая идиотка. Она ничего не понимает в журналистике. И не способна ничему научиться.

Фрэнк Джейфф, главный редактор «Ньюс-Трибюн», был трезвым лишь несколько минут в день. И уж, во всяком случае, не в два часа пополудни. В девять утра он сидел набычившись, с налитыми кровью глазами. К одиннадцати начинал соображать, что к чему, но уже нервничал: каждый, кто входил в кабинет, являлся помехой на пути к первому马丁и. В одиннадцать тридцать он покидал редакцию. От двух до половины четвертого он еще мог соображать. После пяти его нетерпение достигало предела. Вечерняя выпивка начиналась с шести. К девяти часам Фрэнк напивался как сапожник. По вечерам он часто звонил в редакцию, выкрикивая распоряжения, которых никто не мог разобрать. Немалую часть следующего дня он отменял эти распоряжения. Кроме него, их никто не помнил и соответственно не выполнял. Из кабинета главного редактора выплескивался целый поток «разъяснений», которые только нервировали сотрудников.

Флетч даже удивлялся, как Фрэнку хватало сил на Клару Сноу.

— Что? — Взгляд Фрэнка остановился на Флетче.

— Клара Сноу — бестолковая идиотка, не понимает, как готовятся статьи. Она так глупа, что не может этому научиться.

— Она — твой начальник.

— Она — бестолковая идиотка. Из-за нее меня чуть не убили. Возможно, еще и убьют.

— Что она сделала?

— Я пишу статью о распространении наркотиков...

— И, надо сказать, чертовски долго.

— Клара Сноу сообщила начальнику полиции, что я провожу расследование и кое-что нащупал.

— И что тут плохого? Тебе может понадобиться защита полиции.

— Я уверен, что наркотики попадают на побережье через начальника таможней полиции.

— Ты шутишь.

— Отнюдь.

— Через Грэхема Каммингса? Я знаю его десять лет. Пятьнадцать. Это прекрасный человек.

— Наркотики идут через него.

— Как бы не так.

— Именно так.

Фрэнк не любил смотреть в глаза собеседнику.

— Флетчэр, я думаю, тебя пора снимать с задания.

— Чертова с два!

— Ты угобил столько времени, и все впустую. Колешься небось на пляже да развлекаешься.

— Если вы снимете меня с этой статьи, Фрэнк, я отнесу ее в «Кроникл-Газетт» и опубликую с примечанием, что вы отказались принять ее у меня.

— В последнее время ты что-то ополчился на полицию.

— Наркотики на побережье привозят Грэхем Каммингс.

— У тебя есть доказательства?

— Я все напишу.

— Доказательств у тебя нет.

— Вдбавок он вышвырнул меня из города. Если бы утром я честно признался, что у меня есть доказательства, он бы меня убил. Просил же Клару Сноу не звонить в полицию.

— А Клара обратилась ко мне. Я ей разрешил.

— Это же глупо, Фрэнк. Если б мне требовалось полицейское прикрытие, я бы сам нашел Каммингса. А так вы и Клара, не выходя из кабинета, подставили меня под удар.

— Ты сказал Кларе, что подозреваешь Каммингса?

— Нет. Когда я говорил с ней в прошлую пятницу, я его еще не подозревал.

— Так в чем дело?

Фрэнк походил на печальную жабу, сидящую на дороге. По мере того, как до него доходил смысл слов Флетча, грудь его расширялась, щеки надувались, глаза вылезали из орбит. Лицо Фрэнка багровело.

На вращающемся кресле он развернулся вполоборота к столу. В таком положении он мог не смотреть на Флетча.

— А теперь выслушай меня, Флетчэр. Клара говорит, что ты — отвратительный тип. Одеваешься, как бродяга, ходишь по редакции босиком, никогда не берешь телефонную трубку. Она понятия не имеет, работашь ты или бездельничаешь. Не признаешь редакторской правки, грубишь, не выполняешь ее указаний.

— Стоит ли тогда удивляться, что она подставила меня под пулю.

— Опять ты грубишь. Клара даже не подозревала, к чему может привести ее звонок в полицию, да и меня ты еще не убедил. Грэхем Каммингс — честный человек.

— Я говорю, что Клара — идиотка, она утверждает, что идиот — я. Знаете, какой напрашивается вывод?

— Какой же?

— Разведите нас. Если вы считаете, что она должна быть редактором, пусть она портит кровь кому-то еще.

— Я этого не сделаю. Придется тебе жить с ней.

— Нет. Хватит того, что с ней живете вы.

Фрэнк резко повернулся к Флетчу. Попытался пронзить его взглядом, но вместо этого еще больше побагровел.

— Ты висишь на ниточке, парень.

— Ваша газета держится на моих статьях.

— Если б не твоя «Бронзовая звезда», я бы уволил тебя сию минуту.

— Речь идет о том, Фрэнк, что я готовлю статью о распространении наркотиков на побережье. Я не драматизирую ситуацию, но меня могут убить. Если убьют, руководство газеты должно знать, почему это произошло. Я уверен, что наркотики поступают через начальника полиции Грэхема Каммингса. Своим звонком Клара Сноу предупредила Каммингса, что я иду по его следу. Сегодня утром он вызвал меня к себе, чтобы выяснить, много ли я знаю. Это случилось после того, как воскресной ночью я попытался попасть в тюрьму: уложил трех полицейских в присутствии их начальника. Меня стукнули по голове, но не арестовали. В кабинете Каммингса я прикинулся дурачком. Круглым идиотом. Я сказал, что ничего не знаю, за исключением самого очевидного. Он велел мне убираться из города. Отсюда следует, что он мог убить меня, заподозрив, что у меня есть доказательства его вины. Я мог умереть из-за вас и вашей бестолковой Клары Сноу.

— Ты слишком драматизируешь.

— Возможно.

— И что дальше? Ты не хочешь заканчивать эту статью?

— Я ее напишу.

— Когда?

— Очень скоро.

— Я хочу посмотреть ее.

— Вы ее посмотрите.

— И не забудь про вручение «Бронзовой звезды» в пятницу утром.

— Как можно, Фрэнк. Присылайте репортеров. Не терпится увидеть свою физиономию в субботнем утреннем выпуске. Вот тогда-то меня точно укокошат.

— Ты получишь эту медаль.

— Обязательно, Фрэнк. В пятницу, в десять утра, из рук командира военно-морской базы.

— Ты получишь медаль, Флетч, или пятница станет твоим последним днем в газете.

— Постараюсь не разочаровать вас, Фрэнк.

— Между прочим, Клара также сказала, что вокруг тебя без конца воятся какие-то скользкие адвокаты. Держи их подальше от редакции.

— Хорошо, Фрэнк.

Флетч встал. Тон его голоса враз переменился:

— Что вы можете сказать об Алане Стэнвике?

— Дерьмо.

— Почему?

— Стэнвик выступал против каждого законопроекта по охране окружающей среды, представленного за последние пять лет.

— И добивался своего?

— Да, добивался.

— Что еще вы о нем знаете?

— Ничего. Дерьмо он, и все. Иди за своей пулей. Может, тогда у нас будет, что печатать.

— Спасибо, Фрэнк.

— Всегда рад помочь.

ГЛАВА 25

— Добрый день, сэр. — Старший официант узнал его, хотя Флетч пришел в костюме. Работая в теннисном павильоне, этот человек зарывал талант в землю. Вы ищете Андервудов?

— Честно говоря, я ищу Джоан Стэнвик, — ответил Флетч.

— Миссис Стэнвик играет в теннис. На третьем корте. На балконе есть свободный столик. Вы позвольте принести вам апельсиновый сок с водкой?

— Благодарю.

Флетч прошел к круглому столику. Зал украшали корзины цветов. Джоан Стэнвик играла с какой-то женщиной.

— Ваш сок, сэр. Записать его на счет Андервудов?

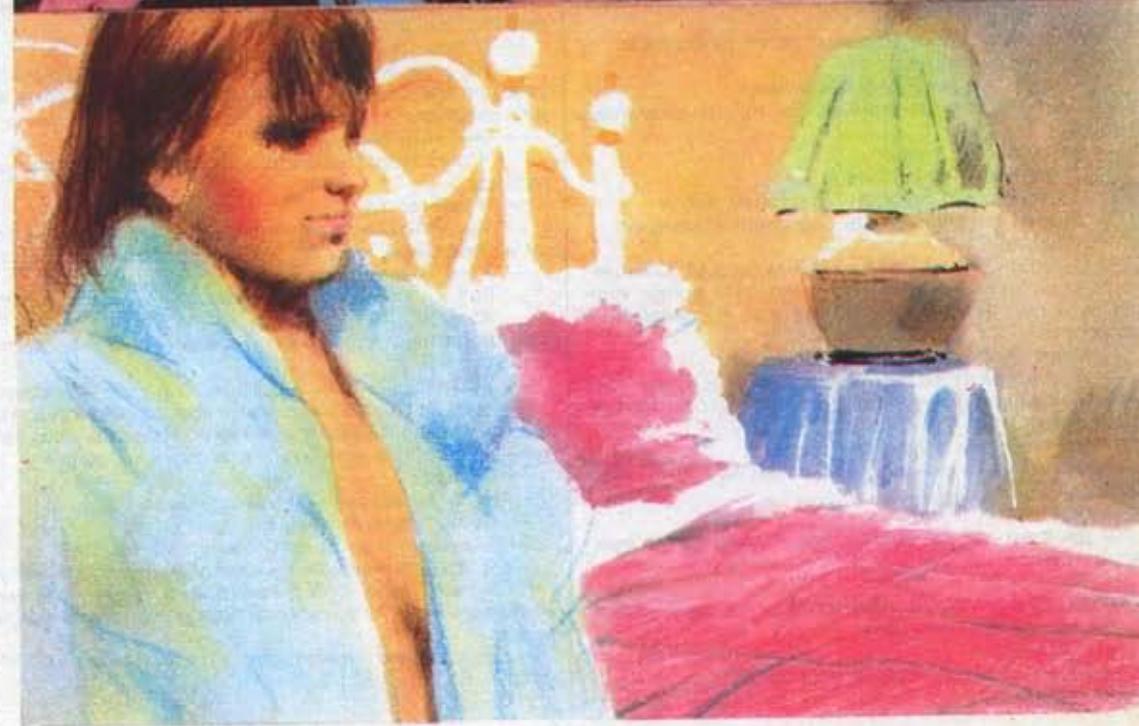
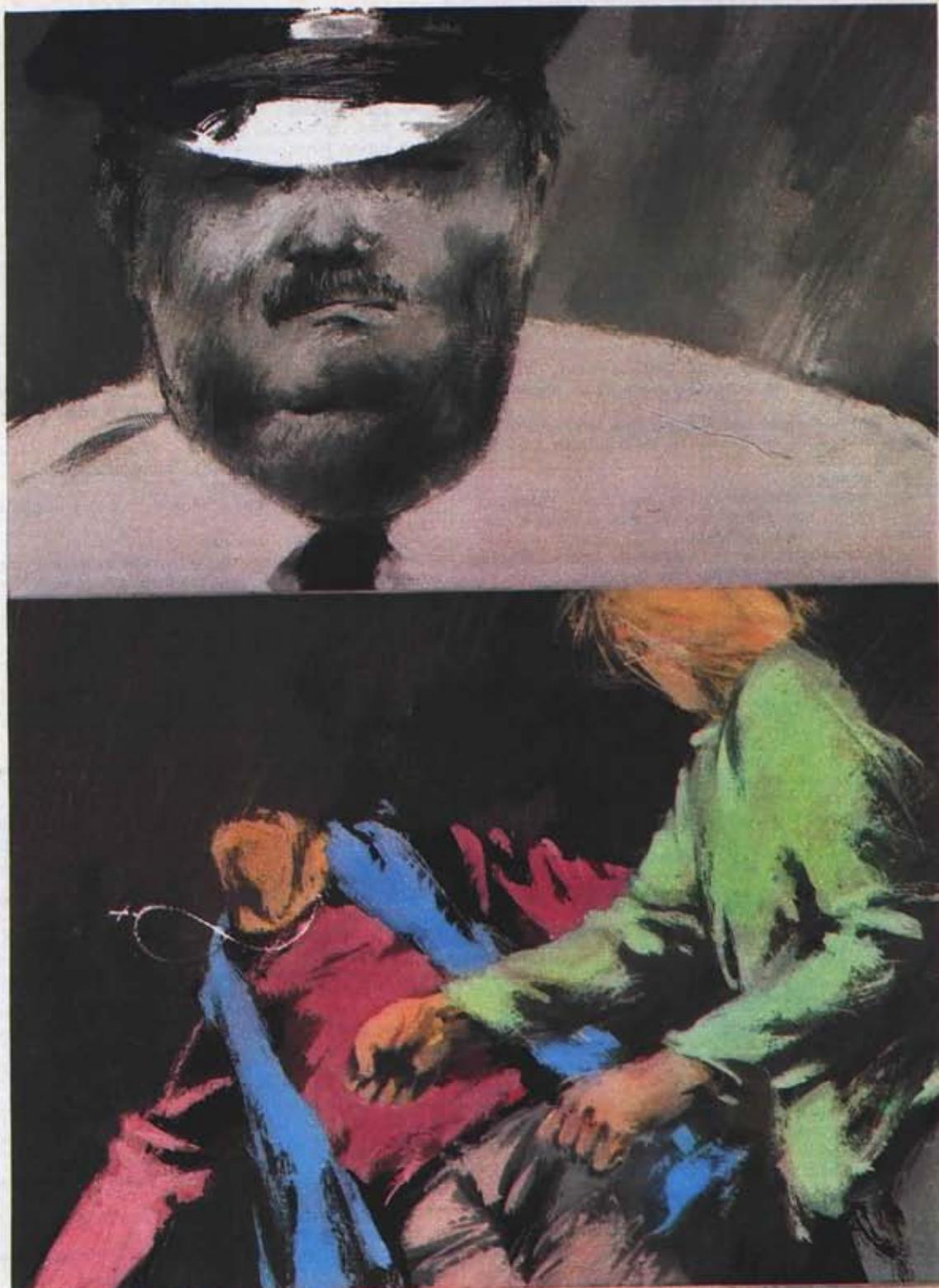
— Пожалуйста.

Половина корта находилась в тени, что затрудняло подачу. Флетч подумал, что в «Рэктес-клабе» Джоан Стэнвик могла бы получить корт получше.

В теннисном павильоне еще не все сменили шорты на костюм, хотя время близилось к шести.

Джоан Коллинз Стэнвик играла профессионально, но без той страсти, что отличает чемпионов. Хорошо обученный, опытный игрок, она не вкладывала в игру душу. Она все умела и откровенно скучала.

Джоан выиграла сет, подошла к сетке, обменялась

Рисунки Левона ХЧАЧАТРИЯН

рукопожатием с соперницей и улыбнулась. Точно такая же улыбка появилась бы на ее лице и при проигрыше. Обе подхватили со скамейки свитера и пошли к павильону.

Флетч развернулся к входной двери.

Она здоровалась со многими, пожимала руки и улыбалась так же равнодушно, как и у сетки. Взгляд ее не сразу поймал Флетча.

Он встал.

Извинившись, она тут же направилась к нему.

— О, Джон. Я думала, вы в Милуоки.

— В Монтане,— поправил ее Флетч.

— Да, конечно. В Монтане.— Она села за столик.

Я как раз собирался на аэрором, но тут позвонил шеф и попросил задержаться еще на несколько дней. Появились новые клиенты.

— Почему вы не позвонили мне?

Был занят с клиентами.— Флетч отпил из бокала.— Кроме того, я подумал, что мне лучше зайти во вторник.

— Почему во вторник?

— Потому что вы говорили, что по вторникам ваш муж приходит домой довольно рано.

Несмотря на загар, она заметно покраснела.

— Понятно.

Разве вы не говорили, что вторники ваш муж оставляет для вас?

— Мне кажется, вы смеетесь надо мной, не так ли, Джон?

— Пытаюсь.

Джоан Стэнвик, не отрывая от него глаз, рассмеялась.

— Ну...

— Извините, я не могу предложить вам мартини.

— Вы задали гораздо больше вопросов, чем я могла бы ожидать от вас, Джон. И, более того, вы внимательно выслушали все ответы. Должно быть, вы мастер своего дела.

— Какого?

— В продаже мебели, конечно. Вы сами говорили об этом.

— Действительно, я специалист по кроватям.

— Представьте, у меня как раз есть одна.

Кровать стояла посреди просторной комнаты с окнами на бассейн. Джоан называла ее «раздевалкой», но это была настоящая спальня с большим шкафом, забитым теннисной амуницией, юбками, свитерами, вечерними туалетами и обувью.

Джоан объяснила, как пройти к ней. Когда Флетч постучался, она вышла из душа, завернутая в большое полотенце.

Любовные ласки нравились Джоан Коллинз Стэнвик несколько больше, чем теннис. И здесь она была обучена и умела, но вновь без чемпионского огонька и игривой радости новичка.

— Это удивительно, Джон.

— Правда?

— Я имею в виду другое.

— Что именно?

— Твою фигуру.

— По-моему, она неплохая. Мне, во всяком случае, нравится.

— Но ты ничего не заметил?

— А что я должен был заметить?

— В душе в Техасе?

— Я уже давно не мылся в техасском душе.

— Фигура Алана.

— Фигура Алана? А при чем тут она?

— Она не отличается от твоей.

— То есть?

— Я хочу сказать, что ширина твоих плеч, длина спины, руки, бедра, ноги такие же, как у Алана.

— Твоего мужа?

— Да. Разве ты этого не замечал? Вы же мылись с ним в душе в Техасе. Форма головы... все.

— Неужели?

— Вы как будто не похожи. Ты — блондин, он — брюнет. Но фигуры у вас как две капли воды.

Она перекатилась на локти, разглядывая его рот.

— У тебя отличные зубы. Прямо как у Алана.

— Тебе нравятся?

— Держу пари, у тебя нет ни одной пломбы.

— Нет.

— И у него тоже.

— Как интересно.

— Теперь я могу поспорить, что ты обиделся.

— Ничуть.

— Наверное, невежливо сравнивать тебя с моим мужем.

— Мне представляется это интересным.

— А про себя думаешь: «Эта дама увлеклась мной только потому, что у меня такая же фигура, как у ее мужа». Сознайся.

— Да. Я оскорблена до глубины души.

— Я не хотела обижать тебя.

— Сейчас расплачусь.

— Пожалуйста, не плачь.

— Я уже умираю от разбитого сердца.

— О, не умрай. Только не здесь.

— Почему?

— Потому что придется вывозить твоё тело. А я никогда не смогу выговорить твою фамилию. Меня это раздражает.

— Тебя раздражает пребывание в одной постели с мужчиной, фамилию которого ты не можешь выговорить?

— Допустим, ты умрешь и тебе придется увезти. Что я скажу людям? Его зовут Джон, давний друг нашей семьи, только не спрашивайте, как его фамилия. Повтори ее мне, Джон.

— Заманаункералески.

— О боже, ну и фамилия. Заманаунк... повтори ее снова.

— Заманаункералески.

— И с такой фамилией ты смог жениться?

— Да. Теперь на земле бегают трое маленьких Заманаункералески.

— А как ее девичья фамилия? Твоей жены?

— Флетчер.

— Какая милая фамилия. Ну почему она стала Заманаункералески...

— Заманаункералески. Куда экстравагантнее, чем Флетчер.

— Настолько экстравагантно, что никто не может выговорить такую фамилию. Она что, польская?

— Румынская.

— Не понимаю, в чем разница.

— Это знают только поляки и румыны.

— Так в чем же?

— Тебя интересует, чем отличаются поляки от румын? Они по-разному любят женщин.

— О?

— Польский стиль мы уже попробовали. Теперь я покажу тебе румынский.

— Любовь по-польски мне понравилась.

— Но ты еще не знаешь, что такое любовь по-румынски.

— А почему мы начали не с нее?

— Я думал, ты еще не готова.

— Теперь я готова.

Часы показывали половину девятого.

Через сорок восемь часов Флетчэр должен был убить ее мужа.

ГЛАВА 26

Среда. Утро. Флетчэр совсем не хотелось, чтобы полиция засекла его. Каммингс наверняка приказал задержать журналиста, появившись тот в городе. Похоже, начальник полиции боится расследования. Но он может осложнить Флетчу жизнь. В его комнате найдены героин и марихуана. Он ударил трех полицейских. Поэтому Флетч очень и очень осторожен.

В джинсах, без рубашки и босиком, он сразу же после восхода солнца начал поиски Гамми.

Без четверти девять Джули сказала ему, что видела Гамми в фургончике «Фольксваген», припаркованном на Главной улице.

Флетч нашел расписанный цветами фургон и притаился в ближайшем подъезде.

Гамми появился без двадцати десять. Дожидалась его, Флетч насчитал пять патрульных машин, прославившихся по Главной улице.

Флетч подошел, когда Гамми уже открыл дверцу.

— Поедем ко мне, Гамми. Мне надо поговорить с тобой.

Прыщавое лицо Гамми перекосила гримаса.

— Поедем, Гамми. Нам надо поговорить. О Бобби.

— ...

— Бобби умерла, Гамми,— сказал Флетч, когда они вошли в комнату.

— О! — выдохнул Гамми.

Флетч ударил его кулаком в лицо.

Голова Гамми откинулась назад, длинные волосы свалились на лицо. Но он не упал. Его глаза наполнились слезами. Похоже, раньше его никогда не били.

— Я сказал, Бобби умерла, и одного «О!» недостаточно. Ее убил ты. И ты это знаешь.

Гамми шагнул к двери.

— У меня плохие новости, Гамми. Смерть Бобби означает расследование. Толстяк Сэм согласился стать свидетелем обвинения.

— Брехня.

— Он дал мне письменные показания и признал, что наркотики поступают к нему от начальника полиции Грэхема Каммингса. В его показаниях есть все, включая твою гавайскую рубашку. Он написал, что наркотики продаешь ты. А он лишь хранит их у себя.

Подросток остановился, не дойдя до двери. Его глаза широко раскрылись.

— Я никогда не торговал наркотиками. Я лишь приносил их.

— Обмен наркотиков на деньги шел через тебя.

В уголок губы Гамми выступила кровь.

— Я никогда ничего не продавал.

— Толстяк Сэм утверждает совсем иное.

— Мерзавец!

— И он подписал показания своим настоящим именем, которое я уже успел забыть.

— Чарльз Утерспун.

— Как?

— Чарльз Утерспун.

— Именно так он и расписался.

— Где его показания?

— У меня дома. Неужели ты думаешь, что я привезу их сюда? Он подписал их как Чарльз Утерспун.

— Дерьмо!

— Я могу помочь тебе, Гамми.— Флетч снял футляр с пишущей машинкой, вложил в каретку три листа, проложенные копиркой.— Тебе нужна помощь.

Гамми стоял в темной комнате, засунув руки в карманы.

— Между прочим, Гамми, я — И. М. Флетчэр из «Ньюс-Трибюн».

— Репортер?

— Да.

— Я узнал о тебе кое-что интересное. На прошлой неделе я видел тебя в сером «ягуаре». Кажется, в прошлый четверг.

— Ты говорил кому-нибудь, что видел меня?

— Нет.

Гамми сел на пол. Прижался спиной к стене.

— Если я дам показания, то не попаду в тюрьму?

— Не попадешь, если станешь свидетелем обвинения.

— Что это значит?

— Ты должен дать показания и подписать их. Честно признаешься, какова твоя роль в распространении наркотиков на побережье.

— Я приносил наркотики от шефа полиции Толстяку Сэму.

Флетч, скрестив ноги, уже сидел перед пишущей машинкой.

— Этого мало. Расскажи мне все. Я буду записывать.

— А ты подпишишь?

— Зачем тебе мои показания?

— Я отдам их моему другу, который работает у окружного прокурора. Мы вместе служили во флоте. Он знает, как с ними поступить.

— Меня убьют. Каммингс очень жесток.

— Я обеспечу тебе защиту полиции.

— Защиту полиции? Забавно.

— Я говорю не о местной полиции. Я согласен с тобой, Каммингс — опасный человек.

— Тогда какой же? Полиции штата?

— Возможно, придется привлечь Федеральное Бюро по борьбе с наркотиками. Или обратиться к самому окружному прокурору. Не знаю. Но о тебе позаботятся. Я хочу, чтобы ты привел Камминга к стенке.

— Хорошо.— Гамми заметно побледнел.— Наркотики поступали на побережье через Камминга.

— Все наркотики?

— Да. Все.

— Где он их брал?

— Точно не знаю. Но каждые несколько недель он ездит в Мексику и обратно. Он говорит людям, что хочет купить там дом или поместье, где собирается жить, выйдя на пенсию. С собой он привозит наркотики. Таможенники ни о чем не спрашивают начальника полиции.

— Откуда таможенникам известно, что он — начальник полиции?

— Неужели ты не видел его машину? Собственную машину. На номерных табличках написано: начальник полиции. На крыше установлен маячок. В приборную доску вмонтировано полицейское радио. У него там даже специальная подставка для «винчестера».

— Я видел ее. На этой машине он проезжает через границу?

— Да.

— Он едет в форме?

— Не знаю. Я никогда не ездил с ним. С такой машиной ему не нужна форма.

— В Мексику он ездит с женой?

— Да. И с дочерью.

— Откуда тебе это известно?

— Я видел, как они уезжают. Тогда я уже знал, куда они едут.

— Хорошо, Гамми. А теперь скажи мне, как ты получаешь наркотики от Камминга?

— Каждую неделю или десять дней они арестовывают меня и привозят в полицейский участок для допроса.

— Кто тебя забирает?

— Местные фараоны. Двое, если я на улице один. Если я на пляже, их приходит больше. Как в воскресенье. Все одеты, как на разгон демонстрации. Они опасаются, что кто-нибудь может прыгнуть на них. Как ты воскресной ночью. Кстати, Флетч, зачем ты это сделал?

— Я хотел, чтобы они забрали и меня. Я хотел попасть в полицейский участок вместе с тобой и увидеть, что там происходит.

— Они, должно быть, проломили тебе голову. Треснуло, будто выстрел.

— Мне тоже так показалось. Каммингс всегда приходит с полицейскими, которые арестовывают тебя?

— Нет. Но они всегда говорят, что шеф хочет меня допросить. Они глупы, как пробки.

— Что происходит в полицейском участке?

— Меня отводят в кабинет шефа. Затем приходит он и запирает дверь. Притворяется, будто допрашива-

ет меня. Я отдаю ему деньги, он мне — наркотики. Все очень просто. Иногда меня держат в камере всю ночь. Получается правдоподобнее.

— Как Каммингс узнает, что тебя пора арестовывать... что ты принес ему деньги?

— Я ставлю фургончик в определенном месте, чтобы он увидел его из окна кабинета.

— Сколько денег ты приносишь ему каждый раз? В среднем?

— Примерно двадцать тысяч долларов.

— Каждые две или три недели?

— Каждые десять дней или около этого.

— Как переносишь деньги?

— Ты же говорил, что Толстяк Сэм все рассказал.

— Я хочу услышать от тебя.

— В поясе. Под гавайской рубашкой.

— И точно так же доставляешь наркотики Толстяку Сэму?

— Да. Я приношу их в том же поясе.

— Как ты передаешь их Толстяку Сэму?

— Ему я ничего не передаю. Я просто отхожу в дальний угол лачуги и бросаю пояс на пол. Потом Толстяк Сэм подбирает его. А сам встаю в очередь и притворяюсь, что покупаю очередную порцию.

— Это я видел. Даже меня одурачил. И что ты с этого имеешь?

— Бесплатные наркотики. Сколько хочу.

— Но не деньги?

— Нет. Никогда.

— Как ты оплачиваешь фургон?

— Он принадлежит Толстяку Сэму. Разве ты этого не знаешь? Он не сказал тебе?

— Нет. Я никогда не видел его за рулем.

— Он никогда не уходит с пляжа.

— Почему?

— Боится, что кто-нибудь попытается ограбить его. Все уверены, что он набит деньгами или наркотиками. На самом деле у него ничего нет. И то, и другое ношу я.

— Как он отдает тебе деньги?

— В денежном поясе. Я вроде бы покупаю у него наркотики через каждые несколько дней. Когда я вижу лежащий на полу денежный пояс, я сажусь рядом и надеваю его под гавайскую рубашку.

— Хорошо, Гамми. Из тебя выйдет отличный рассказчик.

— Наверное.

— Когда Каммингс забирает деньги и дает тебе наркотики, в кабинете, кроме вас двоих, никого нет?

— Нет. И дверь заперта.

— Полицейские никогда не помогали тебе передавать деньги или наркотики?

— Никогда.

— Как ты думаешь, кому-нибудь из сотрудников полиции известно, что наркотики попадают на побережье через их начальника?

— Они же турицы. Никто ничего не знает. Даже не подозревает.

— Разве им не кажется странным, что каждые неделю или десять дней он допрашивает тебя и только тебя?

— Мой отец — директор школ округа. Поэтому, думают они, Каммингс так возится со мной. Возможно, они считают меня доносчиком, полагая, что я шпионю для Каммингса.

— Как долго все это продолжается?

— Сколько лет?

— Да. Сколько лет?

— Примерно четыре года.

— А сколько лет тебе, Гамми?

— Семнадцать.

— Значит, вначале ты не мог использовать машину, чтобы привлечь внимание Каммингса. Как ты выходил из положения?

— С помощью велосипеда. Яставил его на стоянке. Каммингс видел его через окно. На моем велосипеде было лиловое сиденье и большое зеркало заднего обзора.

— Как ты стал курьером?

— Я пристрастился к наркотикам в школе. Тогда наркотики носил старшеклассник по имени Джейф. Он застрелился. Только после его смерти я узнал, что он носил наркотики.

— Тебя подключил Толстяк Сэм?

— Нет. Через день после смерти Джейфа я почувствовал себя плохо. Организм требовал очередной дозы. Только тогда, собственно, до меня дошло, что я стал наркоманом. Но Джейф застрелился, и поступление наркотиков прекратилось. А потом двое полицейских задержали меня на велосипедной стоянке у школы и отвезли в участок. Я насмерть перепугался. Меня провели к Каммингсу, он запер дверь кабинета, и состоялся наш первый разговор. Мы заключили первую сделку.

— То есть к распространению наркотиков тебя привлек начальник полиции?

— Да.

— А впервые ты получил наркотики у Толстяка Сэма?

— Нет. У Джейфа. Прямо в школе. Бесплатно. У него был излишек. Он дал их мне. Так как я был сыном директора, они решили, что, затянув меня, обеспечат себе дополнительное прикрытие. Во всяком

случае, в школе. Несколько месяцев спустя Джейф отказал мне и послал к Толстяку Сэму. Он сказал, что я требую слишком много. Некоторое время, пока Джейф не застрелился, мне приходилось платить за наркотики.

— Где ты брал деньги?

— Трижды грабил родителей.

— Собственный дом?

— Да. Я боялся влезть к кому-то еще. Я же был ребенком. Особенно жалел, что пришлось украсть цветной телевизор.

— Родители не подозревали тебя?

— Нет. Они просто сообщали о кражах Каммингса. И, получив страховку, покупали новые вещи.

— Родители знают, что ты наркоман?

— Да. Наверное, знают.

— Они никогда не говорили с тобой об этом?

— Нет. Отец не хочет поднимать шума. В конце концов он директор школ округа.

— Хорошо, Гамми, ты подожди, а я напечатаю все, что ты сказал.

Показания Гамми заняли почти целый лист. Он подписал все три экземпляра. Льюис Монтгомери. У него был почерк девятнадцатого. Флетч заверил каждую подпись.

— Бобби действительно умерла?

— Да.

— Приняла слишком большую дозу?

— Да.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

— Пора все это прекратить. Правда?

— Да.

— Я часто думал, как это произойдет. Джейф вон застрелился.

— Я знаю.

— Я чувствую себя виноватым в смерти Бобби.

— Понимаю.

Флетч отдал третий экземпляр, сложил вчетверо и засунул в задний карман. Затем закрыл пишущую машинку.

— Что будет со мной? — спросил Гамми.

— Завтра, в одиннадцать утра, ты должен подойти к пивному ларьку. Там тебя будет ждать Толстяк Сэм. Вас встретят. Возможно, они будут в штатском. А до одиннадцати часов прошу тебя не высказываться.

— Хорошо. А что дальше? Куда меня отвезут?

— Скорее всего в больницу и оставят там под вымышленным именем.

— Я вылечусь, а?

— Да. Думаю, что да.

Флетч никак не мог понять, почему Гамми не уходит. Подросток так и сидел, спиной к стене, лицом к окну.

В конце концов до Флетча дошло, что Гамми плачет.

С машинкой в руках Флетч подошел к лачуге. Сэм лежал на песке, подложив под голову свернутый спальник, и читал книгу Маркуса «Эрос и цивилизация». Спальник вонял. Воняло и от Толстяка Сэма.

— Привет, Ватсаяна.

В углу возвышалась груда пустых консервных банок. Они тоже воняли.

Флетч протянул Ватсаяне показания Гамми.

— Я — Флетч из «Ньюс-Трибюн».

Толстяк Сэм положил книгу на песок.

Пока он читал показания Гамми, Флетч уселся поудобнее и снял футляр с пишущей машинки, проложил копиркой три листа бумаги и вставил их в каретку.

Показания Гамми Толстяк Сэм перечитал дважды. Затем сел.

— И что теперь?

— Твоя очередь.

— Ты даже правильно написал мои имя и фамилию. Чарльз Уитерспун. Я уж и не помню, когда слышал их в последний раз.

— Наверное, Гамми узнал твою фамилию из регистрационного талона на «Фольксваген».

— О, да. — Ватсаяна оглядел залитый солнцем пляж. — Ты ждешь моих показаний?

— Хочу добраться до Каммингса.

— Я тебя не виню. Весьма неприятный тип.

— Или ты повесишь его, или будешь висеть вместе с ним.

— О, я его повешу. С удовольствием.

Толстяк Сэм потянулся за книгу Джонатана Эйзена «Век скал».

В книгу был заложен сложенный лист бумаги. Толстяк Сэм сдул с него песок и протянул Флетчу.

«Сэм, Джейф покончил с собой. Его нашли на футбольном поле с пулевой в голове. Нам нужен новый связной. Стоит попробовать Монтгомери. Возможно, через день-другой он придет к тебе с денежным поясом. Нам нужен кто-то из местных. Каммингс».

— Это вещественное доказательство, не так ли?

— Да.

— Как видишь, дорогой Флетч, начальник полиции собственноручно написал эти несколько строк и расписался под ними.

— Вижу. Как она попала к тебе?

— Хочешь верь, хочешь нет, но ее в запечатанном конверте принес полицейский. Я не знал, как с ней поступить, к кому обращаться, раз в полицию путь закрыт. Забыл о могуществе прессы.

— Ты хотел выдать Каммингса?

— Всегда мечтал. Я был его узником, знаешь ли.

— Все равно что сидел в тюрьме.

— Не понял.

— Когда я приехал сюда из Колорадо, у меня был запас наркотиков, спасибо моей старушке маме, оставившей страховку. Чтобы продержаться на этом великолепном пляже, мне пришлось кое-что продать. До стопотченный начальник полиции арестовал меня. С поличным. И предложил либо садиться за решетку на долгий срок, либо работать на него. Я выбрал последнее.

— То есть ты не получаешь никакой прибыли?

— Абсолютно. И никогда не получал. Я его узник.

— Толстяк Сэм, ты же умный, интеллигентный человек. Можно же было обратиться в вышестоящие инстанции и разоблачить Каммингса?

— Ты понимаешь, Флетч, что я к тому же наркоман?

— Да.

— Я стал наркоманом, преподавая музыку в Денверской школе. Когда умерла мать, оставив мне пятнадцать тысяч долларов, я был уже законченным наркоманом.

— Ты мог поставить крест на этом безобразии. Особенно после записки.

— У Каммингса были улики против меня. Помимо того, что я — наркоман. По договору с достопочтенным начальником полиции наркотики я получал бесплатно. Как и Гамми. Каммингс расплачивался только товаром. И потом, я всегда надеялся получить хоть какие-то гарантии безопасности, если уж мне придется давать показания. Ты можешь гарантировать мою безопасность, Флетч?

— Да. Завтра в одиннадцать утра вывезут отсюда от пивного ларька. Тебя и Гамми.

— Завидная предусмотрительность. А потом, я полагаю, ты выплеснешь всю эту грязь на страницах своей газеты?

— Статья будет опубликована в завтрашнем дневном выпуске «Ньюс-Трибюн». Первые экземпляры появятся в киосках в двадцать минут двенадцатого. Если ты не придешь к пивному ларьку в одиннадцать, к трем часам тебя скорее всего убьют.

— О, я приду. Должен отметить, ты не теряешь времени даром.

— Я не хочу отдавать материалы в редакцию до самого последнего момента.

— Но тебе нужны фотографии.

— У меня есть несколько отличных снимков. Они лежат в столе и ждут только подписей.

— Ты, я вижу, ничего не упускаешь. Помнится, я как-то сказал, что ты не слишком умен. Я ошибся. Ты очень хороший актер.

— Я лжец с блестящей памятью.

— Таким и должен быть актер. Как тебе удалось раскусить нас?

— Тебе трижды приносили товар, прежде чем я понял, что посыльный — Гамми. Натолкнули меня на это его гавайская рубашка и регулярные аресты. Полиция забирала только его. И именно в те дни, когда твои запасы подходили к концу. Кажется, первым отметил это совпадение Кризи. Но до сутин он, естественно, не допер. Потом, в ночь на воскресенье, я ввязлся в драку с фараонами, но они не забрали меня. Вот тогда я окончательно понял, что Каммингсу нужен только Гамми. И никто больше.

— Еще бы.

— Кроме того, я узнал о частых поездках Каммингса в Мексику. Мне сказал об этом Джон Коллинз.

— Я его не знаю.

— Потому что не играешь в теннис.

— Раньше играл. В Денвере. А как тебе удалось вытянуть показания у Гамми?

— Наврал, что ты уже во всем признался, возложив вину на него.

— И он клонул? Почему Гамми поверил, что я дал показания?

— Потому что Бобби мертвa.

— Толстяк Сэм. Она действительно умерла.

— Понятно. Жаль. Милая девушка. Где ее тело?

— Его скоро найдут.

— И найденное тело вызовет лавину. Полиция хлынет на побережье.

— Выплыть тебе не удастся.

— Что ж, пора с этим кончать.

— То же самое сказал и Гамми.

— Интересно, как я буду жить дальше. Мне тридцать восемь, а я чувствую себя столетним стариком.

— Тебе помогут. А теперь давай запишем твои показания.

— Нет. Уйди от машинки. Я все сделаю сам.

Флетч лег на песок. Толстяк Сэм сел за пишущую машинку.

— Посмотрим, помнит ли Ватсаяна, как надо печатать. Посмотрим, помнит ли Толстяк Сэм, как надо печатать. Посмотрим, помнит ли Чарльз Уитерспун, как надо печатать...

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

Окончание следует.

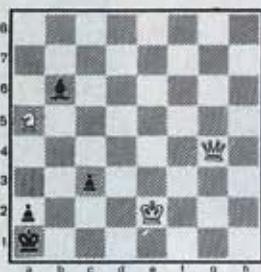
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО
Итоги конкурса
составления задач-миниатюр
Трехходовки, 1987—89

I приз
А. Владимиров
Алтайский край
Н. Зиновьев
г. Усть-Каменогорск

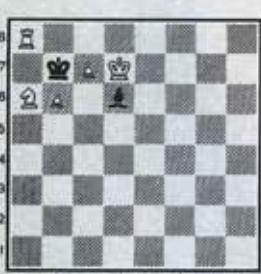
1. Kpb5 (цугцванг) 1...Kpb2 2. Fa3+!
Kra3 3. Kc4x, 1...b2 2. Fa2+! Kra3 3.
Лабх. Две нестандартных жертвы белого ферзя на смежных полях разного цвета!

II приз
В. Антипов
г. Боровичи

1. Fa4! C:a5 2. Fc2 (угроза) и 3. Fc1x,
1...Kpb2 2. Kc4+ Kpb1 3. Fd1x,
1...Kpb1 2. Fd1+ Kpb2 3. Kc4x. Все три маты — правильные. В двух главных вариантах происходит чередование вторых и третьих ходов белых фигур.

III приз
О. Амыров
Алтайский край

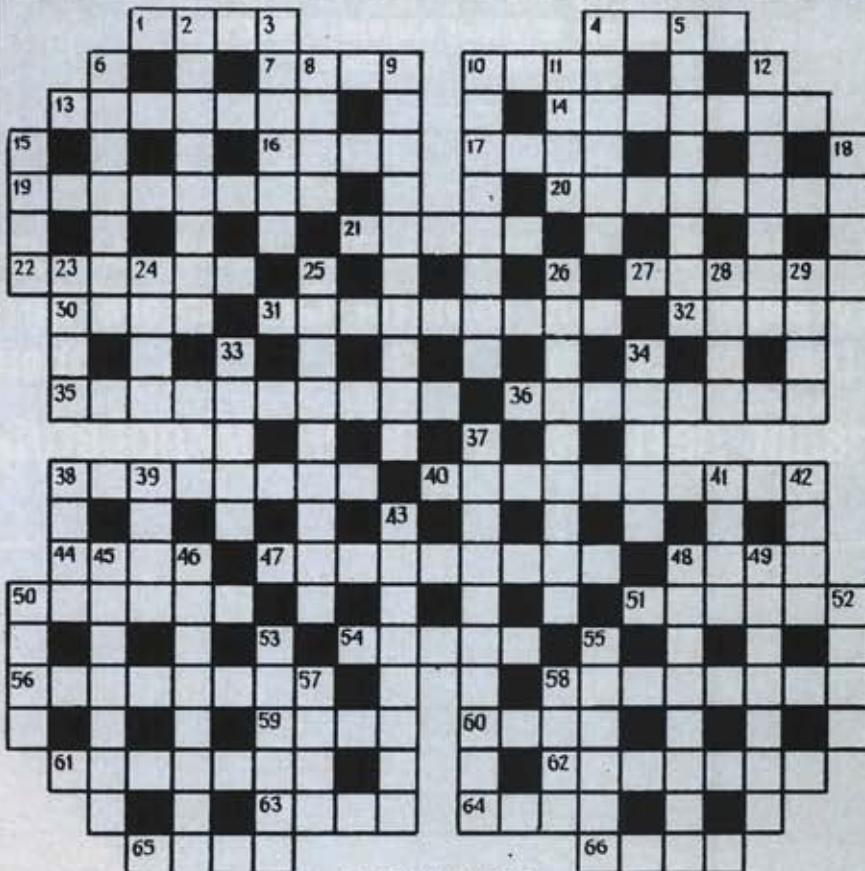
1. с8K! Kpa8 2. Krc6 3. b7x,
1...C8b 2. Kc5+ Kpa8 3. b7x. Неожиданное слабое превращение на первом ходу в очень сильной позиции приводит к двум правильным матам двумя конями и пешкой.

Задачи, получившие другие отличия в конкурсе, будут опубликованы в следующем номере журнала.

Итоги конкурса — предварительные. Замечания следует присыпать в течение двух месяцев после публикации итогов.

КРОССВОРД

Составил Г. Дробот. Днепропетровск

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Фигура, в которой меньше 180 градусов. 4. Предохранитель у ручной гранаты. 7. Второй сборник новелл С. Цвайга. 10. Место поединка в одноименной повести А. Куприна. 13. ...Егорова — говорунья, пустомет. 14. Цветок, визитная карточка Сингапура. 16. Одна морская миля в час (мера). 17. Синоним почерка, стиля писателя. 19. Лекарственное растение, которое найти так же трудно, как найти клад. 20. Советская актриса. Впервые снялась в фильме «В бой идут одни «старики». 21. Вид гравюры, название которой в переводе с французского значит «крепкая водка». 22. Птица, символ борьбы испанских колоний за независимость. 27. Герой гражданской войны, прототип героя в романе А. Серафимовича «Железный поток». 30. Членистоногое животное. В 1924 году обнаружено даже на высоте 6600 метров на Эвересте. 31. Одна из трех греческих богинь красоты. 32. Земля на западе ФРГ. 35. «Лыком шитый купец» (Н. Некрасов). 36. Опера Я. Пери, первая из тех, музыка которых сохранилась. 38. Автор романа «Капитан Сор-

ви-голова». 40. Итальянский физик, развеявший мнение, что «природа боится пустоты». 44. Кавказская курица, быстро бегающая даже по крутым горным склонам. 47. Морозустойчивый гибрид вишни и черемухи, выведенный И. Мичуриным. 48. «Все кажется в другом ошибкой нам; а примешься за ... сам, так напроказишь вдвое хуже» (И. Крылов. «Обоз»). 50. Парча с шелковой или бумажной основой. 51. Морская родственница споны. 54. Добрая жена — веселье, а худая — злое ... (пословица). 56. Латиноамерикансое государство, отметившее в прошлом году столетие со дня отмены рабства. 58. Полководец, назвавший М. Кутузова «старым лисом Севера». 59. Город северо-восточнее Нанта с музеем шпалер. 60. Французский композитор, первой оперой которого была «Петр и Екатерина». 61. Самый древний на русском Севере писчий материал. 62. Каждые 16 страниц книги. 63. Одно из русских народных названий девасила. 64. Знак препинания. 65. Высокая крутая скала. 66. Декоративное орнаментальное письмо.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Инструмент, которым в экспедициях В. Баренца измеряли высоту солнца над горизонтом. 3. «Золотая медь» Древней Греции. 4. Самоцвет, названный по крупнейшему приотку Олекмы. 5. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 6. Амазонская ... — величайшая в мире. 8. Форма лекарства. 9. Химический элемент, обеспечивающий ярчайшее сияние сверхновой звезды. 10. Фехтовальщик. 11. Один из самых известных полководцев гражданской войны. 12. Сосуд, разбитый на куски героем в стихотворении Н. Огарева «Алхимик». 15. Короткая прическа. 18. Название статуй Микеланджело и Торвальдсена, посвященных греческому богу виноградарства. 23. Высший сорт фаянса. 24. Приморский курорт в Англии. 25. Житель страны, где издают международную «Красную книгу». 26. Мир как целое в философии. 28. Сухая долина в пустыне Аравии и Северной Африки. 29. Бойкий, проворный мальчик (по Даю). 33. Норвежский драматург, никогда не писавший 31 декабря, боясь, что это, по-

вперво, обернется творческим бесплодием в наступающем году. 34. Река, вытекающая из озера Гарда и впадающая в По. 37. Самая яркая звезда в созвездии Южной Рыбы. 38. Дорожный сундук, большой чемодан. 39. Фольклорная форма «Малахитовой шкатулки». 41. Оградительный трос вдоль бортов судна. 42. Армяне — хай, грузины — картвели, осетины — ... 43. Африканское животное, чей язык почти столь же длинный, как и его тело. 45. Полевой госпиталь. 46. Дипломатический ранг. 48. Африканский зверь, способный стрелять своими иглами. 49. Совокупность условных знаков и пояснений к географической карте. 50. Название залива в наших северных морях. 52. Живущий в Японии народ, до сих пор спрашивавший «медвежий праздник». 53. Стилистическое неблагозвучие типа «о оазис». 55. Советский легкоатлет, троекратный чемпион Олимпийских игр в тройном прыжке. 57. Город в Индии (союзная территория Путтучери). 58. Каустическая сода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

7. Батист. 9. Кузмин. 11. Оникс. 14. Частокол. 15. Квинтилиан. 16. Лилия. 18. Нерча. 21. Хобби. 22. Пианистика. 23. Бекар. 26. Уэлги. 28. Душа. 29. Медведка. 30. Юрфе. 33. Жара. 34. Послание. 35. Ерза. 36. Скотт. 39. Эванс. 42. Белиберда. 43. Языги. 44. Тесь. 46. Шагал. 50. Ахмадулина. 51. Ортоклаз. 52. Истод. 53. Синтез. 54. Зарево.

По вертикали:

1. Ласточка. 2. Вилка. 3. Атолл. 4. Иксия. 5. Дзета. 6. Библиотека. 8. Цикл. 10. Мачете. 12. Квистеп. 13. Разбег. 17. Иена. 19. Ницшеанец. 20. Сковорода. 24. Карло. 25. Рест. 26. Уджаз. 27. Ларга. 31. Фотография. 32. Диликанс. 37. Казахи. 38. Щепа. 40. Воейкова. 41. Нитрат. 45. Путто. 46. Шизизм. 47. Гать. 48. Лоды. 49. Штурм.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СТЕНА'89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1501) ДЕКАБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Оформление
Александра КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

Сдано в набор 19.10.89.
Подписано к печати 01.11.89.
А 00401. Формат 70 × 108½.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Усл. кр.-отт. 19.60. Уч.-изд. л. 10.26.
Тираж 2 500 000 экз.

Заказ № 1393.

Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерки,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

«...Это смотрит на нас будущее страны, земли. Не спугните, не обманите новорожденную доброту. Ей предстоит передать Родине, тоже прошедшей путь сиротства и предательства отцов, древнее на Руси понятие родства: ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО ТВОЕГО...»

И не на словах — на деле:

**Вы реально поможете строительству семейных детских домов, купив благотворительные билеты Советского Детского фонда (достоинством в 1, 3, 5, 10, 25 рублей).
Наши дети ждут нашего милосердия!**

